

Сергей Черемнов

Партийный ХИТ сезона

Рассказы

© 2019 г.

«Партийный хит сезона» – новая (электронная) книга Сергея Черемнова. В сборник рассказов вошли произведения, написанные в 2017-2019 годы. В них – истории о студенческой жизни, о работе журналистов, огородные «страдания» тех, кто жил и трудился в России в 70-90-е годы XX века. Помимо интересных сюжетов внимание читателя привлекают тонко подмеченные автором знаковые детали ушедшей «эпохи СССР».

12+

Черемнов С.,
Партийный хит сезона. Рассказы
2019 г. – 187 с.

Ночлежка с гарантией

- А как правильно писать: «паздравляю» или «поздравляю»? – Ашот наивно смотрел на Сергея широко раскрытыми глазами цвета спелой вишни.

- Через «о», - буркнул Сергей в ответ, не отрываясь от учебника истории СССР.

- А как писать: «мами» или «мамэ»? – опять спросил его сосед по комнате и смачно почесал свой затылок, украшенный спутанными курчавыми волосами.

- Маме, - начал «закипать» Сергей. – Уймись, ты мешаешь мне. Я же к экзамену готовлюсь. – Он повернулся с книгой на другой бок. Старенькая, изрядно продавленная раскладушка тревожно заскрипела под ним.

- А я маме аткрытку пэшу с днэм рождэня, - мечтательно улыбался Ашот. – Пэрэдставлаэш, она в Армэнии ат мэня аткрытку палучит на русский языке. Абрадуэтца! Ти жэ ашыпки мэне исправишь?

- Ладно, - вздохнул Сергей. – Куда от тебя денешься?! Давай свою открытку.

Ашот торопливо протянул ему картонный прямоугольник, на одной стороне которого красовалась фотография центральной площади областной столицы, где они сейчас и находились, пытаясь поступить в местный пединститут. Другая сторона открытки была густо исписана неровными строчками. Причём, адрес был написан на армянском, а остальное – на русском.

«Лубимой маме, - начал читать Сергей. – Дарагой мама, ат всего сэрца поздравляю тэбя...»

Он засмеялся:

- Да тут ошибка на ошибке... Ты бы лучше ей на родном языке написал, а то она испугается твоего русского.

- Так же мэне исправэш? Памаги, а! Мами пэриятно нада сдэлать!

- Ладно, - снова вздохнул Сергей. – Давай ручку, буду исправлять. А у тебя запасная открытка есть? Будешь переписывать поздравление?

- Канэчна! – хитро улыбаясь белозубой улыбкой, Ашот запустил руку под подушку и вытащил оттуда ещё пару новых открыток...

Комната, в которой они жили уже третий день, была учебной аудиторией институтского биофака. В начале 1970-х конкурсы почти на все факультеты были высоки: вчерашние школьники потянулись к высшему образованию.

Еще одной причиной большого наплыва абитуриентов в Сибирский пединститут этим летом 1973 года стало решение Совета Министров РСФСР, которое Сергей вычитал в газете «Известия» ещё в марте. Там сообщалось, что уже в следующем году педагогический институт решено сделать госуниверситетом. Здесь появятся новые факультеты и специализации, одна из которых и привлекала его.

Общежитий на всех абитуриентов не хватало. Ректорат помогал поступающим с жильём, как мог. Из этой аудитории, например, на время летних вступительных экзаменов вынесли столы и стулья, поставили раскладушки, ровно восемнадцать – по девять с каждой стороны от прохода, который разделял комнату на две половины. К раскладушкам приставили по расшатанному стулу. Получилось общежитие, наверное, самое необычное из всех общежитий для тех, кто устремился за новыми знаниями. Парни прозвали его «ночлежкой». Все удобства были в коридоре, но с этим ничего нельзя было поделать.

На раскладушки поселили восемнадцать абитуриентов, поступающих на разные факультеты. Ашот шёл на спортивный факультет. Кто-то определялся на исторический, физический, химико-биологический, математический факультеты и даже – на иняз. Из всей «ночлежки» Сергей один шёл на филфак. Кое-кто из соседей посмеивался над ним, мол, мужик, а хочет получить «бабскую» профессию, ведь всем было известно, что филфак на 99 процентов состоял из девчонок. Он отмалчивался, не реагируя на шутников. У него был свой резон поступить именно туда.

Вечером, когда вся абитура собиралась вместе, в комнате было не протолкнуться. Тот или другой без конца ходили по проходу, под ногами путались чьи-то сумки и чемоданы, кругом лежали вещи, пакеты с продуктами. Народ всухомятку жевал купленные в киоске по соседству давно остывшие беляши и пирожки с картофелем или капустой, запивая молоком или кефиром из стеклянных бутылок. Некоторые курили у приоткрытого окна болгарские сигареты «Опал», «Стюардессу» или «ТУ-134». Стоял бесконечный гомон, в котором трудно было готовиться к экзаменам. Но Сергей, не обращая ни на что внимания, читал учебники и в этом вечернем содومه.

Ведь экзамены начинались через пару дней...

Город утопал в зелени скверов и знойном июльском мареве. Чтобы хоть как-то бороться с жарой, которая доставала обитателей «ночлежки» даже ночью, в ночные часы открывали единственное окно и входную дверь. Но лишь к утру прохладный сквознячок начинал слабо теревить застиранные оконные шторы, и немного освежал перегретую атмосферу общаги.

В первые дни Сергей под утро и засыпал, уже не обращая внимания на храп, сонное бормотание соседей и скрип раскладушек. Рядом с ним крепким сном спал его брат Евгений. Брат, впрочем, был двоюродным. И именно благодаря ему, Сергей и оказался в этой комнате.

Первый раз в это лето Сергей приезжал в столицу области сразу после выпускного – сдать документы в приёмную комиссию и разузнать про конкурс на вступительных экзаменах. Благообразная седая женщина, которая принимала его, сказала, что конкурс на филфак уже больше трёх человек на место и желающие продолжают подходить. «Но у вас, молодой человек, шансы высокие», - тихо сказала она ему будто по секрету.

- Почему? - наивно удивился Сергей.

- Ну, во-первых, у вас хороший аттестат – всего две четвёрки, остальное «отлично», включая русский и литературу. Средняя арифметическая оценка аттестата об окончании школы у вас получается четыре с половиной – её приплюсуют к вашим оценкам за экзамены. А во-вторых, на филологическом парней ценят на вес золота, там же одни девушки...

- И ещё, молодой человек, - она совсем перешла на шёпот. – На вступительные приезжайте пораньше. Нынче ожидается большой наплыв абитуриентов, а мест в общежитии не так много, всем не хватит. Снимать квартиру у частных недёшево. И потом, у вас будет возможность походить на подготовительные занятия перед испытаниями, познакомиться с преподавателями, узнать требования к поступающим. Во всех отношениях выгодно, чем болтаться дома без дела.

Сергей так и рассчитывал: два-три дня побыть дома и снова вернуться сюда. Дома друзья, одноклассники, прогулки допоздна, телик. Какая к чёрту подготовка! Тут по одной грамматике или истории надо кучу страниц пролистать.

Правда, ему ещё не доводилось надолго покидать дом. Было немного боязно отрываться от родительской опеки. Но он убеждал себя, что в свои 17 лет он уже вполне взрослый человек. На автобусе-поезде-самолёте вполне может ездить сам. Значит, и самостоятельную жизнь начинать уже пора.

Однако брат его переубедил: «Нечего торопиться, - сказал он уверенно. – У меня опыт имеется. Я уже поступал, правда, неудачно... Поедем ближе к экзаменам, а пока готовиться будем дома».

Брат был на год старше. Темноволосый, кареглазый, симпатичный, с благородным профилем римского патриция, ростом выше Сергея, он обучался в престижной школе их шахтёрского города, успевая при этом и неплохо учиться, и дружить с многочисленными поклонницами. Да ещё посещал кружок археологии в городском краеведческом музее. В минувшем году Евгений делал попытку «прорваться» на истфак, однако не набрал нужных баллов. После этого вернулся домой, работал в музее и намеревался снова поступать на исторический.

Сергей, может быть, и не послушал бы его совета. Но в дело встряла мать Евгения мать. Она и убедила свою сношенницу – Серёгину маму, что нечего парням раньше времени ехать в незнакомый город, подвергаться его опасностям и соблазнам. И что бы ни говорил после этого Сергей, мама упёрлась и отпустила родное чадо «в область» лишь за пять дней до начала экзаменов. Правда, дома он, действительно, целыми днями безвылазно сидел над школьными учебниками, повторяя то, что может попасться на вступительных экзаменах. Включал музыку на магнитофоне, открывал учебник, и – вперед, страница за страницей...

Когда Сергей и Евгений прибыли в пединститут, оказалось, что мест в общежитии для абитуриентов не осталось.

- Что делать, что делать? Не знаю, что делать! – развела перед ними руками в коридоре института дородная женщина из службы проректора по хозяйству. – Вы бы ещё за день до вступительных явились! Снимайте квартиры у частных.

- Так у нас денег нет! – выкрикнул из-за спины Сергея худой чернявый парень, который до этого находился в тени.

- А давайте, парни, к ректору пойдём, – встрял в разговор ещё один, толстенький, белобрысый молодой человек, который тоже ошивался поблизости.

Сергей оглянулся и заметил, что вместе с ними здесь в поисках жилья крутится ещё пять-шесть человек. «Ну, что? - посмотрел он на Евгения. – Наверное, надо к ректору. Иначе на улице будем ночевать».

Ректорский этаж был выше. Возле приоткрытой двери приёмной стояло ещё несколько парней.

- Вы тоже про общагу узнаете? – спросил один из них у вновь пришедших.

Из приёмной им навстречу вышла молоденькая секретарша в длинной чёрной юбке:

- Николай Николаевич всех вас не примет. Просит зайти двоих.

Парни начали растерянно переглядываться.

- Мы пойдём, - неожиданно вызвался Сергей. – Пойдём, - потянул он Евгения за рукав.

Они вошли в огромный кабинет, все углы которого были завалены горами папок и книг. Посередине кабинета стоял стол, тоже заваленный бумагами, за ним сидел большой, строгий на вид человек и что-то торопливо и размашисто писал, его крупная голова была увенчана густой гривой седых волос. Братья растерянно топтались у входа, пока ректор не обратил на них внимание.

- Проходите, что же вы? – пригласил он робких посетителей. – Садитесь, я вас слушаю.

- Давай, ты, - шепнул Евгений Сергею. И тот сбивчиво изложил ситуацию.

- Ночевать нам негде, Николай Николаевич, - заключил он жалобно. -Помогите с жильём.

- Так! – громко хлопнув по столу ладонью, сказал ректор и встал. – Наташа! - громко позвал он секретаршу. И когда та впорхнула в кабинет, спросил, - Зайцев ещё на работе? Зови...

Вскоре появился маленький лысый человек в мятом тёмном пиджаке с кожаными налокотниками. Он потел и постоянно вытирал шею и лысину скомканным серым платком, у него был вид человека, насильно оторванного от важного дела. С этим недовольным видом замректора и подступил к столу шефа. Они начали тихо о чём-то шептаться. «Нельзя, - доносилось до братьев. - Санэпидстанция нам задаст трёпку...»

Наконец, ректор поднял голову и объявил:

- Всё, Ефим Павлович, действуйте! А ответственность я беру на себя.

- Так вы уж приказ напишите, Николай Николаевич, - хмуро попросил его Зайцев.

- Напишу, - кивнул ректор.

- Сегодня напишите...

- Сегодня напишу, - снова тряхнул ректор своей седой гривой. – А вы сегодня же ребят поселите. Этих вот забирайте и тех, кто в коридоре. Заодно парни помогут комнату оборудовать.

В общем, они всей гурьбой пошли за Зайцевым на задний двор главного институтского корпуса. Там высилось старое двухэтажное здание биологического факультета – с лабораториями, разными каптёрками и кабинетами. Сейчас корпус пустовал. «Все наши уехали в «поле», на практику. Потом на каникулы пойдут», - громко объясняла Зайцеву пожилая вахтёрша, которую он обнаружил внутри здания в комнате дежурного.

- Открывай нам, Петровна самый большой кабинет на втором этаже, - сказал ей Зайцев, вытирая платком капли пота на голове и шее. – Общежитие у вас делать будем.

- Батюшки-светы! - всплеснула руками Петровна. – Какое общежитие?!

- Такое общежитие! - в тон ей ответил Зайцев. – Николай Николаевич приказал. Вон, видишь, абитуриентам жить негде, - махнул он рукой на толпящихся за ним парней.

Самая большая комната находилась как раз напротив лестничного пролёта. Петровна достала из кармана застиранного серого халата связку ключей, выбрала

один и открыла двери аудитории. Здесь обитал полусумрак, стояли ряды столов и стульев. Большое окно с двойными старыми облупленными рамами было закрыто длинными плотными шторами.

Петровна по-хозяйски проследовала к окну, решительным движением раздвинула шторы. В аудитории стало светло.

- Ну и как они тут будут жить? Удобств-то никаких! Всё – в коридоре, - повернулась она к вошедшим следом ребятам.

- Не бойся, ещё как будут! Куда им деваться? Правильно говорю, парни?! - те смущённо начали отводить глаза. И только Сергей поддержал:

- Конечно, будем. Командуйте, Ефим Павлович!

- Молодец, - Зайцев хлопнул его по спине. - Бригадиром будешь. Выносите мебель в коридор, ставьте вдоль стен.

- Делай, как я, - сказал Сергей Евгению.

Они взяли ближний к двери стол и потянули к выходу. К ним стали подходить другие парни. Через полчаса кабинет опустел. Зато заметнее стали разводы и царапины на давно не белёных стенах.

За это время Зайцев успел куда-то сбегать и, вернувшись, снова подошёл к Сергею:

- Выделяй человек шесть, за раскладушками пойдём.

Через пару часов кабинет преобразился в общежитие: его заполнили восемнадцать раскладушек: по числу нуждающихся. Зайцев выдал им и матрасы, тонкие синие одеяла, подушки, набитые слежавшимися комками ваты, простыни и наволочки. Новые жильцы начали занимать места. Кому-то захотелось лечь у окна, кто-то захотел ближе к двери. Братья выбрали места посередине. «Они самые безопасные, – посчитал Евгений, тщательно заправляя постель. – Прямо как в ночлежке. Ничего, – оправдываясь, сказал он брату. – Крыша над головой есть, спальное место имеется. Пойдём-ка на почтамт, позвоним домой, доложимся, чтобы не волновались».

До почтамта был недалеко – не больше километра. Он стоял в самом центре города, на углу главной городской площади и Советского проспекта. На переговорном пункте телефонистка по очереди вызвала их в душную, лишённую кислорода кабинку. Сергей твёрдым голосом заверил маму, что устроились они наилучшим образом, в одной комнате с братом, условия великолепные до такой степени, что он уже даже начал заново перечитывать учебники. Он знал, что если его голос в разговоре с домом дрогнет хотя бы раз, мама поймёт, что что-то не так, и разволнуется. А это было ни к чему.

- Ты своим лишнего не наболтал? – подозрительно спросил его Евгений.

- Я-то – нет. Хотя мы по твоей милости в этой ночлежке оказались...

- Ладно, молодец. Как-нибудь прорвёмся. Я, например, на сто процентов намерен поступить. Мне эти условия пофигу. Будем вместе держаться, прорвёмся, всё получится! Вот увидишь, - убеждал старший, пока они шли по прокалённой июльским зноем площади назад, в общагу.

- Жрать охота! – погладил себя по впалому животу Сергей.

- Без проблем. Здесь за углом есть гастроном «Новинка». А рядом с ней – киоск с беляшами. Пойдем.

В комнату они вернулись с пакетами еды. Дело шло к вечеру. В ночлежке собрались все её обитатели и тоже начинали доставать свои припасы еды.

- Приглашаю присоединяться к нашей трапезе, - по-соседски позвал новых знакомцев Сергей.

Многие согласились ужинать вместе. Те, кто согласился на общий стол, сдвинули вместе несколько стульев, выложив на этот импровизированный стол свои нехитрые закуски.

Солнце спряталось за стену главного корпуса института. Тени от стен соседних пятиэтажек, окружавших их общагу, превращались в сумерки уходящего дня. В комнате стало темней, и они включили свет, несколько тусклых лампочек осветили комнату.

- Давайте знакомится, что ли, - предложил Сергей соседям. – Меня зовут Сергей. Если кому интересно, я поступаю на филфак. А это мой брат Евгений, идёт на истфак, - кивнул он на старшего. – Мы из Прокопы.

- Пётр, - протянул ему руку высокий худой парень в очках. – Я из Анжерки, сдаю на физфак.

- Я Фёдор – из Ленинска, - потянулся за ним крепкий белокурый парнишка. – На спортфак документы подал.

К нему тут же подскочил кавказского вида паренёк:

- Карашо спортфак. Мы тожэ на спортфак. Я Ашот из Армении.

Ещё двое ребят приехали поступать в Сибирский институт из Чечено-Ингушетии: один из Ингушетии, другой из Чечни.

Все остальные были «свои», из городов и деревень их региона: и из южных городов области - из Кузни и Междурья, срединного Крапивинского района и северной Ижморки, - всем хотелось знаний и учёбы на разных факультетах. Всех имён Сергей сразу не запомнил. Но с удовольствием уплетал за обе щеки чьи-то домашние пироги с картофелем, кавказские лаваш и сладкую пахлаву вперемежку с розовыми помидорами и пупырчатыми огурчиками. Сидевший рядом с ним, Ашот подсовывал ему куски вкусной лепёшки, сам почти не ел, зато болтал без умолку. «Зэнаэш, пачэму мина Ашот называл?– спрашивал он жующего Сергея. – И, не дожидаясь ответа, сам же отвечал. – Ашот, значэт, надэжда мира. Мина мама так называл. Вот. А ты паможэш мине сачинэнье писать?» – он с надеждой заглянул Сергею в глаза.

- А ты почему в Армении не стал поступать? У вас что, в Ереване институтов нет?

- Зачэм, нэт. Канэшна, ест. Стоит много дэнэг за икзамэны. В Сибирь дэшэвлэ паступаэш. Панэмаэш?

- Но ты же на сочинении «срежешься», с русским у тебя плохо? – Сергей уже устал жевать: в первый раз поел за длинный сегодняшний день. Он сыто отрывал, и его клонило в сон. Он прилёг на свою не расправленную постель.

- Как ты себе это представляешь? Я что, за тебя пойду писать? - сонным голосом спросил он Ашота.

- Ага, - обрадовано ответил тот. – Я заплячу, дэньги ест!

- Мы же непохожи совсем, - пытался образумить его Сергей. – Сразу вычислят по фото и выгонят.

- А я и учытэлю заплячу, дэньги эст! – смеялся Ашот.

- Ладно, давай завтра поговорим, - ответил Сергей, лишь бы отвязаться от наивного соседа, не раздеваясь, повернулся на правый бок и скоро предался богу сна Гипносу и его сыну – богу сновидений, крепкому Морфею.

Ночлежка постепенно затихала: жильцы убрали остатки еды, стелили постели. Кто-то пошёл в туалет – умыться и справить естественные надобности. Вскоре свет в их однокомнатном общежитии погас, но свет уличных фонарей свободно проникал через окно, превращая темноту ночи в прозрачный полумрак.

...Часа через два Сергей внезапно проснулся, как будто кто-то толкнул его в плечо. Тело затекло от того, что долго лежал в одной позе. Он попробовал повернуться на другой бок, раскладушка под ним жалобно заскрипела, и он сразу вспомнил, где находится. Сергей поднял голову, увидел в полутьме ряды раскладушек, спящих ребят. И у него прямо-таки мороз прошёл по коже от того, что с ним это уже было.

Действительно, через мгновение память услужливо напомнила летние ночи в пионерском лагере, куда он ездил каждый год именно в июле – на второй сезон – благодаря матери, которой давали на шахте бесплатную путёвку. Там в деревянных корпусах тоже были большие спальные комнаты с рядами кроватей. И когда он, бывало, внезапно просыпался среди ночи из-за ужасного сновидения, то быстро успокаивался, видя в сумерках ночи мирно спящих друзей-пацанов. А страх оказывался всего лишь фантазией сна. И он знал, что скоро начнётся новый солнечный день с играми, купанием в реке, вкусным обедом, что впереди ещё целая вечность детства без особых забот. И эти мысли так быстро успокаивали и убаюкивали его, что через пять минут он снова безмятежно засыпал.

На этот раз всё было похоже, как в детстве, но всё было не так. И это тревожило и не давало уснуть. Он прямо-таки осязаемо почувствовал, что эта ночь уже не из детства, а из новой жизни, которая началась несколько недель назад вместе с окончанием выпускного класса. Что детская жизнь уже не вернётся, а то, что может быть в его новой жизни, зависит теперь только от него одного.

Сергей постарался подняться как можно тише. Осторожно босиком прокрался к двери. Она скрипнула, открываясь, но никто из спящих не шевельнулся. Он вышел в коридор, где горел голубым ночной светильник. Деревянный пол был всё ещё тёплым, не успев остыть от проникшей всюду дневной жары. Сергей сходил в туалет, брезгливо ступая на цыпочках мимо ряда унитазов, разделённых крашенными в густой синий цвет деревянными перегородками. Выбрав место почище, «сходил» на один из них. Потом долго мыл руки и лицо под тепловатой струйкой воды. И вернулся в ночлежку.

В комнате только на первый взгляд было тихое сонное царство. На самом деле, и он теперь отчётливо слышал это, со всех сторон раздавалось сопение, кто-то время от времени всхрапывал или почти беззвучно бормотал во сне. И ему показалось, что это бормотали ночные духи, охранявшие их странное общежитие.

Сергей подошёл к окну, шире открыл створку, выглянул на улицу. В душную комнату хлынул поток свежего воздуха. В свете фонаря угадывался заросший травой задний двор института. Дальше шёл ряд пятиэтажных «хрущёвок», в которых кое-где люди тоже не спали в этот поздний час. И ему почудилось, что некто прошептал ему в самое ухо тихий привет из родительского дома.

Спать не хотелось. Но Сергей расправил свою постель, застелил матрас простынёй, подушку всунул в наволочку, разделся и лёг под тонкое шерстяное

одеяло. Часы на руке зеленовато отсвечивали в темноте, показывали начало второго ночи.

Он закрыл глаза, и сразу же воображение «привело» его в их деревянный дом на двух хозяев: в одной половине жили родители его отца – дед Алёха с бабушкой Аксиной, в другой – он с отцом и матерью, и младшим братом Валеркой. Он представил их настолько реально, что внутри остро защемило, и глаза зачесались от подошедших близко слёз. Ещё недавно казавшаяся монотонной, жизнь в родном доме теперь, сдавалось, была не для него. Он попытался отогнать грустные мысли, думать о смешных моментах в новом фильме «Иван Васильевич меняет профессию», что вышел на экраны в кинотеатрах его Прокопы буквально за пару дней до отъезда на вступительные экзамены. И он успел сходить на него.

Однако сон всё не шёл. Сергей повздыхал, ворочаясь с боку на бок. Наконец, поняв, что быстро уснуть не удастся, заглянул под раскладушку, подтянул к себе сумку с вещами и учебниками, на ощупь выбрал учебник истории. Он знал, как читать книги ночью – в летние месяцы или в дни каникул, когда мама запрещала ему засиживаться до полуночи над интересной книжкой, от которой трудно бывало отказаться. Тогда он послушно ложился в кровать, с головой укрывался одеялом, оставляя лишь маленькую щель для воздуха. Включал китайский фонарик из серебристого металла с двумя большими, толстыми, круглыми батарейками и, забыв обо всём, запоем читал романы Дюма, Майн Рида или Жюль Верна. Иногда, до самого рассвета. Потом отсыпался до обеда. Благо, родители спозаранку уходили на работу, а младший брат носился с друзьями по закоулкам их шахтёрской Нахаловки.

Сейчас он достал из бокового кармана сумки знакомый фонарики в его коротком светлом луче погрузился в тему становления древнего Русского государства.

...Утром его растолкал Евгений:

- Ты что, целый день спать будешь? Вставай! Народ уже по библиотекам разбежался, на консультации подался, - тряс он Сергея.

Тот кое-как разлепил глаза. В комнате было светло, яркие солнечные блики нового жаркого дня отражались на дверных половинках и на свободных участках крашенного деревянного пола.

- Подожди, я пять минут, - бросил он брату, вскакивая с постели. Быстро сгонял в туалет, плеснул в лицо водой из крана, прошелся щёткой по зубам, живо натянул брюки и футболку.

В ночлежке никого не было, лишь в дальнем углу лежал кто-то, с головой закутавшись в одеяло. «Кажется, Ашот?» - решил Сергей. Постели, в основном, были брошены как попало, не заправлены. Лишь две-три выглядели нормально. Возле них на полу лежали чемоданы, сумки, балетки, на спинках стульев висели рубашки, ветровки и пиджаки. Сергей и Евгений тоже достали из сумок кое-что из вещей, развесили на свои стулья, чтобы одежда хоть чуть разгладилась.

На выходе из общаги их остановила вчерашняя Петровна, сверила их имена со своим списком и выдала по картонному прямоугольничку с печатью, где по кругу было написано «Пединститут. Общежитие № 3». А посередине красовалось слово «Пропуск».

- На ночлег пускать буду с восьми утра и до десяти вечера. И не блудить мне! - потрясла она у них перед носом кривым указательным пальцем.

После они сходили в институт, поизучали доску объявлений для абитуриентов. Послезавтра на всех факультетах поступающим предстоял первый – письменный экзамен. А на завтра были назначены консультации, где преподаватели хотели рассказать «абитуре» тонкости написания сочинений и контрольных работ.

Ещё они уточнили, какой же получился конкурс на их факультеты. В приёмной комиссии стройная, симпатичная девушка сообщила им заговорщицким тоном, как будто, открывала страшную тайну, что на филфак набралось три с половиной человека на место. На первый курс сюда будут набирать сто человек. Чтобы с гарантией попасть в число счастливчиков, надо на четырёх экзаменах набрать минимум 21 балл, это с учетом среднего балла за аттестат. А вот на истфак – она с сожалением посмотрела на Евгения, – конкурс почти семь человек на место, Первокурсниками здесь станут только пятьдесят счастливчиков.

- Сами понимаете, - развела она руками, - надо сдавать на одни пятёрки.

- А вы, девушка, во мне не сомневайтесь, - подмигнул ей Евгений. – Я в этом году второй раз поступаю. Прошлогодных ошибок не допущу.

- Удачи, парни, - улыбнулась им девчонка. – Надеюсь, в сентябре увидимся.

- К чёрту! – хором ответили они.

- На консультацию завтра обязательно пойдём, чтобы печенью почувствовать, как это проклятое сочинение написать, - поучительно говорил Евгений, пока они шли в сторону областной библиотеки, в читальном зале которой он предложил позаниматься Сергею.

Они быстро записались в читальный зал. Евгений научил, как надо выбирать нужные книги, заказывать их через библиотекаря, ожидая, когда литературу найдут и поднимут из хранилища. Потом они уселись за свободный стол и до одури читали. Евгений первым захотел есть. «Здесь буфет есть, давай сходим», - они спустились в подвал и съели по паре сосисок с макаронами, запив их тёплым чаем.

Зато после обеда для Сергея началась настоящая мука. После третьей прочитанной страницы учебника по синтаксису строчки поплыли перед глазами, мозг отказывался воспринимать информацию, а глаза начали закрываться сами собой. Сергей минут двадцать боролся со сном, искоса поглядывая на Евгения. И видел, что тот тоже время от времени «клюёт» носом. Сергей присмотрелся к соседним столам, на некоторых из них посетители дремали, положив головы на руки, не скрываясь или прикрывшись книгами.

Поэтому, когда «накатила» очередная расслабляющая волна, он не стал сопротивляться, пробормотав брату: «Я немного дреману», - уткнулся в столешницу...

Когда он встрепенулся и открыл глаза, ему показалось, что прошло лишь мгновение. Хотя по часам выходило, что проспал полчаса. Рядом дремал Евгений. Сон хорошо освежил Сергея, и он снова принялся штудировать учебник по русскому.

Вечером в общежитии было шумно. Кто курил у окна, кто ужинал, объединив съестные припасы с соседями или в одиночку. Некоторые просто болтали, обмениваясь новостями дня. Чаще всего обсуждали предстоящие экзамены. Ашот с новыми кавказскими друзьями в углу играл в неизвестную Сергею игру в карты.

Понемногу «расползались» по своим скрипучим раскладушкам. Ведь с утра все восемнадцать собирались посетить консультации, как «последнюю соломинку» перед первым экзаменом.

Сергей снова долго лежал с открытыми глазами и завидовал тем, кто умел засыпать быстро. Даже Евгений уже видел сны, а младшему брату всё не спалось. Он опять вспоминал дом, родных, вкусный мамин борщ, казавшийся после холодных пирожков из киоска настоящим деликатесом. Потом заново принялся анализировать своё решение учиться на филфаке.

В будущей профессии он не сомневался, давно определил, что хочет работать в газете. Еще в восьмом классе начал мечтать о профессии журналиста. Писал рассказы, посылал их в редакции газет и журналов, в том числе, в журнал «Крокодил». Однако напечататься всё никак не удавалось. Из «Крокодила» ему пришёл ответ: «Ваш рассказ интересный, даже смешной, но нам не подходит. Попробуйте прислать что-нибудь ещё». Сергей не унывал, продолжал сочинять «что-нибудь», по вечерам вёл дневник. Часто, когда бродил по улице, сочинял сюжеты. В выпускном классе он написал письмо в университет соседнего региона, где обучали журналистов, дескать, расскажите, как поступить к вам на журфак? И оттуда ответили: может, не стоит к нам, в вашем пединституте в следующем году на филологическом факультете планируют открыть специализацию по журналистике. Он посоветовался с мамой, и вот стал абитуриентом...

В просторную лекционную аудиторию набилось столько народу, что яблоку негде было упасть. Преподаватель долго и подробно объясняла «абитуре», как лучше выбрать тему сочинения, что не надо гнаться за объёмом работы, как избежать типичных ошибок и, при этом убедительно раскрыть тему. «Главное, - наставляла она молодёжь, - не наделать ошибок, оценка будет зависеть от этого... Если не знаете, какую из тем выбрать, пишите на свободную тему...». Но вопросы из зала раздавались снова и снова. И консультация продлилась два часа. А на выходе Сергей столкнулся со знакомой девчонкой. Её звали Татьяной, она тоже была из Прокопы и, как это ни странно, училась в одной школе и даже в одном классе с братом Евгением. Года два назад брат познакомил их на какой-то межшкольной тусовке. С тех пор они больше и не виделись. Она выходила из аудитории в компании с неизвестной девушкой.

- Привет! - бросила Татьяна Сергею так запросто, будто они расстались только вчера. - Ты что, тоже на филфак решил?

- Ага, - обрадовано кивнул Сергей.

- А это Наташа. Она из Ростова, вот приехала к нам.

– Рад, - коротко глянул он на незнакомку. Его темноволосая, смуглая, стройная землячка была полной противоположностью полненькой светлоголовой Натальи.

Они немного поболтали, в основном, о предстоящем экзамене. Всех, кто поступает на филфак, разбили на десяток групп, человек по тридцать в каждой. Для первого экзамена группы объединили в два потока. Списки вывесили возле деканата. Сергей ещё до начала консультации отыскал свою фамилию в восьмой группе. Девчонки попалив в другую. «Главное, аудиторию завтра не перепутать, - с умным видом заключил Сергей. – Ладно, пойду в областную библиотеку. Кстати там меня брат Евгений ждёт», - и он внимательно посмотрел на Татьяну. Та сразу встрепенулась:

- Да ты что?! Привет ему от меня, большой и горячий, тысячу лет не виделись, - пошутила одноклассница. - Пока, - она помахала Сергею пальчиками и потянула подругу на улицу.

...Евгений дремал в читальном зале, когда младший присел рядом. «Я тебе синтаксис и грамматику взял», - поднял старший голову. – Чтобы ты время не терял. На, читай», - он пододвинул книги Сергею. Тот открыл учебник, потом вспомнил о встрече и передал привет от Татьяны.

- Да ты что?! – обрадовался Евгений. – Жаль, сегодня вечером я занят, а то бы увиделся с одноклассницей.

- Занят? Чем? – поинтересовался младший.

- Дело у меня важное. Потом расскажу. Читай пока, - и Евгений многозначительно замолчал...

В шесть часов они вышли из библиотеки.

- Так, - сказал Евгений. - Иди в общагу. Я буду часов в десять, - и они расстались.

Сергею не хотелось рано возвращаться в ночлежку. Он решил пройтись по незнакомому городу.

Он перебежал на противоположную сторону улицы Дзержинского, на которой стояла библиотека, перепрыгнув через высокие трамвайные рельсы, поросшие высокой травой, и оказался на небольшой уютной площади с памятником посередине. Бородатый человек прижимал к груди большой камень. На постаменте было написано «Михайло Волков». Этот первым уголь у нас нашёл, вспомнил Сергей уроки по истории родного края.

Горячее солнце стояло ещё высоко, и июльский зной давал о себе знать запахом плавящегося асфальта и липнущей к потному телу одеждой. Зато лавочки на площади скрывались от палящих лучей в густой тени карагача. Сергей присел на одну из них и осмотрелся. Площадь окружали жилые пятиэтажки, а с одной её стороны выстроились огромные деловые корпуса какого-то серьёзного учреждения. Ему стало любопытно, и, несмотря на жару, он решил узнать, что же написано на вывеске. Это оказался политехнический институт. «Ничего себе, размах! – Сергей с нескрываемой завистью почесал затылок. – Не то, что наш «пед».

На крыльце «политеха» солнце припекало немилосердно, и он свернул на улицу с названием Весенняя, необычным для слуха жителя шахтёрского города, медленно побрёл по затенённой её стороне.

Несмотря на жару и духоту, усиливаемую безветренной погодой, прохожих было немало. Живой людской ручеек тек здесь в обе стороны, почти все скамьи с витыми чугунными боковинами были заняты. Вокруг было много молодых лиц. Но именно это почему-то тревожило Сергея больше всего. Он слышал, что в незнаком ему городе может быть скрыта опасность, что здесь надо быть настороже, «не зевать» и «не разевать рот по сторонам», как наставляла на последок на автовокзале мама, где они стояли в ожидании посадки в междугородний автобус.

Ему с особой остротой вспомнились её слова, когда он брёл среди молодых сверстников, напряжённо вглядываясь в их незнакомые лица. Однако никто не обращал на Сергея никакого внимания: кто-то был погружён в себя, многие громко общались со своими спутниками. И чем дальше он уходил от библиотеки по украшенной яркими цветочными клумбами Весенней, тем быстрее убывало

охватившее вначале внутреннее напряжение. Город открывался ему своей привлекательной стороной. И мысли о возможной опасности улетучились сами собой. Он начал с интересом рассматривать цветы, деревья, красивые фасады домов, выстроенные здесь, в центре города, в стиле, читал где-то Сергей, «сталинского ампира».

Он дошёл до театра драмы с большими серыми колоннами. Отсюда до общаги было уже рукой подать. Но прежде Сергей заглянул в знакомый киоск, купил на вечер пирожков для себя и для брата.

...Евгений появился в ночлежке в начале одиннадцатого. Народ уже укладывался на ночь. А Сергей сидел на своей раскладушке в ожидании брата.

- Будешь пирожок? – участливо спросил он Евгения.

- Неа, - ответил тот. – Я в ресторане был, - и он с довольным видом погладил живот.

Сергей почувствовал запах вина.

- Завтра сочинение, ты чего? – нахмурился он.

- Так я именно этим вопросом и занимался, - буркнул в ответ старший.

- Не понял? – нахмурился Сергей.

- Слушай, давай спать, - сладко зевнул Евгений. – Завтра всё объясню... - Как ни странно, эти слова подействовали на Сергея, словно снотворное: он заснул быстро и спал без сновидений до самого утра.

Приводя себя утром в порядок, он старался не думать о предстоящем сочинении. Но куда от этого денешься, если рядом все только и говорят, что о первом экзамене? Понемногу и Сергея захватило общее волнение, внизу живота появились неприятные ощущения, и даже лёгкая тошнота подкатывала волнами. «Мандраж бьёт», - говорила в таких случаях мама.

Но он сумел взять себя в руки. Надел светлую рубашку с коротким рукавом, пиджак с брюками, купленными родителями к выпускному. «Вырядился», - подумал про себя. После путешествия в сумке, вещи «отвисли» на спинке стула, выглядели не слишком измятыми.

Ночью прошёл сильный дождь. День был хмурым, облачным. Измучившая всех жара, кажется, отступила. Без четверти десять они с Евгением пожелали друг другу удачи, послали друг друга «к чёрту» и расстались у входа в главный корпус.

Для экзамена будущим филологам выделили длинную, так называемую поточную, аудиторию. И когда Сергей нашёл эту аудиторию, показал преподавателю документы, которые тот сверил со списком, получил свои проштампованные чистые пока листы бумаги и сел за свободный стол примерно посередине помещения, волнение исчезло, пришла уверенность, что этот барьер он возьмёт.

Сквозь открытые окна и двери проникал приятный сквознячок. Хотя многим абитуриентам было жарко, они обмахивались листами бумаги. В глазах рябило от многочисленных девчоночьих лиц, однако Сергей заметил в разных углах аудитории и двух-трёх парней. Но знакомиться и ними сейчас не было ни возможности, ни желания.

На вчерашней консультации он усвоил, что для пущей секретности работы абитуриентов после экзамена шифруются, что ему надо подписать только титульный лист, а исписанные им страницы сочинения – чистовик и черновик –

после экзамена отделят от титульного листа, обозначат шифром и отдадут на проверку. Поэтому нельзя подписывать страницы, вложенные в титульный лист, и вообще, нельзя оставлять на них какие-нибудь метки. Каждую работу в обязательном порядке будут проверять два человека, а «двойки» и «пятерки» перепроверят еще раз. Всё – для того, чтобы нельзя было подойти к чьей-либо работе с пристрастием. На экзамен разрешается приносить с собой только документы, авторучки и трафареты для письма на нелинованной бумаге и ещё – воду.

Экзаменаторов-женщин было двое. Одна из них громко постучала по столу карандашом, требуя внимания.

- Как самочувствие? – обратилась она к абитуриентам. – Пока мы не объявили темы сочинений, больные могут уйти и потом написать с другим факультетом.

Она объявила, что во время экзамена запрещается разговаривать, самовольно покидать свое место, пользоваться шпаргалками, писать ручками разных цветов. В туалет можно не раньше, чем через два часа после начала экзамена и только в сопровождении дежурных. И так далее, и так далее. Под конец она объяснила, как правильно оформить работы.

В это время её коллега мелом на большой чёрной доске писала темы сочинений. На всё про всё отводилось четыре часа: прийти в себя, собраться с мыслями, выбрать тему, изложить мысли на черновике, перечитать и перепроверить написанное и переписать на чистовик.

Та, которая писала мелом, громким, хриплым голосом объявила темы:

- Первая. Художественное мастерство Николая Васильевича Гоголя в создании словесного портрета героя в поэме «Мертвые души», - сказала она. – Вторая. Тема русской природы в пьесах Александра Николаевича Островского «Лес» и Антона Павловича Чехова «Вишневый сад». Третья. Образ Владимира Ильича Ленина в произведениях Владимира Владимировича Маяковского, - она выдержала короткую паузу. – Свободная тема звучит так: За что я люблю свою малую родину? Желаю успеха! Время пошло...

Сергей раздумывал совсем недолго: с литературными темами решил не связываться, начал писать о малой родине.

«Я родился и вырос в городе Прокопе. И многим ему обязан, - начал он своё повествование. - Здесь прошел ясли, детский сад, среднюю школу № 3, здесь выбрал себе будущую профессию журналиста, которым я обязательно стану после окончания филфака», - он немного погрыз пластиковый колпачок авторучки.

«Впрочем, я не о себе – о городе моего детства, моей юности, - выстраивал он рассказ. - Сегодня в нём проживают 300 тысяч человек, и он занимает третье место в регионе. Мой город – это город шахт и шахтёров. Поэтому он живет нелегко, но у его жителей хорошие перспективы, чтобы хорошо жить, растить детей и не переживать о будущем», - мысли ложились на бумагу ровными строчками.

«Помню, в своей школьной юности, при встречах со сверстниками из Кузни, а тем паче, из областной столицы, мы – прокопчане – до хрипоты спорили о том, что наш город является самым лучшим в регионе. И нередко «выспаривали» первое место. Я любил, люблю и буду любить свой город, незатейливые улицы его городских поселков шахт «Черная гора», «Маганак», ровные ряды финских домиков поселка Ясная поляна, почерневшие от времени бараки Березовой рощи и светлые, новые многоэтажки микрорайонов Тыргана. При этом все без

исключения мои одноклассники, да и большинство моих учителей живут в частном секторе, в самых обычных простых домах», - записывал Сергей.

«Кстати, мой город, состоящий сплошь из одних шахтовых поселков, по площади больше европейского Парижа, он растянулся на десятки километров. И он – один из старейших городов области. Расположен в южной части огромного угольного бассейна», - он потерев левое ухо, подумал, не отступает ли от темы?

«Мой город считают одним из крупнейших угледобывающих центров страны, - излагал Сергей. - И все соседи нашей семьи работают на шахтах. Они гордятся этим. И мои родители Иван Алексеевич и Валентина Никаноровна работают на ордена Ленина шахте «Коксовая». Они тоже шахтеры, как и большинство моих земляков. Впрочем, родители моего отца – мой дед Алексей Васильевич и бабушка Аксинья Тимофеевна, а также родители мамы – Никанор Степанович и Матрена Ермолаевна тоже имели отношение к угольной отрасли. Поэтому они всегда дружно празднуют День города, который отмечается в последнее воскресенье августа, потому что совмещён с профессиональным праздником – Днём шахтёра. Ох, и гуляют же тогда с песнями и весельем наши большие семьи!»

«Мне посчастливилось жить в Прокопе, когда город достиг пика своей угольной славы, - излагал он на черновике. - Его по праву называют «угольной жемчужиной». В городе добывают по 25 миллионов тонн угля в год! Поэтому зимой белый снег не держится здесь и одного дня! А что вы хотите: круглосуточная добыча угля и такая же круглосуточная работа трехсот городских котельных делают свое дело. Но я и мои одноклассники гордимся, что мы - прокопчане! «И нам, прокопчанам, нет дел непосильных!» - сказал поэт...»

Мысли текли свободно, он легко вспоминал сейчас то, что читал об истории города, когда бывал на работе у брата в городском музее: «У моего трудового, рабочего города всегда была нелегкая судьба. С самого начала зарождения...Правда, его называют городом, рожденным Октябрем. Хотя я знаю, что как поселение, он гораздо старше 1917-го года. История его появления не проста. В начале XVII века была основана Кузнецкая крепость. А в тридцати верстах от неё zaloжили мужской монастырь. Селившиеся вокруг крестьяне работали на землях монастыря. Спустя несколько лет возле монастыря появилось село Монастырское. Немного позже - село Усяты. К началу XX века на территории современного города стояли уже три больших села, включая село Прокопьевское, которое ещё до Великой Октябрьской социалистической революции стало центром одноимённой волости. Уголь здесь тогда ещё не добывали. Он залегал слишком глубоко. И для его получения надо было создавать шахты».

В аудитории вдруг громко и резко зазвучали голоса, сбившие Сергея с мысли. Он поднял голову и увидел, как несколько дежурных, которые бесшумно прогуливались вдоль рядов пишущих, теперь выводили под руки упирающуюся девушку с пунцовым лицом. Она вырывалась и громко возмущалась.

- Со шпорами попалась, - шепнула в ответ на его немой вопрос соседка справа и снова уткнулась в свои листочки. Он пожал плечами и тоже вернулся к своей писанине.

«Первые штольни и шахты появились в поселении в конце 1917 года, - он заставил себя забыть о девушке со шпиргалкой, понимая, что здесь, на экзамене, каждый за себя и сам решает свою судьбу. – Сюда прокладывается железная дорога. Растет число жителей. А в мае 1931 года рабочему посёлку присвоили

статус города. С годами мой город становится крупным промышленным центром. За успехи в добыче угля мой город награждён орденом Трудового Красного Знамени».

Может уже достаточно? Сергей посмотрел на часы: полтора часа пролетели незаметно. Но нужна ещё концовка – заключение, выводы. И он снова взялся за авторучку.

«Я горжусь тем, что мой город - один из основных центров добычи коксующегося угля в России. Сегодня здесь работают 16 угольных шахт. Профессия шахтёра у нас в городе самая уважаемая. Многие ребята хотят быть шахтёрами, смело спускаться под землю, чтобы добывать нужный стране уголь, который недаром называют «чёрным золотом» и «настоящим хлебом промышленности».

«Но кроме шахт в городе работают такие заводы как «Электромашина», шахтной автоматики, Прокопьевский дрожжевой завод, знаменитая на всю страну Прокопьевская табачная фабрика, швейная фабрика «Горнячка» и другие предприятия. Появляются новые производства... Много делается для отдыха и лечения людей. На южной окраине города стоят знаменитые санатории «Прокопьевский» и «Шахтер», а также здесь есть Зенковский парк с большим прудом, популярный среди горожан в летнее время. А зимой в парке прокладывают лыжные маршруты. Действуют спортивный комплекс «Снежинка», дворец спорта с бассейном, стадион «Шахтёр».

Он подумал и добавил ещё: «Я горжусь своими знаменитыми земляками. У нас в Прокопьевске жили, учились и работали летчик-космонавт Воынов Борис Валентинович, дважды Герой Советского Союза; Ворошилов Капитон Яковлевич – шахтер, Герой Социалистического Труда; Сергей Кайдан-Дешкин – автор известной пионерской песни «Взвейтесь кострами, синие ночи». Олимпийская чемпионка, чемпионка мира по лыжным гонкам Галина Кулакова кончила Прокопьевский техникум физической культуры».

А в самом конце Сергей дописал: «Я люблю гулять по улицам своего родного города. И всегда внимательно присматриваюсь к нему, к его переменам, к новым стройкам, к людям. И от всей души радуюсь добрым переменам в судьбе моих земляков, в судьбе моего города».

Он торопливо перечитал текст, подправил кое-где, добавил знаков препинания и, уже не торопясь, стал переписывать работу начисто. Старательно выводил буквы, потому что почерк у него был тот ещё: иногда сам не мог разобрать свои каракули. Поэтому надо было постараться, чтобы проверяющие поняли все его слова...

Сергей сдал работу одним из последних. Аудитория почти опустела, когда он вышел на ступени широкого крыльца главного корпуса. Здесь толпился поступающий народ. Абитуриенты участливо рассказывали о тех, кто попался со шпорами, кто-то хвалился, что сумел «надуть» экзаменаторов. На улице было сыро от недавно прошедшего дождя. На другой стороне крыльца, в небольшой толпе он заметил Евгения, тот молча, со скептической улыбкой слушал очередного разошедшегося оратора.

Сергей подошёл и тронул брата за руку.

- Ну как? – с тревогой спросил Евгений. – Написал?

- Ага, - ответил Сергей и только сейчас почувствовал, что сильно устал от четырёхчасового напряжения. – А ты?

- Я – что?! – хмыкнул брат. – У меня – гарантия...

- Как это? – удивился Сергей.

- Слушай, умираю, есть хочу. Знаю одну неплохую столовку. Пойдём, там всё расскажу.

Они проворно вышли на Советский проспект, торопливо продефилировали мимо драмтеатра, перешли на другую сторону улицы. Здесь в первом этаже красивой жилой пятиэтажки располагалась столовая. Здесь давали комплексные обеды ценою в рубль. Они набрали на подносы тарелки с салатом, борщом и котлетами с макаронами, стаканы с компотом, взяли по булочке и уселись за свободный столик.

Сергей насыщался, торопливо глотая еду, а Евгений жевал, не спеша, и с удовольствием рассказывая о своей «гарантии». В прошлом году он за сочинение «отхватил» тройку, а для поступления нужна была только пятёрка. Тогда он понял, что для выигрыша в этой лотерее нужна гарантия. И он познакомился с молодой девицей с кафедры русского языка, которая была в приёмной комиссии, проверяла работы абитуриентов. В перерыве между другими экзаменами он сводил её в кино, в кафе. А потом они целый год созванивались по телефону.

- Я попросил её помочь с сочинением, чтобы получилось только «отлично», - Евгений неторопливо принялся за котлету. – А вчера вечером мы посидели с ней в ресторане. Ну, она мне всё и объяснила: «намарать» не больше трёх страниц, писать только короткие фразы, использовать только те слова, которые знаешь на сто процентов, как пишутся. А сегодня, когда я сдал работу и выходил из аудитории, забрала у меня авторучку.

- Зачем? – удивился Сергей, дожёвывая булочку.

- Она ею ошибки мои подправит, - Евгений отставил компот. – Невкусный, - поморщился он.

- Нормальный компот, - не согласился младший. – Только я не пойму, как она твою работу вычислит? У них же всё там зашифровано.

- Вычислит, можешь не сомневаться. Ты-то как? Уверен, что нормально написал? – снова с тревогой спросил он Сергея. Тот пожал плечами:

- А хрен его знает! У меня гарантии не было. Завтра узнаем оценки...

Они ещё немного погуляли по улицам, вышли на красивую городскую набережную вдоль реки, которая поразила Сергея своей почти необъятной ширью. Ничего подобного в Прокопе не было: там через весь город текла небольшая речушка с чёрной от шахтовых стоков водой. А здесь, прямо напротив набережной, расположился большой, заросший кустарником и тополями, остров, соединённый с берегом понтонным мостом.

- На острове – городской пляж, - со знанием дела сообщил Евгений. – Как-нибудь сходим, искупаемся.

В общагу они вернулись к вечеру. Все её обитатели были на месте. В комнате стоял гул от возбуждённых голосов: парни оживленно обменивались впечатлениями от первого экзамена. И только Ашот тихо сидел на своей раскладушке – лицом в угол.

- Ты чего, Ашот? – подошёл к нему Сергей. Тот отмахнулся от него.

Сергей обошёл его постель и оказался с ним лицом к лицу. По его покрытым вечерней щетиной щекам катились слёзы.

- Ты чего? – растерянно повторил Сергей.

Тот тяжело вздохнул, поднял полные влаги глаза:

- Она гавариль, сто ашыпак. Я дэньги даваль. Она – нэт, мылицию заву. Гаварыт, ухады, сто ашыпак – рэкорд.

- Да кто тебе так говорит? – не понял Сергей.

- Пэрипадаватэл, - всхлипнул маленький Ашот. - Мне мама Армэния гавариль: Сибири нэмнога дэнги дай, – вазьмут энститут. В Армэния нада много дэнги энститут давать... У мами много дэнги нэт!

Сергей увидел, что в ногах у Ашота стоит чемодан, а его стул был пуст.

- Ты что, собрался уезжать?

Ашот кивнул: «Мама сказал – срочна эжай дамой». Он с несчастным видом поведал, что позвонил маме, рассказал, что с треском провалился на первом экзамене, что преподаватель однозначно заявил: ждать результата при таком количестве ошибок – бессмысленно. Мама ему приказала срочно возвращаться. Он забрал из приёмной комиссии документы, съездил на вокзал, купил билет. Поезд отправляется сегодня вечером. Так что пора идти.

- Ти – сам кароший! Ти – паступишь! – Ашот встал, они обнялись с Сергеем. Остальные обитатели лишь с сожалением посмотрели ему вслед, когда, ссутулившись, он покидал комнату.

Сергей проводил его до выхода из здания.

- Удачи тебе, Ашот, - пожелал на прощанье.

Не оглядываясь, Ашот помахал в ответ свободной рукой...

На следующее утро погода опять наладилась: ярко светило солнце, обещая вернуть в город июльскую жару. Их ночлежка снова быстро опустела: все помчались узнавать оценки за вчерашний экзамен, надеясь, конечно, на лучшее. Сергей и Евгений расстались всё на том же крыльце у главного входа, договорившись встретиться здесь же.

Сергею кто-то подсказал, что списки с оценками филфаковской абитуры вот-вот вывешат в коридоре второго этажа, и он стремглав бросился туда. На втором этаже толпилось столько представительниц женского пола, что пробраться к стендам было почти невозможно. Да и никаких списков на них ещё не было. Однако все хотели пробиться поближе, чтобы побыстрее узнать результат.

Вдруг вся эта орава заволновалась, забурлила, расступаясь перед двумя девушками, в одной из которых Сергей узнал секретаршу из приёмной ректора. В поднятых над головой руках она держала листы с ровными машинописными строчками. Вторая молча помогала ей расталкивать толпу. Абитуриенты расступались перед ними и тут же снова смыкались плотной стеной.

Встав на цыпочки, Сергей смотрел поверх голов, как девушки начали развешивать списки на стендах. Вдруг гул толпы перекрыл горестный вопль, следом раздались громкие рыдания. Секретарша со своей напарницей кое-как выбрались из толпы и, поправляя свою одежду и причёски, с гордым видом удалились.

Прошло не меньше двадцати минут, прежде чем Сергею удалось добраться до стендов. Вокруг ручьями текли слёзы, слышались всхлипывания и стоны. Правда, попадались и лица, светившиеся счастьем. Толпа быстро редела. Наконец, он мог различать фамилии, они были расположены по алфавиту. Сергей искал свою и никак не мог найти. Он побледнел от охватившего его внезапного страха, почувствовал, как сердце заколотилось так, словно готово было выскочить наружу, в глазах потемнело. «Не сдал!», - решил он. – Но почему нет фамилии?»

Он сделал несколько глубоких вдохов, заставив себя успокоиться, снова начал читать списки, ведя по бумаге пальцем. И ему снова стало не по себе от того, что почти напротив каждой второй фамилии было написано «неудовлетворительно».

Наконец, он увидел свою фамилию и оценку «удовлетворительно». Он смотрел на это слово и не верил глазам: «Столько усилий и всего лишь «трояк»?!» Раздосадовано подумал, что теперь: сдавай не сдавай, - не хватит баллов, чтобы дотянуть до проходного...

И тут его осторожно похлопали по спине. Он обернулся, перед ним стояла Наталья, с которой его познакомила на консультации одноклассница брата. Очки в тонкой оправе из светлого металла делали её лицо интереснее, выразительнее, чем показалось ему в первую встречу. Он отметил её узкие синие джинсы и светлую футболку с иностранной надписью. Она, кажется, из Ростова, вспомнил Сергей.

- Как успехи? - спросила она.

- Трояк, - невесело усмехнулся он. – Думаю, шансов нет...

- Напрасно так думаешь, - хмыкнула Наташа. – У меня тоже тройка. Но я сдаваться не собираюсь. В Ростове мне не поступить.

- Почему? – вежливо поинтересовался Сергей.

- У нас это дорого стоит, - ответила девушка, тряхнув светлыми волосами. – Пойдём, покурим на крылечке...

На улице она уселась прямо на прогретую солнцем ступеньку, порывшись в сумочке, достала новую пачку «Стюардессы», протянула Сергею. Он осторожно присел рядом, неумело выковырял одну и протянул её сигарету и пачку.

- А себе? Или не куришь? – она насмешливо глянула на него.

- Ага, - хмуро кивнул Сергей.

Она достала спички, прикурила, ловко прикрывая в ладошках огонёк, глубоко затянулась.

- А ты откуда? – выдохнула девушка целое облако дыма. – А, местный...

- Ага, - кивнул он снова. – Забыла? Из Прокопы.

- Из шахтёров, значит... У нас тоже есть шахтёры, хмурый народ. Совсем как ты. Только зря ты нос повесил, видел, сколько народу враз отсеялось? А мы – остались. И впереди ещё три экзамена, это наши шансы. Говорю тебе, я сдаваться не собираюсь и тебе не советую. – Она загасила окурок об ступеньку и щелчком отправила его в урну. «Ловко!», - оценил Сергей. И тут же забыл о ней, услышав голос Евгения:

- Вот ты где!- он поднялся навстречу брату.

- Ну, как? – спросил его старший.

- Трояк! – махнул рукой младший.
- Да ты что?! – встревожился Евгений. – Ты же у нас писатель! Ошибок, наверное, настряпал?
- Не знаю, - настроение Сергея опять упало до нуля. – Я как работу сдал, больше её не видел. Чувствую, шансов у меня нет...
- Погоди ныть, – оборвал Евгений. – Двоек у народа много?
- Не меньше половины...
- Так это – шанс! Чай, не на истфак поступаешь.
- А у тебя-то как? – спросил, наконец, Сергей старшего.
- Отлично, - пожал тот плечами. – Сейчас не обо мне. Как по остальным предметам себя чувствуешь? Русский с литературой, надеюсь, учил?
- Да, - Сергей вздохнул. – А вот английский с историей...
- Так, - почесал за ухом Евгений. – Историю, пожалуй, смогу взять на себя.
- Опять гарантия? – усмехнулся Сергей невесело.
- Посмотрим, - уклончиво ответил старший. – А вот над английским придётся поработать.

...В их большом общежитии тоже царило уныние вперемижку с радостью. Среди тех, кто «завалил», были оба абитуриента из Чечено-Ингушетии. Они и парень из Ижморки уже уехали домой. Их раскладушки и раскладушка Ашота сиротливо выделялись своим голым видом: вездесущая Петровна успела унести их постельные принадлежности. Но это были ещё не все потери: завтра утром домой собирались выезжать из ночлежки ещё пятеро «двоечников».

Петровна предупредила всех, чтобы, не дай Бог, не устроили на прощанье гульбы: «Знаю я вас... Сама ночевать останусь. Если что, Зайцеву докладную напишу. Он – ректору. А у Николая Николаевича разговор короткий – домой отправит без лишних слов», - доходчиво объяснила она обитателям, потрясая уже знакомым Сергею указательным пальцем.

Однако удержать парней, решивших напоследок «залить» неудачу, было невозможно. Двоечники сбросились и послали в магазин гонца, который вскоре вернулся с полной авоськой высоких узких бутылок алжирского сухого вина тёмно-бурого цвета. Ещё купил несколько плавленых сырков «Дружба» и банок кильки в томате, батон «Докторской» колбасы и много хлеба.

- Нет, мы лучше прогуляемся, - ответил Евгений на предложение присоединиться к прощальному ужину и потянул младшего на перегретую солнцем улицу.
- Жрать хочется! – выразительно сформулировал Сергей.
- Следи за базаром, филолог! - одёрнул его Евгений. – Ладно, знаю одно местечко. Недорого и пальчики оближешь...

Они пошли под палящим солнцем в сторону главной площади, свернули на улицу Красную и скоро добрались до магазина спорттоваров «Буревестник». Торцом к нему располагалась «пищевая» точка с названием «Блинная».

В меню значились блины со сметаной и маслом, блинчики с мясом, творогом и яблоками. Были даже блинчики с омлетом. От одного блинного запаха у Сергея буквально потекли слюнки. Но здесь была очередь, и пришлось её выстоять. Сергею сразу вспомнилось, как дома едва ли не каждый выходной мама пекла

блины. И он всегда уплетал десяток за раз, запивая горячую, прямо со сковороды, стряпню, холодным молоком.

Здесь тоже блинчики выпекали на чугунных сковородках на виду у всех. Кроме того, двум поварихам помогал большой раскалённый металлический горячий кругляш. Он медленно вращался, выпекая бесконечную ленту, которая обрезалась автоматически: раз – и получался квадратный блин. Его вручную заправляли начинкой и клали в духовку, доводя до хрустящей корочки!

Братья взяли по три порции разных блинов с чаем, благо цена была очень умеренной. И принялись с удовольствием поглощать их. «Очень вкусно!» – похвалил поваров знающий толк в блинах Сергей.

Потом они звонили домой с главпочтамта. Сергей бодро доложил маме, что всё нормально: самый тяжелый барьер он преодолел и теперь готовится к новым трудностям...

А после братья бродили по улицам, стараясь выбирать теневую сторону. Обсуждали предстоящую тактику на оставшиеся экзамены. Следующим испытанием у Сергея были литература с русским, у Евгения – история СССР.

- Тебе надо обязательно получить пятёрку, – горячился Евгений. – Говори перед комиссией, не умолкая, всё, что знаешь и не знаешь по вопросам билета. Убалтывай их, как можешь! Вот ты взял билет: сядь, успокойся, вчитайся в вопрос. Потом осмотришься – там лежат программы экзаменов, разные там справочники. В них – куча информации, подсказок. Надо только внимательно их просмотреть. Плюс, ты сам что-то всегда знаешь по своему вопросу. Дальше, оглядись потихоньку вокруг: где-то рядом сидит отличница-зубрила, которая знает больше тебя. Выбери момент и незаметно спроси у неё то, чего не знаешь. Народ у нас добрый, готов помочь. Только, повторяю, незаметно, не переборщи, чтобы не выставили из кабинета... - подробно наставлял он брата.

- И ещё, - не унимался он. – Ответ подробно пишешь на бумаге. Забудешь чего или мысль потеряешь – в бумажку заглянешь. И не лезь вперёд отвечать: положено 45 минут на подготовку, высиди их. Лучше десять раз всё повтори...

- А сам ты как? – вклинил слово Сергей. - Гарантия есть? - Старший коротко глянул на него и многозначительно промолчал.

Они решили, что готовиться будут в библиотеке.

В общагу вернулись, когда солнце коснулось далёкого горизонта за рекой. Петровна сердито посмотрела на них, выйдя навстречу из своей каптёрки. Сверху доносился шум голосов.

- Вижу, что не вы, - проворчала она. – Но прошу, уж за порядком последите. Пусть укладываются понемногу.

Братья сначала заглянули в туалет, чтобы после не заморачиваться с вечерним моционом.

В ночлежке дым стоял коромыслом. Парни поставили квадратом опустевшие раскладушки, в середине было несколько стульев с остатками питья и закуски. Вино почти закончилось, вокруг стульев на полу валялись пустые бутылки. Курили все, кроме одного. Им был Пётр из Анжерки, который надеялся стать физиком. Он в одежде мирно спал на своей постели, всхрапывая в ответ на громкие взрывы гогота, который раздавался в ответ на редкие остроты очередного рассказчика.

Несмотря на разные отметки, в кампании царило хорошее настроение. По очереди рассказывали анекдоты. Братьям настойчиво предложили присоединиться, однако они сумели отказаться. Сергей распахнул окно настежь, чтобы впустить в комнату больше свежего воздуха и начал демонстративно разбирать своё ложе.

Как ни странно, парни быстренько допили остатки вина, как могли, убрали за собой следы пиршества. Через полчаса все уже лежали по своим местам, а кое-кто даже начал мирно посапывать.

Сергею снова не спалось. Ему мешал запах дыма, а ещё – он заново переживал впечатления прошедшего дня. Ещё он почувствовал, что скучает по дому. Это была не хандра, а, скорее, лёгкая грусть, которая приходила в те часы, когда на незнакомый город опускались сумерки. Хотя не прошло ещё и недели, как покинул родные стены. «Родители наверняка уже спят, - думал Сергей. – Как они там?» Он знал, что они по-разному переживают за него: у мамы это проявлялось в том, что она становилась излишне говорливой, начинала вслух строить разные версии и прикидывать, к чему каждая из них может привести. Отец, напротив, больше молчал и только много курил.

Грустно становилось и от того, что он больше никогда не станет маленьким и даже в школу ходить больше не будет. Может, станет студентом...Боженька, помощи, мысленно попросил он и уснул.

Рано утром к ним пришёл Зайцев, за ним Петровна.

- Пили, говоришь? – громко спрашивал он женщину.

- Пили, курили, ржали, как кони! – сердито отвечала она.

Парни повскакали с мест, побежали в туалет от грозной парочки. Сергей с Евгением тоже проснулись, но не вставали, так как не чувствовали за собой вины.

- А вы – чего?! – рыкнул на них замректора.

- Этих не тронь. Эти не пили, - встала на защиту братьев Петровна.

- А, бригадир! – узнал Зайцев Сергея. - Давай-ка помощи убрать лишние раскладушки. Вам же свободнее будет.

И вскоре в ночлежке имелось лишь девять раскладушек. Парни, оставшиеся при них, распределили их по своему желанию: четыре – одной стороны от прохода, пять – с другой. Спальные места братьев остались там, где были.

Три следующих дня Сергей и Евгений провели в читальном зале. Там же ели и дремали в неудобных позах, подложив под голову учебники, а после библиотечного сна снова принимались набивать мозги правилами, цифрами и фактами.

Вечером накануне второго экзамена Сергей начал волноваться не на шутку. С утра он побывал на консультации, однако, особой ясности в то, как надо действовать, чтобы с гарантией получить хорошую оценку, она не внесла. Напротив, волнение абитуриентов только усилилось. Сергей всё не мог отделаться от навязчивой мысли, что в случае неудачи придётся с позором возвращаться в Прокопу. Он не мог этого допустить и, как мог, гнал от себя страх перед неизвестностью.

Евгений опять исчез этим вечером, не объяснив толком, куда и зачем. Сказал, что вернётся, как и в прошлый раз, часов в десять. Но младший решил не ждать брата, лег пораньше и уснул так крепко, что не слышал, когда тот вернулся.

...Уже под утро Сергей увидел во сне свою школьную учительницу литературы Ксению Фёдоровну, которая по настоящему увлекла почти весь их класс русской и советской классикой, декламируя наизусть десятки стихов и поэм, помогая разобраться в тонкостях задумок великих авторов прозы. Он увидел себя во сне бредущим по пустому школьному коридору, чувствовал растерянность от того, что в школе никого нет. И тут она вывернула ему навстречу из своего кабинета, обрадовалась, увидев его, сказала: «А я уже подумала, что на мой урок никто не придёт!» Пропустила его вперёд себя в пустой класс. Он вошёл, оглянулся, а её уже не было, она исчезла...

И Сергей проснулся.

В окно отсвечивало утреннее солнце. На соседней раскладушке мирно спал Евгений. Кое-кто из ребят уже встал, одевался. В комнату зашёл будущий физик Пётр, вытирая на ходу мокрые волосы. Часы на руке показывали восемь. На этот раз ему пришлось поднимать Евгения.

Сергей снова для солидности надел свой костюм.

Братья вновь расстались на крыльце главного корпуса и, договорившись встретиться здесь же или в ночлежке, пожелали друг другу удачи. Сергей быстро нашёл нужную аудиторию. Возле неё маячило десятка полтора девчонок и один невысокий парень, явно постарше его. Русые волосы у того были аккуратно уложены на пробор – волосок к волоску, огромные очки на широком носу скрывали половину лица. Сергей отметил его отутюженный костюм, портфель в руках. Но держался он особняком от всех, явно нервничая.

- Кто последний на сдачу? – спросил его Сергей. Парень вместо ответа лишь неопределённо пожал плечами.

- Заходи, - предложила ему стоявшая ближе всех к двери девушка. – Там как раз есть одно свободное место.

- А сама, почему не заходишь? – повернулся к ней Сергей.

- Я боюсь, - она закатила глаза в потолок. – Лучше ещё почитаю. И вообще экзамены я сдаю всегда одной из последних.

Только сейчас Сергей заметил, что у всех, кто здесь стоит или сидит, в руках книги – учебники, книги с текстами авторов или толстые тетради. Книги в беспорядке лежали на полу, на стоявших вдоль стен пустых стульях.

Тут из аудитории выскочила кудрявая шатенка в длинной юбке, с лицом пунцового цвета.

- Ну как, Юля? - бросились к ней несколько человек.

- Тройка! – раздосадовано всплеснула та руками. – Они так гоняют, так гоняют! Я просто запуталась.

Потом глянула сердито на Сергея, сжала кулачки, приказала:

- Чего уставился, ну-ка отвернись! - Сергей смущённо отвернул голову, но всё равно краем глаза успел заметить, как та ловко выдернула откуда-то из-под юбки стопку шпаргалок и передала их одной из соседок.

Тут из дверей выглянул молодой человек и громко произнёс:

- А почему никто не заходит? Что, нет желающих?

- Есть! – неожиданно для самого себя произнёс Сергей. – Можно мне? – и его пропустили в аудиторию.

Здесь царила тишина. Отдельно друг от друга были расставлены шесть столов: по три в два ряда. За четырьмя из них сидели абитуриенты. Напротив них, за двумя сдвинутыми вместе столами расположились два преподавателя: слева – сурового вида женщина среднего возраста в строгом одеянии, справа – тот высокий светловолосый парень в футболке, который позвал Сергея. Сбоку от них стоял ещё один стол, на котором лежали справочники и программы.

- Давайте ваш зачётный лист, – немного торжественно произнесла женщина. - Берите билеты и садитесь готовиться.

Сергей подал ей свой документ. Та внимательно сверила приклеенную к нему фотографию с серёжиной физиономией и положила его лист в стопку к другим. На её столе «лицом» вниз лежали рядами билеты по литературе, на втором столе – по русскому языку. На них вырисовывались выдавленные следы от напечатанных на машинке слов и цифр, но разобрать их было невозможно.

Сергей сначала взял билет справа, потом слева. Он объявил их номера: по русскому был номер 20, по литературе – 13. Потом взял несколько чистых листов бумаги и присел на свободное место – как раз напротив преподавателей.

Лишь теперь он прочитал задание. По литературе выпало «А.С. Пушкин – мастер прозы (на примере одной или нескольких «Повестей Белкина») и «Художественный смысл поэмы А. Блока «Двенадцать»».

А в билете по языку первым вопросом было «Словосочетание. Строение словосочетания. Виды словосочетаний». Вторым – предлагалась цитата из Ахматовой: «Нет и не было ни одной, говорящей по-русски семьи, где дети могли бы вспомнить, когда они в первый раз слышали это имя и видели этот портрет, но все мы бесчисленное количество раз слышали от трёхлетних исполнителей «Кота учёного» и «Ткачиху с поварихой» и видели, как розовый пальчик тянулся к портрету в детской книге, и это называлось «дядя Пускин»».

Конечно, в предложении отсутствовали знаки препинания и кое-где буквы в словах – ему их надо было поставить. Некоторые простые предложения из этого сложного предложения предстояло разобрать по членам. А некоторым словам надо было сделать фонетический и морфологический разбор.

В первые минуты от волнения у Сергея всё в голове перепуталось: имена и фамилии героев, правила языка, - перемешались в кучу. Но он, как говорится, сумел взять себя в руки. Сначала решил приняться за вопросы по русскому. Расставил в цитате запятые, вставил пропущенные буквы, разобрал слова и предложения. Со словосочетанием тоже вроде бы справился. Недаром в аттестате по русскому была пятёрка. Ответы подробно записал.

«Повести покойного Ивана Петровича Белкина» Сергей и сам читал, и с Ксенией Фёдоровной на уроках они подробно разбирали этот творческий период Пушкина. На всякий случай он подошёл к столу со справочниками, порылся. В одном из них обнаружил информацию о «болдинском» периоде Александра Сергеевича – осень 1830 года – вот когда написаны «Повести»! И одна из них под названием «Станционный смотритель».

Напряг память – вспомнилась фамилия смотрителя – Вырин и имя его дочери Дуняши. Ксения Фёдоровна говорила, что автор сочувствует Вырину, переживает с ним бегство его дочери. Что в описании жизни смотрителя видна любовь писателя к своему герою. А философский подтекст повести связан с библейской

легендой о блудном сыне, которая в доме Вырина «развешана» автором в виде картинок на стенах. Сергей торопливо пересказывал всё это экзаменаторам:

- Вырин надеется, что Дуня вернется к нему, но она не возвращалась, - его ответы по «языковым» вопросам им, кажется, понравились и это его вдохновило. - Опыт Вырина подсказывает ему, что его дочь будет обманута и брошена. А для зрителя честь – превыше всего. И отец Дуни пытается спасти дочь от того, что он считает её погибелью...

- Хватит, достаточно, - остановила его строгая дама, и Сергей почувствовал, что суровые складки на её лице слегка разгладились. – Давайте перейдём к Блоку.

- Поэма «Двенадцать» написана Александром Блоком в начале 1918 года, – так же быстро зачастил Сергей, постоянно заглядывая в свои записи. – В ней отразилась позиция автора по отношению к Великой Октябрьской социалистической революции. – Он перевёл дыхание.

– Это поэма о революционном Петрограде, о её героях, о том, что через этих людей в мир идет весть о человеческом освобождении. Он показал в своей поэме революцию как очистительный пожар, в огне которого все старое должно быть уничтожено, - и Сергей, слегка привстав, вдохновенно продекламировал:

- Мы на горе всем буржуйам

Мировой пожар раздуем,

Мировой пожар в крови —

Господи, благослови!

Он продолжал говорить о том, что вьюга революции начинается с первых же строк поэмы, что черное небо и белый снег – символы того, что творится в душе каждого из участников грандиозных событий, которые произошли в стране:

- Черный вечер,

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек...

- Старый, прогнивший мир олицетворен в поэме уличным псом: «И старый мир, как пес безродный, Стоит за ним, поджавши хвост». Представителями этого старого мира у Блока становятся и «буржуй на перекрестке», и «длиннополый» поп... - он, как говорится, вошёл в раж. У него ещё немало наметок о поэме было написано на бумаге.

Но его вновь прервали.

- Ну, как вы думаете, Василий Петрович? – у экзаменаторши на лице светилась грустная улыбка.

Светловолосый в футболке всем телом повернулся к своей напарнице и одобрительно кивал:

- Я с вами полностью согласен, Ариадна Александровна, - он тряхнул головой и как-то картинно протянул к ней свои большие ладони с широко растопыренными пальцами.

Сергею показалось, что слова Василия Петровича прозвучали немного высокопарно. Он смотрел на них, затаив дыхание, ведь прямо сейчас решалась его судьба.

- Отлично, - сказала дама и расписалась в зачётном листе.

Сергей выскочил из аудитории, будто на крыльях вылетел.

- Что получил? Как там? – накинулись на него с расспросами девчонки. И даже тот в отутюженном костюме подошёл, нервно разглаживая свои небольшие аккуратные усы.

- Оценка – вот! – Сергей вскинул вверх правую руку с раскрытой пятернёй. Выбрался из девичьего круга и помчался по коридору, выкрикивая: «Свобода, свобода, эх, эх, без креста! Тра-та-та!»

На крыльце его уже ждал Евгений.

- Отлично! – прокричал ему прямо в ухо Сергей.

Тот поморщился:

- Молодец! – похвалил старший. – А говорил...

- Ты-то как? – вспомнил Сергей.

- Взял своего «петуха», - образно ответил брат. – Пойдём, поедим. А то живот подвело...

В общежитие они вернулись к вечеру. И узнали от Петровны, что жертвами очередного экзамена стали ещё четыре человека. Чтобы не было пьянства, Зайцев распорядился, чтобы они сегодня же выехали по домам.

Братья растерянно осмотрели комнату. Здесь осталось только пять раскладушек, которые снова переставили местами. Только постели Сергея и Евгения оставались на старых точках. На двух сдвинутых вместе раскладушках физик Пётр и ещё двое парней играли в подкидного дурака.

- Поздравляю, парни, - искренне произнёс Евгений. – Возьмёте нас с братом в игру. Те подвинулись, приглашая их...

Следующим экзаменом у Сергея была история, у Евгения – английский. Честно говоря, школьный «объём» по истории СССР младший после выпускного перелистал не на один раз. Но бесчисленное количество разных дат, имён и событий путались в голове. Определённо, с историей надо было что-то делать. Он так честно и сказал Евгению, когда они проводили очередной день в читальном зале.

- Ладно, - ответил Евгений, почесав за ухом. – Над этой проблемой надо поработать. – Он вздохнул. – Тебе библиотека ещё не надоела? Так и лето пролетит, не заметим.

- Что предлагаешь? – сладко зевнув, спросил Сергей.

- Пойдём завтра на пляж. Искупаемся, на солнышке полежим. Книжки с собой возьмём, там читаем.

...Утро снова было солнечным и снова обещало дневную жару.

Братья прихватили с собой одно одеяло, упаковав его в сумку вместе с книгами от всевидящих глаз Петровны. По прогретой набережной они дошли до понтонного моста и вместе с нескончаемой цепочкой горожан перебрались по его шаткой спине на остров. Когда по песчаной тропинке они миновали ивовые заросли и вышли на пляж на другой стороне острова, им открылась широкая панорама реки, которая быстро несла свои воды. На противоположном обрывистом берегу высилась стена соснового бора. Ниже по течению по большому автомобильному

мосту, опирающемуся на мощных бетонных «быков», катили машины и мотоциклы, громко тукал на рельсовых стыках трамвай.

Сергей с восторгом осматривался вокруг.

- Рот закрой! – привёл его в чувство старший. – Поспешим, а то все лучшие места займут.

На пляже, действительно, народу было уже полно. Усыпанный галькой, берег был устлан яркими лоскутами материи и мужскими и женским телами. В воде плавали и плескались люди, громко визжали и кричали дети. Но братьям удалось выискать местечко у воды, по соседству со стайкой стройных девчонок.

Парни расстелили одеяло, обнажили свои бледные тела и первым делом решили искупаться. Сергей не привык ходить по такой колючей поверхности, галечник колол ступни, заставляя его ковылять к воде мелкими неловкими шажками. Зато Евгений твёрдо и прямо продефилировал мимо девушек, которые дружно скосили глаза в его сторону.

Они плавали минут двадцать. Речная вода вначале показалась холодной, но они быстро привыкли к разнице температур. Впрочем, Сергей плавал «не особо»: он пешком в воде поднимался выше по течению, потом река сама несла его вдоль берега, он лишь чуть шевелил руками и ногами. Евгений же плавал отлично и мощными гребками боролся с течением.

Потом они лежали под горячими лучами солнца. Старший лениво перебрасывался ничего не значащими фразами с одной из девчонок, которая расположилась ближе других. А Сергей, закинув руки за голову, прищурившись, смотрел в бездонную чистую синеву неба. И небо представлялось ему огромным морем, которого он ещё никогда не видел. Небесная голубизна казалась ему такой же бездонной и безбрежной...

- Спишь, что ли? – тряхнул его за плечо брат. – Пойдём ещё купаться.

Они снова направились к воде, за ними потянулись и их соседки. Гурьбой они плескались в речной прохладе, брызгали друг на друга водой, девушки весело и громко смеялись любой шутке братьев. Наконец, с посиневшими от купания губами, все растянулись на своих лежанках. Грелись под палящими лучами, оживлённо переговариваясь и хохоча.

Потом они ещё пару раз купались, загорали. Про учебники так ни разу и не вспомнили.

Братья прилично обгорели, их плечи, руки, ноги и лица заметно порозовели. И они решили возвращаться в ночлежку. Евгений начал быстро одеваться, а Сергей только сейчас обнаружил, что его одежда: брюки и цветная с большим модным воротником рубашка, - исчезли. Он растерянно посмотрел тут, там, заглянул под одеяло – вещей не было.

- Что делать? – досадовал Сергей. – И я, лопух, не заметил, как одежду «свистнули»... Где теперь её искать? Как в общагу идти? В плавках?

- А мы девицами увлеклись-отвлеклись. То-то они быстренько смылись, - в тон ему ворчал Евгений. – Ну, не переживай ты так. Вещи не вернёшь. Будешь в брюках от костюма ходить и в другой рубашке. И родителям ничего не говори, не расстраивай...

- Ладно, - махнул рукой младший. Он ещё озибался вокруг, рассматривая соседние лежанки. Однако его уже больше волновало, как он теперь доберётся до общаги, не «уронив» лица.

- Я захватил шорты, - вспомнил вдруг Евгений. Он порылся в сумке и вынул сложенные вчетверо шорты красного цвета. – Одевай! Пойдёшь без рубашки. Тут недалеко. Пусть все думают, что тебе просто жарко.

Так они и добрались до дома. Полуголый Сергей без конца подтягивал сползающие большеватые шорты. Когда входили в здание биофака, из своей каптёрки выглянула Петровна:

- На острове были, - сразу догадалась она. – Сгорели, ведь! Завтра болеть будете... Идите к себе, я сейчас.

Парни пожали плечами и поднялись в ночлежку. Сергей, порывшись в своей сумке, вынул футболку, ещё одну модную цветную рубашку. Вещи были мятыми.

- Давай, поглажу, - услышал он за спиной голос Петровны. Она взяла его одежду, а ему протянула гранёный стакан со сметаной. – Вот, держи. Я себе брала, да не съела. А вы ею намажьтесь. Болеть не будет.

Они последовали её совету. Болело, и, правда, совсем немного. Через пару дней, к третьему экзамену, загар чуть потемнел, выделяя их среди бледнолицых абитуриентов. Кстати, Евгений как в воду смотрел: погода испортилась, небо затянули сплошные сизые тучи, из которых моросил бесконечный мелкий дождь...

Утром, в день третьего экзамена, Сергей без труда нашёл свою аудиторию. Как всегда возле входа толпились взволнованные абитуриентки, листали учебники, конспекты и бумажки со шпаргалками. Для входа на испытание по истории организовали очередность. И он занял очередь за какой-то вертлявой девицей. Потом заметил в коридоре Наташу, она сидела на стуле, уткнувшись в книгу, не замечая ничего вокруг.

- Привет, - подошёл к ней. Сергей – Как дела? – тихо спросил он девушку.

Она сообщила о своих скромных успехах: за второй экзамен получила четвёрку и теперь ей кровь из носу нужна только отличная отметка. Иначе не пройдёт по конкурсу.

- Так что, не отвлекай бедную ростовчанку, - и Наташа снова отвернулась к учебнику.

«Перед смертью не надышишься», - пробормотал он ей в ответ. Именно так сказал ему вчера поздно вечером и Евгений, вернувшись со своего очередного секретного предэкзаменационного ужина в хорошем настроении. Он отобрал у младшего учебник, а потом, сев на край раскладушки, поглядывая на спящих соседей, негромко инструктировал его.

«Во-первых, обязательно произнесёшь свою фамилию вслух, чтобы препод услышал. Возьмёшь билет, садись и готовься. Обязательно пользуйся программой по истории и атласом, карты можно использовать ко многим ответам. Если всё внимательно посмотришь, найдёшь кучу подсказок. А в атласах бывают не только карты, там есть и основные даты событий. Отвечай нормально, выкладывай всё, что знаешь. Но если чего не знаешь или сомневаешься, лучше не говори... Главное, не бойся».

Расстановка в аудитории, куда он, наконец, попал, уже была знакома: два ряда по три стола – для абитуриентов, напротив – два молодых разнополых преподавателя, на их столах – белые ряды билетов.

Сергей протянул экзаменационный лист «ему» и громко назвал свою фамилию. Но руку к его документу протянула «она» – симпатичная экзаменаторша с короткой стрижкой медного цвета. Она внимательно изучила документ, заглянула в свою тетрадь:

- Сергей, - назвала его по имени. – Берите билет и садитесь, – она записала номер его билета и уже тише добавила. – Программу посмотрите, карты...

На этот раз Сергей сначала был спокоен, его место было закрыто от экзаменаторов спиной в светлой кофточке. Но когда вчитался в суть вопросов, слегка заволновался: в теме «Возвышение Московского княжества в XIV в. Куликовская битва», - не смог вспомнить дату великого боя. Хотя второй вопрос казался легче: «Победа Великой Октябрьской социалистической революции. Триумфальное шествие Советской власти».

С разрешения преподавателей он на столе со справочной литературой взял атлас со схемой Куликовской битвы. Внизу карты нашёл день битвы: 8 сентября 1380 года. Дальше пошло легче.

«Москва занимала географически выгодное положение среди русских земель, - начал он записывать ответ. - С юга и востока её прикрывали от монголо-татар Суздальское, Нижегородское и Рязанское княжества, с северо-запада – Тверское и Великий Новгород. Сначала Москва была небольшим поселением Владимиро-Суздальского княжества, но в начале XIV века превращается в важный центр»...

- И причины возвышения Москвы можешь назвать? – уточнила у него экзаменаторша, когда он отвечал, подсев к ней поближе. Она так и сказала ему: «Садись сюда», - и показала рукой напротив своего стола. Её коллега рылся в своих бумагах и даже не смотрел в их сторону.

- Причины? – уточнил Сергей. – Конечно. Во-первых, выгодное географическое положение. Во-вторых, там и реки, и дороги сходились. Ещё, - он замялся...

- Ладно, - остановила его рыжеволосая. – Дату Куликовской битвы помнишь?

- 8 сентября 1380 года.

- Кто был во главе нашего войска?

- Князь московский Дмитрий. Его после этой битвы прозвали Дмитрием Донским.

- На второй вопрос ответ знаешь?

- Ага, - уверенно кивнул Сергей.

- Почему революцию мы называем Октябрьской, а отмечаем её в ноябре? – она с интересом разглядывала его.

Это, в общем, Сергей знал и рассказал про новый календарь, который ввело правительство Ленина.

Экзаменаторша взяла у него листы с записями, вчиталась в его неровные, неразборчивые строчки.

- У меня нет вопросов, - обратилась она к своему коллеге. – Предлагаю поставить «отлично».

- Не возражаю, - кивнул тот, так и не оторвав взгляда от своих бумаг...

На этот раз ждать брата на крыльце пришлось Сергею. На улице было сыро, с козырька капало, и он жался ближе к входной двери. Дверь то и дело открывалась – впуская и выпуская людей. Евгения долго не было. Наконец, на крыльцо вышел старший с довольной физиономией.

- Ну как? – первым спросил Сергей.

- Как всегда! - Евгений обхватил младшего под мышки и приподнял над землёй. По всему было видно, что он доволен результатом. – А у тебя?

- Тоже пятёрка! Как тебе удалось?..

- Я же тебе объяснял: гарантия? – отшутился Евгений. – Хочешь пельменей?

- Кто же не хочет! – у Сергея подвело желудок, пустой с самого утра. К тому же он уже забыл о домашней еде, ведь прошло почти две недели, как они уехали из Прокопы.

Вначале они завернули на переговорный пункт, доложили домашним о своих успехах. Потом старший повёл младшего в самый конец Советского проспекта. Они миновали мебельный магазин «Уют», и вскоре оказались у пятиэтажки, на её фасаде красовалась вывеска «Кафе «Молочное».

Парни вошли внутрь, стряхивая с себя дождевики. Судя по меню, здесь было царство пельменей, вареников с самыми разными начинками и запеканок. Предлагались сырники и молочные каши.

- Знаешь, братан, выбирай, что хочешь! Сегодня плачу я... - гордо заявил Сергей.

Время обеда прошло, и в заведении было малолюдно. Они решили не стесняться: взяли по две порции домашних пельменей, вареники с творогом в сметане, чай с молоком. За всё про всё Сергей выложил около двух рублей!

Работницы кафе с удовольствием посматривали, как парни с аппетитом уписывали их стряпню.

Потом, обессиленные, они ещё немного посидели за столиком, сыто отрывая и лениво позёвывая. И решили прогуляться по прохладным улицам.

Дождь перестал, и ветерок теребил лужи на тротуарах. Отяжелевшие после обеда, парни медленно прогуливались по Весенней, поглядывая на местную молодежь.

- Хотел бы ты жить в этом городе? – Евгений то и дело оглядывался по сторонам.

- Тьфу, тьфу, - суеверно сплюнул Сергей. – Давай сначала экзамены сдадим.

- Сдадим, - уверенно заявил старший. – Над твоим английским я работаю. И над своей литературой...

В их общаге в этот вечер свободного места стало ещё больше. Двое парней получили по «неуду» и бесшумно ретировались. Вместе с физиком Петром их в большой пустой комнате осталось только трое. Пётр переставил свою раскладушку в один ряд с постелями братьев и, вздохнув, признался:

- А я трояк сегодня получил. Наверное, не пройду по конкурсу, - он тяжело вздохнул и улёгся спать, не раздеваясь.

...За ночь похолодало, крупные капли дождя звонко цокали по жестяному откоосу окна. И когда утром спросонья Сергей по-летнему – настежь – распахнул в ночлежке окошко, с улицы пахло прямо-таки осенним холодом.

- Закрой! – заворчал на него Евгений, кутаясь в тонкое одеяло. – Простудимся, нафиг... А нам ещё сдавать.

Младший всё же оставил небольшую щель и вернулся на раскладушку, под одеяло. Попробовал ещё подремать под звуки дождя, но уже не спалось. Он минут двадцать повертелся с боку набок, не выдержал, встал и поплёлся в туалет. А когда, умытый и со свежим дыханием, вернулся в комнату, увидел стоящего у окна Евгения, босого, в коротких трусах. Тот смотрел на улицу, отчаянно зевал и без конца почёсывал свой живот.

- У тебя зонтик есть? – повернулся он к Сергею. Тот кивнул:

- Мама положила.

- И у меня есть, так что дождь нам не помеха. Айда в библиотеку, там пожужем и учебники читаем.

Они достали из сумок тёплые кофты, которые ещё вчера казались лишними в поездке, оделись и вышли на промокшую улицу, оставив Петра досматривать свои сны.

В читальном зале Сергей заказал пособие по английскому с разными темами: твой дом, твой город, твоя школа, твоя семья, твои друзья... На экзамене была возможна любая из них.

Ожидать заказ решили в зале периодики. Евгений уткнулся в подшивку газеты «Правда», Сергей предпочитал «Известия».

Много материалов в газете было про визит Брежнева в Соединённые Штаты. В заголовках сквозило: «Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев во время посещения с официальным визитом США заявил о том, что «холодная» война закончена».

Сергей ещё полистал подшивку.

«В ночь с 16 на 17 июля в Афганистане произошел антимонархический переворот, - прочитал он в разделе международных новостей, - явившийся закономерным следствием сложившейся к тому времени в стране социально-экономической и политической ситуации. Его возглавил двоюродный брат и зять короля Мухаммед Дауд, получивший в западной прессе еще до описываемых событий прозвище «красного принца». В Афганистане свергнута монархия и провозглашена республика».

Он перевернул несколько номеров:

«25 июля с космодрома Байконур была запущена советская межпланетная станция Марс-5», - ого, восхитился Сергей, мы тут над экзаменами трясёмся, а люди космос осваивают!

Потом он зубрил английские темы.

- Учи рассказ про свою семью, - посоветовал старший. – Работай в этом направлении...

Сергей тяжело вздохнул:

- Неужели Бог не поможет?! Ведь осталось совсем немного.

- Ты же в Бога не верил, атеист, - напомнил ему Евгений. – Забыл, как с дедом Алёхой спорили, что Бога нет?

И они со смехом начали припоминать, как однажды, лет пять-шесть тому назад устроили спор о Боге с дедом Алексеем – он был дедом со стороны их отцов. Нелепость и юмор ситуации, если смотреть на неё из сегодняшнего дня, заключались в том, что дело было в маленькой домашней баньке в Прокопе, где дед каждую субботу любил до лиловой красноты парить внуков с самого их раннего детства.

С чего начался спор: есть Бог или нет? – сейчас уже было не упомянуть. Они втроём отдыхали в прохладном предбаннике после нестерпимого жара парилки. А слово за словом, и, вроде бы не слишком богобоязненный, дед так разозлился на подколы и усмешки неверующих внуков над Всевышним, что пребольно оттащил их, голых, расслабленных после хлёсткого берёзового веника, приговаривая при этом: «Вот отсохнут ваши языки, будете знать, нехристи!»

- И ведь как больно было! У меня прямо слёзы из глаз, - хохотал Сергей.

- А я ему говорю, если Бог есть, он тебя накажет за то, что детей обижаешь! - вторил ему Евгений.

На них зашикали с соседних столов, подошла администратор читального зала и предупредила, что если братья будут шуметь, им придётся покинуть библиотеку.

- Уходим, - решил Евгений. – Хватит на сегодня. – Лучше погуляем. Надо же привыкать к этому городу...

Три подготовительных дня прошли незаметно. Сергей учил английский, пытаясь пополнить свой иностранный лексикон, тренировался в переводе текстов из газеты «The Moscow News». Политические темы давались не очень, и он досадовал, что не издают параллельную версию «Московских новостей» на русском.

Евгений всё время мусолил одолженную у кого-то толстую тетрадь с краткими изложениями сюжетов произведений русских писателей.

Вечером накануне последнего испытания Евгений оставил младшего в ночлежке наедине с Петром. Но велел Сергею не засыпать, дожждаться его возвращения.

Сергей лежал на раскладушке и бездумно смотрел в белый потолок. Пётр уже давно мирно посапывал во сне, и его равномерное дыхание действовало на младшего убаюкивающе. Ему показалось, что он лишь на мгновение сомкнул веки.

...Он стоял на лесной тропинке среди летних белоствольных берёз и не знал, куда повернуть, чтобы выйти к городу. Он повернул направо и вскоре оказался на опушке, плотно обставленной деревьями. Где-то вдалеке раздавались равномерные глухие удары, будто там рубили дерево. Сергей пошёл навстречу этому звуку, который всё усиливался и перешёл в сплошной грохот...

Сергей подпрыгнул на постели – грохотало возле ночлежки. Он вскочил, понял, что грохот идёт с первого этажа. Сергей босиком сбежал по ступенькам вниз: входная дверь ходила ходуном. Он откинул задвижку, у входа стоял Евгений, мокрый от проливного дождя.

- Ну, ты даёшь! - он отодвинул Сергея в сторону и вошёл в здание. – Просил же не спать, дожждаться.

- Сам не понимаю, как я тебя проспал, - смущённо улыбался Сергей. – И Петровны сегодня нет... - он опять уловил у брата запах спиртного.

Они поднялись в комнату. Сергей сразу залез под одеяло. Евгений быстро разделся и последовал его примеру, сладко зевнул и сказал:

- Завтра отвечать сядешь к Инге Викторовне. Такая светленькая, высокая, волос волнистый. Не перепутай... - повернулся на бок и мгновенно заснул.

...Ингу Викторовну Сергей узнал сразу, как только вошёл в аудиторию. Он демонстративно протянул свой экзаменационный лист именно ей, а не «возрастной» даме в вызывающе ярком зелёном наряде, которая уже было протянула руку к его документу.

Инга Викторовна бросила на Сергея взгляд, сравнила его лицо с фотографией на листе, внимательно прочла фамилию. На её лбу обозначилась озабоченная складка.

- Your examination ticket, please? – показала она на разложенные на столе билеты.

Сергей, не раздумывая, взял белый листок бумаги, перевернул и внимательно посмотрел на задание. Первым заданием был перевод мелко набранного текста строк на пятнадцать.

- Вам понятно задание? – уже по-русски спросила Инга. Он утвердительно кивнул.

- А потом побеседуем по теме «My family» Садитесь и готовьтесь.

«Вот старший – провидец!» - обрадовался Сергей, хмыкнув.

...Текст он как-то перевёл. Спотыкаясь, прочитал его по-английски экзаменатору и, пересказывая русский перевод, запинаясь и краснел. Инга Викторовна, хмуря брови, негромко поправляла его. Он сразу же поправлялся, повторяя за ней и, как китайский болванчик, кивал головой, преданно заглядывал ей в глаза.

Когда с первым вопросом покончили, Инга произнесла:

- Let's take the second question, - и, подперев рукой белокурую голову, приготовилась слушать.

- My family, - промямлил в ответ Сергей и жалостливо посмотрел на преподавателя.

- Please, - подбодрила она.

- Угу, - пробормотал в ответ он и начал, заглядывая в свой черновик. – I have a small family.

Инга Викторовна одобрительно кивнула. И он продолжил чуть увереннее:

- My family consists of a mother, a father and a brother.

Она снова кивнула.

- My mother's name is Valentina? – Сергей почувствовал, что расслабился. - She is very beautiful and kind. She is 36 years old? – рассказывал он, что означало: мою маму зовут Валентина, она очень красивая и добрая. Ей 36 лет.

А когда он сказал, что его мама работает инженером на шахте, Инга недоверчиво переспросила:

- She works as an engineer at the mine?

- Yes it is, - подтвердил Сергей.

- She is a brave woman, - похвалила преподаватель его маму за смелость.

Сергей не понял, но на всякий случай снова повторил:

- Yes it is.

Потом он рассказал про отца, что тот тоже трудится на шахте рабочим, а младший брат учится в шестом классе. И когда у его семьи есть свободное время, они проводят его вместе, смотрят кино, идут гулять или работают в саду.

– Our family is very united and happy, - наша семья очень дружная и счастливая, так закончил он свой нехитрый рассказ. И снова посмотрел на Ингу Викторовну преданными глазами.

- Your mom can cook? – осторожно задала ему вопрос Инга.

Сергей не понял, что речь идёт о кулинарных способностях его мамы, напрягся, на всякий случай выдавил:

- Yes...

Инга задумчиво прищурилась, взяла его экзаменационный лист, вывела оценку, расписалась, придвинула документ коллеге в ярко-зелёном. Та заглянула в бумагу, поджала губы, но тоже поставила свою подпись.

Только выскочив в коридор, Сергей взглянул на отметку: «Хорошо». Он вытер ладонью вспотевший лоб и, отбиваясь от расспросов ожидающих своей очереди абитуриентов, безапелляционно заявил им:

- Гоняют очень серьёзно!

А когда шёл на выход, всё складывал в уме свои баллы и прикидывал, пройдёт он по конкурсу или нет? Поэтому не сразу услышал, как его окликнул Евгений:

- Оглох, что ли? – хлопнул его брат по плечу.

- Извини, задумался. Четвёрку поставили, спасибо тебе.

- Так хватит, поздравляю! А я – как обычно... - и братья пожали друг другу руки.

Потом они выяснили в приёмной комиссии, когда и как узнавать про зачисление. Оказалось, что списки зачисленных вывесят завтра, ближе к обеду.

- Пойдём, съедим чего-нибудь и не только... Я тут ещё одно «вкусное» место знаю. А у тебя деньги есть? – неожиданно спросил брата Евгений. – Я что-то придержался.

- Не вопрос, - ответил Сергей.

На этот раз по полюбившейся им Весенней они пришли на небольшую уютную улочку имени Демьяна Бедного. Неподалёку, на пересечении этой улицы с шумной улицей имени 50-летия Октября виднелся серый куб кинотеатра «Космос». От стеклянного сооружения с большой надписью на козырьке «Кафе «Сибирячка», где оказались братья, исходил вкусных аромат жареной курятины.

- Здесь таких цыпят табака готовят, пальчики оближешь, - подтолкнул Евгений младшего к входу в «стекляшку».

Внутри тихо звучала музыка, из десятка столиков заняты были только два. В кафе было самообслуживание. За барным прилавком скучал высокий чернявый парень в белой рубашке.

- Садись к окну, а я заказ сделаю, - Евгений пошёл к прилавку.

Вскоре он вернулся с подносом, на котором красовались два стакана, наполненных тёмной жидкостью и два овощных салата.

- Пока закусим, наших цыплят пожарят, - Сергей помог брату составить на стол содержимое подноса.

- А это что? – Сергей понюхал содержимое стакана. В нос ударил терпкий запах вина.

- Портвейн, - весело ответил Евгений. – Или ни разу не пил?

- Да пил, пил. А по стакану нам не много будет?

- По одному стакану, да при хорошей закуске – будет в самый раз! – старший взял свой стакан. – Давай, за прошедшие экзамены!

Они чокнулись и выпили. Сергей отпил на треть, Евгений – пол стакана. Салат исчез быстро. А вот своего цыпленка каждый смаковал особо. Расплющенные, натёртые чесноком и специями, цыплята были крупные, сочные, хорошо прожаренные, смачно похрустывали на зубах. Ели, не спеша, вспоминали испытания, которое преодолели.

- Я каждый раз сильно волновался, - непрестанно жуя, откровенничал Сергей. – Удивляюсь, как ты был спокоен?

- Да нет, я тоже волновался, - делился Евгений. - Ну, может, чуть поменьше. У меня же целый год был. Перед экзаменом всегда успокаивал себя, что я сделал все, что мог. Надо просто выйти и рассказать всё, что знаю. Для меня самое важное – позитив словить на экзамене. И подстраховка, конечно...

- Гарантия, - напомнил младший.

- Ага, - кивнул старший.

И они допили остатки вина.

...На входе в общежитие они столкнулись с Петром, который в одной руке держал сложенную раскладушку, в другой – свой чемодан.

- Ты чего, уехать решил? Зачисление же завтра! – остановил его Сергей.

- Всё, парни, я – домой. Баллов не набрал, какое мне зачисление... А вам удачи! – он боком обошёл их и пошагал в сторону главного корпуса. За ним семенила Петровна со свёрнутым матрасом, из которого торчал уголок подушки.

- Я ещё вернусь. Не набедокурьте там у меня! - погрозила она братьям.

Они поднялись в ночлежку. Большая комната теперь выглядела пусто. У одной стены сиротливо стояли две их раскладушки, в дальнем углу лежал чей-то носок.

В эту ночь братья долго не могли заснуть. Лежали и разговаривали, о доме, о родителях, вспоминали разные истории из детства. Договорились завтра, после зачисления, ехать в Прокопу на вечернем поезде. Глаза у Сергея уже слипались, когда он услышал, что шум дождя за окном заглушает безмятежное дыхание брата.

...Списки, наконец, вывесили. В этот раз толпа у стендов была гораздо меньше. Свою фамилию Сергей нашел сразу и обрадовался: он – студент института! Рядом прыгали от радости и обнимались девчонки. Среди них Сергей заметил и Татьяну с Натальей.

У Евгения был такой же результат. Братья поздравили друг друга и пошли в ночлежку. Надо было собрать вещи, сдать раскладушки, позвонить домой. Потом можно погулять по городу, ведь до отхода поезда ещё уйма времени.

«И целый месяц лета ещё впереди! - думал Сергей. - Месяц детства...»

Деревенский эскорт

- Ребята, мы п-приехали п-помогать вам! – голос Михаила Ефимовича дрожал и срывался. – Нам з-завтра рано вставать! П-прошу, уезжайте!

С всклокоченной от сна головой он стоял вполоборота возле большого – от пола до потолка – окна сельского клуба в ярком свете мотоциклетных фар, которые чётко высвечивали его, невысокого и худого. Но на противоположной стене помещения тень его фигуры в хлопчатобумажном трико с оттянутыми «пузырями» на коленях выглядела несуразно огромной, а в сочетании с тенью от переплета оконной рамы выглядела так, будто большой гоблин находится за решёткой камеры.

Видимо, за окном это тоже заметили. Раздался громкий пьяный смех деревенских парней.

- Девчонок давай, урод! – крикнули с улицы. – А то мы сейчас и окно, и тебя в ключья разнесём! - и там снова раздался гогот, больше похожий на ржание застоявшихся жеребцов.

Именно это угрожающее ржание и подстегнуло Егора на безрассудный шаг: он неслышно скользнул на пол со сцены, которая служила постелью всему их студенческому отряду, и не спеша вышел на освещённое пространство. Подтянул сползающие джинсы, одёрнул свитер, протяжно, несколько картинно зевнул, постукивая ладонью по широко раскрытому рту, потом сладко потянулся, высоко вскинув вверх руки, и спросил спокойно и равнодушно.

- Как дела, парни? – и, не дожидаясь ответа, сообщил деревенским. - А девчонок здесь нет, их же поселили в школе. Сам управляющий отделением их охраняет. А в клубе только парни спят. Надеюсь, парнями не интересуетесь?

Незванные гости на улице враз загомонили, не разберёшь, о чём. Егор напрягся в ожидании продолжения разборки. Но её не последовало. Кто-то крикнул, перекрывая остальных: «Ладно, Митяй, едем отсюда!» Послышались звуки, которые издаёт мотоцикл, если по рычагу кикстартера ударить ногой. Один за другим затарахтели моторы, в окне бестолково заметался свет фар отъезжающих «железных» коней. И в небольшом, набитом девчонками зрительном зале сельского клуба после яркого света стало темно.

...Первокурсник Егор не успел проучиться и недели с начала сентября, когда на общем собрании им объявили, что вечером следующего дня весь их курс направляют на месяц в село.

- Надо помочь крестьянам в уборке урожая, - строгим голосом объявил притихшим «первогодкам» слегка взъерошенный декан филфака Василий Николаевич.

Он нервным движением чуть ослабил тугой узел галстука, оправил полы серого пиджака и, опустив глаза в пол, проворчал что-то вроде: «Чёрт бы их побрал!». А, может, Егору это только послышалось, потому что декан поднял голову:

- Прошу вас поработать хорошо, без замечаний, - он помолчал, вглядываясь в лица студентов, сидящих в передних рядах длинной узкой аудитории. – Наш факультет всегда хвалили за сельхозработы. Не посрамите наших традиций, - декан снова опустил взгляд, переступил с ноги на ногу, а, когда опять посмотрел на студентов и привычным движением пятерни пригладил зачёсанные назад тёмно-русые волосы, его круглое, простое с крупными чертами лицо осветила хитроватая улыбка. – За учебный процесс прошу не беспокоиться. Вернётесь, будем нагонять пропущенные занятия...

В самый первый день студенческой жизни всех сокурсников Егора – больше ста человек – разделили на группы. Парней на курсе оказалось всего восемь, с тремя из них Егор попал в одну группу.

От девчоночьих лиц рябило в глазах, но он сумел с этим справиться, ближе познакомившись с новыми друзьями. Самого высокого из их компании звали Евгением. Они с Егором были одногодками и с первых дней быстро сблизились.

Тех, что постарше, звали Олег и Александр. Оба, как и Егор, среднего роста. Александр попал на филфак, сменив учёбу в вузе соседнего региона на вуз, что ближе к своим родным, проживающим где-то в окрестностях областного центра. Ездить к ним было неблизко. Поэтому он и иногородние Егор с Евгением поселились в одной комнате университетского общежития.

Олег тоже уже успел поучиться в политехе, но понял, что это – «не его», тяга к гуманитарным наукам и написанию стихов взяла верх. Он жил с родителями рядом с университетом. После занятий заходил в общагу – в гости к парням, но всегда торопился вернуться под родительский кров.

Всего в их группе было человек тридцать. Однако в деревню поехали далеко не все. На удивление, многие сумели представить деканату справки о хилом здоровье и получить освобождение от сельхозработ. Чтобы заполнить бреши в студенческих рядах, деканат решил усилить их группу девушками из группы номер один.

Здесь все студентки были в «возрасте». Ну, то есть, им было не меньше двадцати, и пришли они учиться филологии после окончания «рабфака».

Тогда, в «семидесятые», поступление в вуз через «рабочий факультет», а вернее, через подготовительное отделение, где надо было проучиться год, считалось в порядке вещей. Этим правом пользовались те, кто поступал в универ, да не прошёл по конкурсу, затем, поработал год на производстве – в городе или в селе. После окончания «рабфака» их зачисляли на дневное обучение без вступительных экзаменов.

Девушки из первой группы казались семнадцатилетнему Егору старыми, не достойными его молодого внимания. В ответ Егор получил от них прозвище – Сынок. Так его стали называть смешливые рабфаковки в плацкартном вагоне поезда, который уносил их в ночь на север области.

- Едем в один из совхозов... - вот всё, что сообщил им Михаил Ефимович, немногословный руководитель их объединённой группы – молодой преподаватель с кафедры литературы. – Приедем, посмотримся.

В вагоне студентки вели себя шумно, пели песни, украдкой попробовали крепленого вина, закусывая домашней снедью. Парни тоже вносили свой вклад в общее возбуждение: и вина выпили, и песни пели. Евгений тренькал на потрёпанной гитаре, которую взял с собой. А вскоре выяснилось, что на инструменте умеет играть и Александр. Егор с Олегом с чувством подпевали своим новым товарищам – песни Высоцкого, Визбора, Окуджавы, Антонова и про белых медведей. К ним в купе набилось столько народа, что уже яблоку упасть негде.

- Потерпи, сынок, - оборвала вздохи Егора по поводу тесноты стройная чернявая девица из первой группы. – Мы же не на всю ночь. Скоро уйдём, – девчонки ехидно захихикали.

Егору хотелось съязвить в ответ, тем более вино придавало храбрости. Однако Александр тронул его за плечо: «Да пусть сидят, не связывайся...» И Егор замолчал, только покраснел, смутившись.

А «Сынок» с тех пор к нему прилепился. Ту девицу, что так его нарекла, звали Наташей. Она сидела в обнимку с невысокой, тоже черноволосой девушкой, которая также звалась Наташей. Их ещё на «рабфаке» прозвали Наташа-большая и Наташа-маленькая. Маленькая хихикала на слова подруги громче всех и бросала на Егора лукавые взгляды.

«Вот старухи», - жмурился Егор, но пришлось терпеть это соседство до тех пор, пока далеко за полночь их компанию не разогнал по полкам проводник.

...Ранним утром, сонные и неумытые – в вагоне не оказалось воды – они вышли на перрон небольшой станции с названием Яя, что тут же улучшило их настроение. Будущие учителя русского языка под неистовый хохот начали гадать, как называют местных жителей. Веселье оборвал Михаил Ефимович, он быстро пересчитал студентов и велел садиться в открытый кузов грузовика, который поджидал их на привокзальной площади. Они побросали в кузов вещи, потом начали взбираться туда сами.

Через несколько минут машина выкатилась за пределы Яи, промчала гомонящих пассажиров по щебёночному отрезку пути и плавно съехала на мягкий от пыли просёлок. Утро было прозрачно-солнечным, обещая тёплый день. Большой, нестерпимо яркий диск небесного светила уже оторвался от горизонта и из всех сил посылал свои лучи вдогонку грузовику. А остывший за ночь воздух холодными струями бил в лица.

По обеим сторонам дороги тянулись бесконечные поля со жнивьем или неубранным ещё овсом, картошкой, другими непонятными городским жителям посевами. Мимо проплывали тронутые желтизной берёзовые колки с высокой травой, на линии горизонта они, казалось, сливаются в сплошной лес. Но вслед за движением машины этот призрачный лес отодвигался всё дальше, распадаясь на светлые берёзовые рощицы.

За машиной тянулся длинный, густой шлейф пыли. Грузовик то и дело подбрасывало на просёлочной дороге. Девчонки всякий раз дружно громко ахали, но лихой водитель не обращал на это никакого внимания, гнал себе дальше, выжимая из двигателя всё, на что он способен.

Вдалеке показалась деревня, рядом с которой блеснула плавным изгибом река. Теперь хорошо было видно, что деревенская улица тянется вдоль её низкого берега. Слева от деревни, на поле, возвышались бетонные коробки коровников. А прямо по курсу приближались жилые дома.

На улице грузовик чуть сбросил ход, под лай собак проезжая мимо огороженных высокими заборами, потемневших от времени деревянных жилых построек, бань и сараюшек. «Трудно разглядеть, какая там идёт жизнь», - думалось Егору.

Машина свернула на центральную улицу. Здесь под выходящими на фасад окнами каждого дома имелась простенькая скамейка: укрепленная на чурбаках доска. Занавески в окошках наглухо задёрнуты, зато из труб крышах тянулись белые дымы.

Позади осталось одноэтажное здание школы с прилепившейся к нему с одного бока вытопанной поляной, по краям которой стояли футбольные ворота. Разновозрастные пацаны, гомоня, с утра пораньше уже гоняли чёрный мяч.

Скоро выехали на небольшую деревенскую площадь. Грузовик так резко тормознул возле бревенчатого дома с красным флагом на крыше, что мотор тут же заглох, а всех, кто сидел в кузове, едва не выбросило на землю. Возмущенные девчонки заорали на водителя, а тот, высунув в окно кучерявую светлую голову с улыбкой от уха до уха, в ответ несколько раз нажал на клаксон.

Рядом с входной дверью висела выгоревшая от солнца вывеска, на которой разборчиво читалось лишь слово «отделение». После автомобильного гудка дверь распахнулась, и на низкое крыльцо не вышел, а буквально выкатился похожий на колобка человек невысокого роста и неопределённого возраста. Он был в мятом темном костюме, чёрной рубашке и тёмно-грязных брюках, заправленных в кирзовые сапоги. Голову покрывала замусоленная кепка, надвинутая на самые уши, отчего те оттопырились, придавая ему несколько комичный вид. Он бросил себе под ноги окурки папиросы, тщательно затоптал его каблуком, выдохнул остатки дыма и радостно прокричал:

- Привет, студенты Помощники вы наши! Рад встрече! Ждём вас, не дожждёмся! С уборкой у нас тяжело, вся надежда на вас! – на этом он, кажется, исчерпал своё красноречие и вытер губы рукавом пиджака.

По мере того, как пассажиры покидали кузов, толпа вокруг крыльца разрасталась. Девчонки иронично рассматривали местного начальника. А тот с интересом поглядывал на приезжих в ярких «городских» куртках, джинсах, симпатичные головы многих девушек украшали непривычные местному глазу модные короткие стрижки.

- А как вас зовут? – первой не выдержала Наташа-большая.

- Семёном, - ответил тот и приосанился. – Семёном Семёновичем. Я управляющий местным отделением совхоза «Яйский»...

- А деревня ваша как называется? Не Яйской, надеюсь? - не унималась Наталья.

Девчонки захихикали, уловив иронию подруги.

- Мальцевой называется, - широко улыбался Семён Семёнович. – Деревня Мальцево, - поправился он. – С девятнадцатого века здесь стоит. А речка наша зовётся Золотой Китат.

- А чем мы конкретно заниматься будем? – перебила его Наташа-маленькая.

- Сегодня размещайтесь, а завтра с утра поедете в поле. Турнепс рвать будете.

- А что это такое? – спросила стоявшая ближе всех к управляющему высокая, крепкая, миловидная на лицо студентка Галина, которая смотрела на него сверху вниз.

Семён Семёнович поднял на неё свои бледно-голубые глаза, и они вспыхнули неподдельным интересом:

- Это репа такая, только крупная. Коров ею кормим, моя хорошая, - у него даже кончик носа зашевелился от удовольствия. – Давай я тебя бригадиром назначу?!

- Неа, - засмеялась Галина. – У нас уже есть, - и она одной рукой рывком выдернула из толпы Михаила Ефимовича и вытолкнула смущённого преподавателя на середину круга.

И пока руководители под смешки девушек знакомились и жали друг другу руки, Егор выкрикнул:

- А жить где будем?

Он с остальными парнями стоял в стороне от крыльца. Олег, единственный из их четвёрки, нервно курил сигарету с фильтром, остальные оказались некурящими.

Управляющий объяснил, что жить им предстоит в местном клубе. Там у них собрания проходят, по выходным - фильмы и танцы. «А какие сейчас танцы? Уборочная! - разводил руками управляющий. – Мы вам на сцене палатка соорудили с матрасами, одеялами. А вот подушек нет. Извиняйте... Все удобства на дворе, там и умывальни, и печь есть, обед, ужин и завтрак сами готовить будете. Столовой у нас нету. А повариха в отделении одна, механизаторов в поле кормит».

- Кто у вас варить умеет? – спросил он у Михаила Ефимовича.

Тот лишь плечами пожал.

- Я могу! – выступила вперёд невысокая полненькая дивчина с русой косой, ямочками на розовых щеках и с крохотными голубыми серёжками в ушах. На ней была короткая нейлоновая куртка, синие джинсы обтягивали её формы.

- Как зовут, моя хорошая? – восхищённо посмотрел на неё управляющий.

- Тамара...

- Как устроишься, приходи сюда, Тамара. На склад пойдём. Крупу будешь получать, овощи, мясо, баки, посуду... Сам всё тебе объясню, до клуба всё доставлю. Завтрак будешь варить, ведь кушать, поди, хотите? Приходи, не бойся.

- А я и не боюсь! – повела плечом Тамара. – Чего мне бояться?

- Ладно, шучу... - радостно улыбался Семён Семёнович. – До ночлега с полкилометра. Садитесь в кузов, Витёк подбросит, - управляющий неожиданно захватски свистнул.

В ту же минуту из кабины показалась кудрявая голова.

- Чево, Семёныч? – басовито спросил Витёк и обвёл глазами толпу студенток.

- Не надо нас подбрасывать, - заявила Галина. – Он нас уже подбросил. Пусть наши вещи довезёт, а мы пешочком пройдемся. Правда, девочки? – те одобительно загнули.

- Как хотите, ваше дело, - согласился управляющий. – Вообще, Витёк будет с вами постоянно работать. Он не только на машине, он и на тракторе может. В поле будете на нём ездить, урожай на нём вывозить...

Грузовик мигом умчался. А они не спеша двинулись по безлюдной деревенской улице, освещённой не по-осеннему ярким солнцем. Впереди быстро вышагивали парни, Олег – в сапогах, а Александр, Егор и Евгений – в ботинках. За ними поспешал Михаил Ефимович, следом растянулись шумной цепочкой девчонки. Когда проходили мимо очередного дома, собаки за забором заливались лаем на разные голоса. Егор замечал, как в окнах колыхались занавески, выглядывали любопытные лица, мелькали неясные силуэты жильцов.

Пару раз дорогу перед студентами торопливо перебежали селянки – в одинаковых серых фуфайках, тёмных длинных юбках, под которыми мелькали голяшки коротких резиновых сапог, головы повязаны цветными платками. На гостей местные старались не смотреть. Хотя с каждой из них девчонки громко здоровались, те, не глядя, кивали, бормотали в ответ неразборчиво и быстро исчезали за калитками.

- Смотрите, гусей сколько! – Евгений показывал на белое, как молоко, гусиное стадо, «текущее» живой лентой впереди по курсу их движения. Лента то сужалась, то расширялась – в неё «вливались» новые птицы из соседних подворий – и плавно сворачивала за дом, в сторону реки.

- Я давно их заметил, - деловито откликнулся Александр. - Там Витёк на машине только что проскочил и даже не тормознул. Птички едва успели в стороны разлететься. Идём быстрее, чует моё сердце...

Он резко прибавил ходу. Парни едва поспевали за ним, оставив далеко позади остальных. Когда приблизились к гогочущей, важно вышагивающей птичьей толпе, Александр радостно крикнул: «Есть!» и рванул вперёд, разгоняя гусей, не обращая внимания на их грозно вытянутые шеи и шипение. Он наклонился и подхватил с земли безжизненную птицу с неестественно вывернутым крылом.

- Будет нам сегодня ужин! - обрадовался Евгений.

- Вы что?! Оставьте! – догнал их запыхавшийся Михаил Ефимович. – Вдруг хозяева увидят!

- Ну уж, нет, - твёрдо сказал Александр. – Это наша добыча, и мы её сегодня съедим!

- Причём, с большим удовольствием, - гоготнул Евгений.

- Кто не хочет, может не есть, - по-деловому добавил Егор.

А Олег многозначительно ухмыльнулся.

Евгений быстро снял с себя куртку и протянул Александру, тот прикрыл ею гуся. До клуба было уже рукой подать...

Они долго и тщательно осматривали каждый угол вверенного им деревянного помещения. Клуб был небольшой, состоял из зала со сценой, аккуратного крылечка со сбитой из крепких плах дверью с надёжным кованым крючком, темной кладовой или, смотря как на неё взглянуть, комнатой для артистов: тут был свален разный хлам, к стене прибито некое подобие стола, а на стене висело зеркало.

Едва ли не половину фасада здания занимало единственное окно – размером почти от пола до потолка. Оконный переплет из мелких квадратов издалика делал его похожим на решётку. Но зато из окна открывался потрясающий вид на речную излучину, берега которой густо поросли тальником. Под окном стояли две скамьи, а земля возле них была усыпана шелухой от семечек.

Никакой мебели в здании не было. Зато освещение, хоть и тусклое, но имелось. Спать всем предстояло на сцене, где местные умельцы соорудили невысокий настил, заваленный издавшими виды серо-полосатыми матрасами, рядом с настилом возвышалась стопка тёмно-синих шерстяных одеял.

- Так, пацаны! – та самая миловидная Галина взяла за руки Егора и Александра. – Идите во двор, там похозяйничайте, а мы тут с девочками всё устроим. И она вытолкала их на воздух через заднюю дверь.

Заросший травой, неширокий клубный двор был обнесён глухим забором, который скрывал студентов от посторонних глаз. Со двора на улицу вела калитка. В дальнем углу имелось неказистое сооружение с двумя входами. На одном из известью была намалёвана буква «ж», на другой – «м». На задней стене здания висело несколько железных умывальников. Ещё во дворе красовался стол из длинных струганных досок, укреплённых на вкопанных в землю обрезках брёвен,

вдоль стола – лавки для едоков. Недалеко стояла кирпичная печь с чугунной плитой и двумя конфорками, прикрытыми плотными металлическими кружками. Рядом высилась приличных размеров поленница берёзовых дров.

Олег с Михаилом Ефимовичем быстро набили печную топку дровами и чиркали спичку за спичкой, безнадежно пытаясь поджечь. «Вот досада, - ворчал Олег, жмурясь от дыма своей сигареты. – Сейчас Тамара с продуктами вернется, а мы тут возимся...»

- Дайте, я попробую, - Егор вырос в своём доме и хорошо знал, как это делается.

Он вынул из печи все дрова, оторвал несколько кусков берестяной коры, сложил накрест горкой в топке. Кора занялась сразу от первой спички. Он дождался, когда огонёк окрепнет и пристроил к нему пару самых мелких сухих полешек. Когда и те занялись пламенем, добавил сверху поперёк ещё пару поленьев потолще. Они тоже быстро разгорелись. Вот тогда Егор натолкал внутрь столько дров, сколько вошло.

...Тамара принялась варить кашу. «Дело привычное, - весело сказала она. – Я же из деревни. На полевом стане кашеварила».

Парни помогали ей, как могли. Натаскали в большой бак воды из колодца, который был прямо на улице, недалеко от клуба. Следили за печью, тёрли тряпками доски стола, резали ароматные хлебные буханки, перемывали железные миски, ложки и кружки, раскрыли несколько банок говяжьей тушёнки.

Из клуба то и дело выбегали девчонки, хохотали, радуясь жизни, болтали о своём. По команде Наташи-большой все выложили на стол остатки домашней еды: здесь оказались помидоры, остатки курятины, варёные яйца, куски колбасы и сыра, булочки.

- Жрать хочется, - глядя на всё это, не выдержал Евгений.

Парни согласно вздохнули.

- Через десять минут будет готово, - обнадежила их Тамара. – Зовите всех руки мыть и – за стол, – во дворе нестерпимо вкусно пахло гречневой кашей.

Всем мест за столом не хватало. Михаил Ефимович предложил завтракать в две смены. Но все дружно начали возражать: слишком уж у студентов разыгрался аппетит. Так что кто-то ел кашу, сидя, а парни и часть девчонок с удовольствием употребляли её стоя. И еда от этого казалась вкусней.

Егор доел вторую порцию, хлопотал себя по плоскому животу:

- Не могу больше! Спасибо, Тамара! – с кружкой горячего чая он отошёл в сторонку.

- А я не откажусь от добавки, - Евгений протянул хлопчущей у плиты, покрасневшей от печного жара, поварихе пустую миску. Та поварёшкой зачерпнула каши из бачка и вернула ему полную посудину.

- И мне, - подошёл Александр.

Насытившийся Олег сидел прямо на траве возле печи, курил сигарету, поглаживал наметившиеся усы и, прикрыв глаза, бормотал что-то типа: «Та-та, та-та. Ти-ти-та-та». Егор с удивлением наблюдал за необычным поведением товарища. Олег, словно почувствовав его взгляд, встряхнулся, вскочил на ноги, вынул сигарету изо рта и громко продекламировал:

- Как у нашей у Тамары

По серёжке в каждом ухе.

А всего серёжек пара,

Как и крылышек у мухи...

Девушки, которые сидели поближе, заплодировали. А кто подальше, удивлённо переспрашивал о причине рукоплесканий у тех, кто слышал этот творческий «всплеск». Тамарины щёки заалели ещё сильнее. И от избытка чувств она объявила:

- На обед сварю борщ, и кашу доедать будете!

- А на ужин? – спросили за столом.

- Погодите, с ужином есть предложение, - Александр взял спрятанного в траве гуся и поднял над головой.

Разговоры сразу смолкли. «Вот это дичь!» - ахнул кто-то...

После обеда студенты разбрелись по деревне, по берегу, дышали запахом трав в ближней роще. Среди берёз рабфаковки курили сигареты «Родопи» и «Стюардесса».

А Александр, Егор и Евгений, а также обе Наташи и Галина разыскали магазин с вывеской «Сельпо» и за пять минут убедили выдавшую виды светлоглазую, курносую продавщицу Клавдию, как она представилась Александру, продать им спиртное. Продавщица «растаяла» после пятого комплимента, которые Саша выдавал ей как из пулемёта. В магазине кроме них никого не было.

«Управляющий запретил торговать вином, чтобы не отрывать мужиков от уборочной», - сообщила она, восхищённо вглядываясь в мужественное лицо Александра.

Но вино в магазине имелось. Клавдия шмыгнула в подсобку и вынесла плотно запечатанную жестяной крышкой трёхлитровую банку с этикеткой на боку. Она протерла этикетку полой серого халата и повернула к покупателям. «Яблочное», - вслух прочитал Егор. – Крепкое плодово-ягодное».

- Берём три банки, - прикинул в уме Александр.

Деньги они собрали с группы заранее. Клавдия дала им авоську из чёрной крепкой материи, и, по-прежнему не сводя глаз с Александра, томно сказала: «Заходите ещё...». «Обязательно, Клава», - серьёзно пообещал тот продавщице.

...Ясный солнечный день сменился на тёплый сентябрьский вечер. В клубе готовились к ужину.

Тамара, которой помогал Олег, тщательно ощипала, опалила и выпотрошила гуся, сняла с него кожу и убрала желтоватый жир. Веса в птице оказалось килограммов пять. Повариха решила изрубить её на кусочки и приготовить тушёный картофель с мясом. Сначала она обжарила эти куски прямо на дне бака, потом долила туда воды и примерно час варила их. За печью следил Олег.

В это время добровольцы из числа девчонок чистили и резали картофель, морковь, свеклу. Обсуждали, как можно вкусно приготовить гуся: с яблоками, с рисом и черносливом, с гречневой кашей, с квашеной капустой, с ананасом. Рецепты сыпались со всех сторон.

- Так, - решительно остановила Тамара этот кулинарный поток. – Всё! Гуляйте пока. Дальше я сама, - и она посмотрела на Олега. – А за печью надо следить...

Ужинали до глубокой темноты, вино заедали тушёной картошкой с гусятиной. Разливали Александр с Евгением. Михаил Ефимович начал было возмущаться, но быстро пошёл навстречу коллективу, а когда в его кружку плеснули пахучего напитка цвета янтаря, даже выдал тост: «За успешную уборку урожая!».

Рабфаковки, заметил Егор, с интересом разглядывающий соседок, активнее прикладывались к своим кружкам, чем студентки из их группы.

Тамара не скрывала удовольствия, наблюдая, как подруги уплетали её стряпню. «Мне бы жаровню, яблочк...» - пьяненьким голосом начинала оправдываться она.

- Молчи, стряпуха ты наша! И так вкусно! – тут же успокоили её.

После того, как солнечный диск исчез за деревенскими огородами, птицы на речном берегу сразу затихли. Но следом, будто лампочка, засветился яркий серп нарождающейся луны. Над задней дверью клуба зажгли свет, который выхватил из сумерек только одну сторону стола. С другой стороны застолье подсвечивали угольки из открытой печной топки.

Девушки с рабфака курили, уже не скрываясь. К ним осторожно присоединялись девчонки из другой части начавшего складываться общего женского коллектива.

Атмосфера была самая дружелюбная. Когда приступили к чаю, Александр милостиво разрешил девушкам называть себя просто Сашей.

- А Саней можно? – спросила Галина.

- Можно, но не желательно, - усмехнулся Александр.

- Тогда меня можете Женей называть! – радостно призвал Евгений.

- А ты, чего молчишь, Сынок? – подковырнула Егора Наташа-большая.

Девчонки захихикали, а Егор обиженно отвернулся от компании...

Скоро начали укладываться на ночь.

Постели были, конечно, примитивные. Но выбирать не приходилось. Матрасы разложили на сцене в два ряда. Вместо подушек кое-кто положил свёрнутые куртки.

Девушки ещё днем определились с местами ночлега. Мужской половине постелили в углу сцены, отделив их постели от девичьей части свёрнутым в трубку матрасом. Парни стали препираться – кто будет спать с «девичьего края». Все так отчаянно протестовали, что Егор не выдержал: «Ладно, давайте, я...». С другой стороны свернутого матраса расположилась худенькая белокурая Света из Егоровой группы. По этому поводу сразу же понеслись остроты и смешки.

- Смотри, Сынок!

- Светик, если что, не молчи!

Но Егор сжал зубы и решил не реагировать...

Вскоре в клубе раздавалось только мерное сопение и нервное всхрапывание новосёлов.

Егор долго не мог заснуть – сказывался полный впечатлений день. И он вертелся с боку на бок на жестком неудобном ложе. Однако усталость взяла своё, и он окунулся в какой-то странный сон, где ярким солнечным днем он едет с отцом на мотоцикле по лесной дороге. Отец сидит за рулём, он – на заднем сиденье, ещё кто-то примостился в люльке. Но кто это, Егор не может понять, отвлекает лесная дорога, полная ям и ухабов. Егор подсказывает отцу, как лучше их объехать.

Потом начинает внимательно присматриваться к пассажиру. Только он так и успел его узнать, потому что внезапно проснулся.

И сразу же вспомнил, где находится.

За окном громко трещали мотоциклетные моторы, а их «спальня» была ярко освещена фарами. Потом к окну подошёл Михаил Ефимович в своём ночном наряде. Моторы сразу стихли, и преподаватель дрожащим голосом начал уговаривать непрошенных гостей. А после того, как деревенские захохотали и потребовали девчонок, иначе обещали разнести окно, Егор краем уха услышал, как испуганно пискнула его соседка и почти неслышно запричитала: «Ой-ё-ёй...»

Он вздохнул: была – не была, шагнул в освещённое пространство и не столько словами, сколько своим внешним спокойствием убедил местных парней, что девушек в клубе нет.

Когда шум моторов затих вдалеке, кто-то громко хлопнул в ладоши, и сразу же десятки рук как по команде зааплодировали. Оказывается, все давно уже проснулись и, затаив от страха дыхание, наблюдали за развитием событий. Спальня галдела на все голоса:

- Ну, Сынок!

- Ну, молодец!

- Смело!

- Главное, как спокойно он их!

- Девочки, он нас спас!

- Да, ладно, - вяло отшучивался Егор. – Я же не один был, а с Михаилом Ефимовичем. Он был первым переговорщиком...

- Не скромничай! – хлопал его по плечу Саша. – Молоток!

Парни вскочили с мест, окружили Егора, жали ему руки.

- Всё! – оборвал радостный ажиотаж Михаил Ефимович. На этот раз его в его голосе прозвучала твёрдая металлическая нота. – Всем спать! Забыли, завтра вставать рано?

Залезая на четвереньках в свою постель, Егор повернулся к соседке:

- Спокойной ночи...

- Ага... - слышался тихий ответ.

Но всё же долго не могли заснуть – шушукались, хихикали. Наконец, ночной морфей снова взял студентов в свои объятия.

...Разбудил Егора ярко-малиновый свет солнечного диска, который медленно выдвигался из-за горизонта со стороны реки. Сочный солнечный зайчик через окно заглянул в их скромную обитель, осветил угол, в котором спали парни. Егор посмотрел на свои наручные часы – седьмой час, он поднял голову и осмотрелся. Саша с Женей ещё спали, постели Михаила Ефимовича и Олега были пусты, и девочки тихо сновали туда-сюда.

Егор спустился со сцены в зал.

- Доброе утро, спаситель! – громко поздоровалась с ним Наташа-маленькая, остальные девушки приветливо улыбались.

Егор вышел во двор. Тут было по-утреннему зябко, от здания клуба через весь двор тянулась длинная тень, на траве блестели капли влаги. А со стороны реки неслась такая сложная и звонкая птичья музыка, что, казалось, туда слетелись птахи со всех окрестностей.

У печи колготился Олег, помогая Тамаре готовить завтрак. Из двери с буквой «м» вышел Михаил Ефимович, кивнул Егору и, поёживаясь от холода, сказал: «Надо всех поднимать, скоро приедет машина», - и шмыгнул в клуб.

Егор тоже пошёл по нужде, обратив внимание на небольшую очередь к букве «ж».

- Как выйду, - сказал он очереди, – можете занимать мужскую половину.

- Ну тебя! - засмущались девушки.

Студенты едва успели проглотить кашу с горячим чаем, как с улицы раздался автомобильный сигнал. По деревенской улице опять «тёк» к реке белый гусиный ручей. На этот раз Витёк вёл грузовик медленно, осторожно разгоняя недовольно гогочущее стадо.

До поля с турнепсом было километра четыре. С одной стороны его окаймляли белоствольные берёзы, и их осенним золотом была усыпана дорога, по которой шёл грузовик. Другим концом поле упиралось в высоковольтную линию электропередачи, её железные мачты-великаны тянулись вычурной стройной цепью до самого горизонта.

На краю поля студентов поджидал худой высокий мужчина в длинном до пят дождевике, кирзачах и фуражке с широким козырьком, скрывающим половину лица с вислыми седыми усами. Казалось, пригревшее уже солнце его не достаёт. Когда все, беспрестанно переговариваясь, выгрузились, и грузовик укатил в деревню, он неожиданно зычным голосом приказал:

- Прошу подойти ко мне для получения наряда!

Первым к нему порысил Михаил Ефимович, следом подтянулись студентки, парни, по обыкновению, держались в стороне.

- Я бригадир полеводов, - представился высокий. – Сегодня будете убирать турнепс...

- А завтра? – саркастически перебил его кто-то.

- И завтра тоже будете его убирать, - он тяжело вздохнул и посмотрел вверх голов на поле. - Будете работать здесь до тех пор, пока всё не повыдержаете. Предлагаю разбиться на «пятёрки», растянуться вдоль поля. Работать надо качественно, корнеплоды не пропускать, рвать всё подряд. Вот так, - он наклонился и без особых усилий вытянул из земли у себя из-под ног крупный – сантиметров на сорок – бело-розовый плод, похожий на большую редиску или на продолговатую репу с крепким кустом ботвы. – Ботву удаляем, - бригадир с хрустом обломил зелёный вершок. – Овощи складываем в бурты, то бишь, в кучи. Каждое звено – клади в свою кучу. В полдень придёт трактор с телегой. В неё загрузите урожай. Вопросы?

- А как мы, товарищ бригадир, нашими женскими ручками эту работу делать будем? - выступила вперёд рабфаковка Галина.

- Правильный вопрос, - из-под кепки не было видно бригадирских глаз. – Я вам верхонки припас. – Он отвернул полу дождевика и вывалил на землю охапку рукавиц...

В «пятёрке» Егора или, как он назвал, «сентябрьской звёздочке», работали две студентки из его группы, а две другие – с рабфака. Из одноклассниц к нему попали соседка по ночлегу Светлана и стройная брюнетка Татьяна в стильной ярко-красной куртке и в красных резиновых сапожках. Она ласково взяла парня за локоть: «Поработаем!». А Наташа-большая и Наташа-маленькая сами к нему напросились: «Пусть Сынок нами командует. Заслужил...» Они споро принялись за дело.

В «пятёрке» слева был Евгений, справа – Александр, которого девчонки уже наперебой звали «нашим Саней». Дальше борьбу за урожай вели звенья Олега, Михаила Ефимовича, а в звене Галины на два человека было больше, чем у всех.

Сначала все рвали турнепс и складывали в одну кучу у дороги. Но когда продвинулись вглубь поля, решили, что у каждой «звёздочки» будет своя куча. И начали соревноваться.

Егор приглядывал за соседями, потирали своих, чтобы резвее бились с овощем. Скоро сняли с себя не только куртки, но и свитера с кофтами, а кое-кто из девчонок и футболки скинул, оставшись в купальниках. Благо, солнце грело полетнему. Тёплый ветерок взметал пыль вдоль дороги.

В купальниках работали и обе Наташи. Егор старался не смотреть в их сторону, а сам, стесняясь, футболку не снял.

После полудня со стороны деревни послышался звук мотора, и вскоре на краю поля остановился заляпанный засохшей грязью трактор «Беларус» с телегой. В кабине красовался всё тот же Витёк. А за высокими бортами телеги с улыбкой от уха до уха сидела Тамара.

- Обедать будем? – перекрикивая звук мотора, звонко крикнула она.

- Будем! – заорали голодные студенты.

- Тогда помогайте... Олег! – поманила Тамара своего добровольного помощника.

Из телеги на землю спустили термосы с борщом, кашей и какао, мешки с посудой и хлебом. Тамара прихватила с собой одеяла, начала расстилать их на траве.

- Погодите-ка, - вмешался Витёк. – Сначала урожай загрузим, а потом обедайте. А то, я знаю, поедите, расслабитесь, и мне до вечера погрузки не дожидаться. Как, старшой, принимается? – повернулся он к Михаилу Ефимовичу.

Тот кивнул, соглашаясь. Голодный народ обступил ближайшую кучу турнепса, и начал швырять увесистые корни в телегу. И тут Егор краем глаза отметил, что Витёк ухватил за руку Наташу-маленькую и потянул в сторону. Улыбаясь, она шагала за ним. Шофёр положил ей руку на голое плечо и начал что-то шептать на ухо. Лицо девушки залила краска, она резко отпрянула от парня, и отвесила ему пощёчину. С гордо поднятой головой вернулась Наташа к работе.

Похоже, на этот инцидент никто, кроме Егора, не обратил внимания. Раздосадованный Витёк, потирая щеку, поплёлся к трактору, мотор взревел, и железный «конь» резво рванул к новой куче корнеплодов...

Потом, когда все, сидя на одеялах, съели первое, второе и, неторопливо переговариваясь, попили кофе, Егор подсел к Наташе-маленькой. «Смело ты ему врезала! - негромко похвалил он девушку. - Что он тебе сказал?»

- А как ты думаешь? – взъерепенилась та, снова зардевшись. – Кобель деревенский!

- Ты чего? – повернулась к ней Наташа-большая.

- Да, ладно, потом, - отмахнулась та от подруги.

Вечером Витёк приехал в поле на грузовике. Студенты закрыли ботвой собранные после обеда кучи турнепса и полезли в кузов. Егор наблюдал за водителем, а тот вёл себя, как ни в чём не бывало, с интересом поглядывая из кабины на девчонок.

...На скамейке возле клуба сидели трое местных парней в спортивных олимпийках «Адидас», выдавших виды кроссовках и лузгали семечки. Рядом стояли два мотоцикла «Минск», который в народе именовали «козлом».

Парни, как на подбор, были русоволосыми, светлоглазыми. Что скрывалось в их давно не стриженных головах, не угадать.

- Эй! – крикнул тот, что казался постарше. – Городские, ну-ка, подойди!

Испуганных студенток, будто пылесосом, быстро всосало внутрь клуба. Михаил Ефимович оторопело смотрел на застывших у входной двери студентов.

- Что будем делать? – тихо, будто сам у себя, спросил Женя.

- Подойдём, - закипятился Олег. - Если что, драться будем! Нас пятеро!

- Четверо, - уточнил Александр. – Ефимыча втягивать нельзя... Значит, так. Вы стойте здесь, а я пойду и поговорю.

- Я – с тобой, - предложил Егор. – Думаю, они не драться пришли. Отношения хотят выяснить.

И они вдвоём пошли к деревенским.

Александр первым протянул руку тому, кто их окликнул, представился:

- Александр, можно просто Саша. А это Егор, - кивнул он на товарища.

- А меня Яковом зовут, - заулыбался деревенский. – Можно просто Яшей. Мои парни – Иван и Васёк! – отрекомендовал он своих.

Настроение у всех стало бладушным. Местные предложили студентам семечек, и Александр с Егором с удовольствием принялись их лузгать. Молчание нарушил подоспевший Олег:

- Какие претензии, парни? – он демонстративно поднял руки к лицу и с силой сжимал и разжимал кулаки.

Деревенские слегка отпрянули, а Саша приобнял Олега за плечи:

- Спокойно, Олег, семечек хочешь? Парни угощают, - те с готовностью поделились угощением.

Тут и Евгений пришёл:

- Здорово! Меня Женей зовут.

Вот так они и перезнакомились, и разговор потёк уже сам собой: про урожай и про погоду. Наконец, Яков обратил внимание на одинокую фигуру Михаила Ефимовича, который стоял в отдалении, ковырял землю носком ботинка и поглядывал в их сторону.

- А этот чего не подходит? – показал пальцем на него Яков. - Мы его узнали. Он ночью переговоры вёл...

- Его трогать не надо, у него выбора не было, - сказал Егор.- Это наш преподаватель.

- Тебя я тоже узнал, - Яков с усмешкой смотрел на Егора. – Ловко ты нас надул, смело. Уважаю! Мы же школу проверили – там никого. Митяй предлагал вернуться, разобраться с тобой. Да наши отказались. Мы думали, одни девчонки приехали. А тут вы...

Немного посмеялись, вспоминая ночные события. Потом Александр спросил:

- Чем вы тут вечерами занимаетесь? Или помираете со скуки?

- Ты что! - наперебой загалдели местные. – На мотоциклах гоняем, музыку слушаем, на гитаре играем, бывает, как вчера, домашней «бормотушкой» балуемся, в волейбол играем.

Саша встрепенулся, услышав про волейбол:

- Может, сыграем? Например, завтра вечером?

- Не вопрос! – сразу согласился Яков. – Только мы вас легко «сделаем», без обид...

- Какие обиды? – перебил Александр. – Только не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

- Как это? – не понял Иван.

- Молчи, деревня! – Яков хлопнул товарища по спине. – Поедем уже, - сказал он, резво вскакивая на ноги.

- Погоди, - остановил его Егор. – У вас в деревне общественная баня есть?

- Зачем? - не понял тот. – У нас в каждом дворе баня, по субботам.

- Ну, вот где с поля сейчас помыться? – Егор наклонил голову, пятерней начал тереть волосы, с которых посыпалась набившаяся за день пыль.

- А-а, - понятно протянул Яков. – Помыться? Вон река, вода ещё не сильно холодная. Мойся, сколько хочешь.

...Егор сунул кусок мыла в плавки и опасливо вошёл в реку. Следом осторожно нащупывали дно Александр с Евгением. Скотившееся с небесной макушки солнце коснулось верхушек далёких деревьев, и его косые лучи наполняли речную долину сиянием. От этого вода отсвечивала расплавленным золотом. «Вот почему Золотой Китат!» - жмурился Егор.

Он набрал в лёгкие побольше воздуха и нырнул. Парни последовали его примеру. Минут пятнадцать они плавали, громко отфыркиваясь и хохоча. Течение здесь было небыстрым и не мешало им плескаться. В прозрачной воде хорошо виделся каждый донный камешек.

Метрах в ста выше по течению, скрытые береговыми кустами, так же шумно резвились в воде девчонки.

Потом замёрзшие парни убежали в клуб, и Егор остался на речке один. Он тщательно намылил голову и тело и окунулся в воду. Прополоскал футболку и отжал её на берегу. Надел на мокрое тело брюки и свитер и помчался к себе.

...Через пять дней с турнепсом было покончено. Все это время стояла великолепная погода. Правда, ночи становились всё холодней, днём же раздевались и загорали прямо на работе. Прибавлялось золота на деревьях, но в эти по-летнему яркие дни желтая краска не вызывая грусти.

Вечерами играли с местными в волейбол на площадке возле школы.

Они очень волновались, когда вышли играть в первый раз: деревенские тренируются вместе не один год, а студенты сообща никогда не играли. И хоть эту игру Егор хорошо знал по школьным соревнованиям и даже очень прилично распасовывал, тут ситуация была иная – у соперников численное мужское преимущество, да в родных «стенах».

Капитаном у студентов безоговорочно стал Александр. Он ещё во время работы на поле начал подбирать игроков. Все парни, само собой, автоматически вошли в первый состав, кроме Михаила Ефимовича. «Нет, - сразу ответил он на предложение. – Не играл и не буду позориться. А вам запретить не могу. Сыграйте... Они вас, конечно, обыграют...»

- Ну, это посмотрим! – возмутился капитан зарождающейся команды. – Вы ещё поболтайте за них!

Он отбросил в сторону огромный овощ и пошёл по «пятёркам» выяснять, кто из девчонок умеет играть в волейбол. Через полчаса пять-шесть девушек согласились сразиться с деревенскими. Александр взял их на заметку, однако пока к четырём мужским единицам решил добавить только Галину и Наташу-большую.

В тот вечер вернувшийся с поля грузовик со студентами возле клуба поджидал посыльный. «Цыкнув» сквозь зубы слюной в дорожную пыль, стриженный под ноль паренёк лет тринадцати подошёл именно к Александру, безошибочно угадав в нём старшего по команде. С важным видом протянул ему руку и важно так произнёс:

- Меня к вам Митяй послал, предлагает сыграть. Наши ждут возле школы.

- Беги, передай: через полчаса будем, - Саша развернул паренька в сторону улицы и легонько подтолкнул.

Вечернее купание и ужин решили отложить. Новоиспечённые участники команды быстро ополоснулись под умывальниками, девчонки переоделись в чистые футболки, и студенческая сборная торопливой рысью понеслась по деревне.

У домов на скамейках сидели хозяева и хозяйки в неизменных цветастых платках и громко обсуждали новости с соседями. При студентах замолкали, вежливо здоровались, с интересом приглядываясь к приезжим.

Команда местных стояла кружком на одной половине поляны, разделённой волейбольной сеткой, и лениво перебрасывала друг другу мяч. К школе подтягивалась публика. В основном, ребятня, но были и взрослые. Егор увидел среди зрителей того самого бригадира в неизменном дождевике и фуражке. «Откуда они узнали про игру?», - удивился он.

В деревенской команде главным был Митяй, высокий, широкоплечий, лохматый, лет двадцати. Остальные – Яков, Иван, Васёк и ещё двое парней – рядом с ним выглядели мелковато.

Александр оставил своих на другой половине площадки, сам пошёл к соперникам. Они по очереди пожали ему руку, коротко поговорили и передали мяч. Вернувшись, капитан объяснил стратегию матча:

- Если проиграем, не страшно, не корову проигрываем, - он усмехнулся, вглядываясь в их серьёзные лица. – Да расслабьтесь вы, наконец! Вот ты, Наталья, ведь умеешь играть?

- Да, - озорно тряхнула та короткой стрижкой. - Три года ходила в секцию.

- Ну вот! – тронул её Саша. - Главное, у нас есть команда. Нам дали пять минут на разминку, встали в круг.

Они быстро перепасовывали мяч, чтобы отвыкшие руки почувствовали его упругую поверхность. Глядя на них, зрители начали кричать и свистеть.

- Всё, - остановил тренировку капитан. – Будем начинать.

Возле одного из столбов, к которым было привязана сетка, стояла перевёрнутая вверх дном бочка, на неё влез судья матча – худющий чернявый пацан. Он звучным голосом объявлял результат и приплясывал от радости...

Первую партию студенты проиграли вчистую. У Егора не шла подача, от Олеговых рук мяч и дело улетал в аут, Евгений опаздывал к сетке, когда соперники подавали на Митяя и тот, подпрыгнув, вколачивал мяч в зону противника. Александр с Наташей не успевали исправлять ошибки своих игроков. Только на них и держалась игра.

Да ещё солнце било им в лицо. А публика улюлюкала на городских и радостно приветствовала каждое очко Митяя.

На вторую партию они поменялись с соперниками площадками. Косые лучи заходящего светила теперь били в спину, непомерно удлиняя их тени.

Пока занимали свои места, Александр настраивал игроков:

- Перестаньте бояться мяча, он не убьёт! И ругать нас не будут! – кричал он. - Среди них нет профессионалов. А мы – команда! - они собрались в кружок. – Соперники играют примитивно, только через Митяя. Женя, надо всё время ставить ему блок. С твоим ростом ты сможешь! Олег, руки держи твёрже, отбивай мяч перед собой. Егор, на подаче подбрасывай выше. Галина, вспомни, ты ведь играла...

Вторую партию они тоже проиграли, но уже достойнее. Как говорится, руки «вспомнили», увереннее стали подачи, а мяч всё дольше «парил» на их половине, не падая. Евгений почти через раз удачно отбивал удары Митяя. Каждый игрок у студентов заиграл надёжнее: под сеткой, в центре, на месте подающего. Да и поддержка помогала: все студентки собрались у школы и орали как сумасшедшие.

- Всё, - заявил Александр при очередной смене площадок. - Третья партия наша! Мы теперь знаем слабые места противника.

И они «взяли» партию, сыграли её азартно, добродушно подшучивая друг над другом при ошибках. Также выиграли четвёртую и пятую партии. И весь матч! Такого волейбола здесь давно не видели.

С того дня играли каждый вечер. Итог очередного матча всегда был за студентами. Деревенские их зауважали...

ЧП случилось, когда, после победы над турнепсом, их группу разделили. Девчонок управляющий направил на уборку картофеля, а парней – на зерновой ток. Утром они все вместе выехали на грузовике. Витёк лихо тормознул у зернотока, который был в полутора километрах от деревни, высадил ребят и, поддав газу, по пыльному просёлку увёз девчонок на картошку.

Парни обошли вокруг плохо заасфальтированной площадки тока, треть которой была накрыта шиферным навесом. На ней рядами высились кучи зерна нового урожая. Несколько хмурых с виду работников подтянули к одной из куч колёсный погрузчик с конвейерной лентой. «Воткнули» конвейер в зерновой бархан, метрах

в десяти от него разложили брезент, с десятков рулонов которого валялись на земле.

Тр-та-та-та – натужно затарахтел движок погрузчика, конвейер дернулся и по нему быстро побежал зерновой ручеек, веером выплескиваясь на подготовленное новое место. Рабочие деревянными лопатами подкладывали осыпавшееся с краев зерно на ленту. В воздухе стояла пыль, сквозняком сдувало в сторону серую мякину. В небе над током кружили стаи голубей, ровными рядами птицы сидели на крыше, лениво поглядывая по сторонам.

- Ну, что? Поняли технологию? – Егор вздрогнул от голоса незаметно подошедшего к ним полноватого мужика среднего роста в фуфайке, неизменных кирзачах и кепке. – Здорово, помощники! Я, Иван Николаич, здесь главный. Берите вон тот погрузчик, - показал он на стоявшую в стороне технику. – И вот этот борт тоже пересыпьте ближе к навесу. Руки куда попало не суйте и под машины не лезьте, - в две секунды провел он инструктаж по технике безопасности.

- А зачем это надо? – Егор понимал, что его вопрос звучит наивно.

Но он всегда любил делать то, в чем хоть как-то разбирался. Ожидал усмешки, иронии над городским жителем, который никогда раньше не бывал на току. Однако Иван Николаевич на полном серьёзе начал рассказывать о влажности и засорённости поступающего с поля зерна, и что, прежде чем засыпать в хранилище, его надо подсушить и освободить от шелухи и сора. Делать это надо скорее, «ловить» хорошую погоду, ведь если пойдёт дождь, сушить урожай придётся с помощью сушилок и «соляры».

Тут на ток заехал выдавший виды самосвал "ЗиС". Вначале он вкатился на весы, потом развернулся, сдал назад, ткнулся в крайнюю кучу и ссыпал в неё золотистые зёрна. Размахивая руками, Иван Николаевич кинулся к водителю...

Работа увлекла парней. Они таскали рулоны брезента, ворочали погрузчик, принаравливая его к своей куче зерна, долго копались, пытаясь завести мотор, «лопали» зерно, подсыпая его на ленту.

Работа была несложная, но парням она казалась веселей, чем в поле. Да и ясный солнечный день повышал настроение. Гул работающей техники разносился далеко вокруг. Громко хлопали крыльями то и дело взлетающие в небо стаи птиц. Все это больше напоминало какой-то необычный праздник, чем трудовые будни.

Обедали вместе с рабочими: ели борщ, разваренную лапшу с мясом, запивая её крепким, сладким чаем. После обеда Иван Николаевич разрешил полчаса передохнуть, и они лежали на тёплой куче зерна, соприкасаясь запylёнными головами. Лениво перебрасывались словами, в смысл которых сонный мозг Егора даже не хотел вникать.

- А-а-а! Лежите-полёживайте! – они подскочили от вопля Тамары. Дрёму как рукой сняло. - А там наших девчонок чуть не убили!

- Ты откуда взялась?! – испуганно спросил Александр. Ребята таращились на растрёпанную, зарёванную повариху.

Вместо ответа та упала Олегу на грудь и принялась рыдать взахлёб. На крики к ним торопливо начали подтягиваться рабочие, кто-то протянул ей фляжку с водой. Тамара несколько раз хлебнула из горлышка, захлебнулась, закашлялась. И лишь после этого стала понемногу успокаиваться. Через несколько минут, всхлипывая, начала рассказывать:

- Он за нами на тракторе по полю гонялся! Кричал: всех передавлю!
- Да кто – он? – не понимал Егор.
- Кто-кто, Витёк... Пьяный! – у Тамары на глаза опять навернулись слёзы.
- Не плачь, Тома, - ласково гладил её по голове Олег. – Расскажи, как было.

Вздыхая и запинаясь, девушка начала:

- Утром он девчонок на поле привёз, они говорят, всё было нормально. Там картофелекопалка уже ряды подкопала. Я обед в клубе готовлю...

В это утро на поле Михаил Ефимович привычно разделил девчонок на звенья – по пять человек на один длинный картофельный ряд. Разобрали вёдра и принялись соревноваться, у кого куча будет больше. Разогрелись быстро, да и солнышко припекало. Сначала куртки снимали, потом – и кофты, и свитера, кое-кто – футболки.

Михаил Ефимович ходил по полю и носком ботинка ковырял землю. И если попадался пропущенный клубень, тут же возвращал звено на переделку: «Ничего не оставлять за собой!»

Девчонки над ним подшучивали, делали вид, что сердятся на придирки, начали придумывать картофельные кричалки: «Если есть картошка в доме, будешь сытым целый год!», «Картошку копать, не руками махать!», «Любовь – не картошка, не выбросишь в окошко!»

То одна, то другая приставляли ладонь к глазам, высматривали на горизонте флажок, которым была отмечена дневная норма. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. Дело неумолимо шло к обеду.

- Витёк подъехал за мной к клубу на тракторе, вроде, как обычно, - Тамара уже не всхлипывала. – Только, вижу, из кабины не вылез. Он всегда выходил, помогал грузить в телегу термосы с едой. А тут сидит, как истукан, даже головы не повернул. Хорошо, на улице пацаны играли. Я их попросила помочь... - она перевела дыхание. – Когда тронулись в сторону поля, я сразу почуяла неладное: трактор виляет, телегу дёргает... Я только успеваю термоса ловить. Думаю, что это с ним, уж не пьяный ли? Кое-как до поля дотерпела. Начали мы с девчонками выгружаться, а Витёк из кабины на землю выпал. Ну, точно, пьяный! А он поднялся и полез к девчонкам целоваться...

Те сначала с хохотом отмахивались от него. А хмельной тракторист не унимался, принялся орать: «Кто со мной в кусты пойдёт, тому будет счастье!» Распахнул объятия и, спотыкаясь и падая, начал гоняться за студентками. Те уворачивались от извивавшегося в земле парня в грязной фуфайке, крутили пальцем у виска: «Сдурел, что ли?! Иди, проспись!» Попытался увещевать его и Михаил Ефимович:

- Виктор, возьмите себя в руки... - но получил в ответ короткую зуботычину и ретировался.

Витёк всё больше распалялся:

- Ну, с...и, всё равно одну поймаю!.. - но поймать всё никак не удавалось. Тогда он взревел раненым вепрем и, шатаясь, побрёл к трактору, начал отцеплять его от телеги.

Девушки восприняли это как капитуляцию и, сбившись в кучку, принялись помогать Тамаре собирать обед. Никто не обратил внимания, что мотор

«Беларуса» затарахтел, железный конь дрогнул и покатился в сторону их полевого стана.

Хватились, когда до трактора оставалось метров двадцать, заорали:

- Стой! Ты что, дурак?! Совсем сдурел! – и с визгом сиганули врассыпную, некоторые просто чудом не попали под колёса. «Всех передавлю!», - кричал тракторист. Трактор на всём ходу пронёсся по расстеленным одеялам, наматывая их на большие задние колёса, разбрасывая по земле чашки, ложки, кружки. Расплескалась из опрокинутых термосов еда.

- Михаил Ефимович, что же это?! Сделайте что-нибудь! Он может задавить нас! – Галина схватила преподавателя за грудки.

Но тот таращился на неё и всё повторял: «Что он делает? Что делает! Нельзя так! Нельзя...»

А трактор, разнесший в пух и прах обеденный «стол» студенток, притормозил в отдалении и по широкой дуге начал заворачивать в сторону перепуганных девчонок. На тех будто столбняк напал, они замерли и молча следили за этими маневрами широко распахнутыми от страха глазами.

Развернувшись, Витёк остановился, примерился и снова нажал на газ. Девушки начали озираться в поисках укрытия, но в поле спрятаться негде, а до ближайших берёз не меньше полукилометра.

Трактор быстро приближался, от его жуткого тарахтения и огромных колёс, казалось, не скрыться. Витёк рулил неровно, железный конь вилял из стороны в сторону, будто не мог выбрать, на кого нацелится. Скорее всего, так и было. И только когда подъехал вплотную к остолебеневшим девушкам, выцелил группу из четырёх человек. Трое из них с диким ором бросились в стороны. И только Татьяна, та самая любительница красного цвета, понеслась вдоль борозды – прямо по курсу движения трактора. Её красный купальник и красные резиновые сапожки, наверное, действовали на пьяного, как красная тряпка на быка. Она бежала так быстро, что, чудилось, будто летела над полем. Остальные следили за этим поединком, безмолвствуя: кто, раскрыв от ужаса рот, кто, прикрыв губы ладошкой.

Силы были явно не равны, трактор нагонял беглянку и, когда показалось, что его радиатор вот-вот достанет девушку, она споткнулась и упала. Агрегат пронёсся над ней, и помчался дальше. Все, кто видел это, издали вопль. Девчонки со всех ног кинулись к тому месту, где упала Татьяна.

Она лежала в борозде, вытянув руки вдоль тела, уткнувшись лицом в землю, и рыдала в голос. Из небольшой ссадины на правом плече сочилась струйка крови. Девчонки подняли её, поставили на ноги, ощупали – цела. Это было чудом: взбесившийся трактор проехал над ней. «Фашист! – рыдала Татьяна. – Я его убью!..» Кто-то приложил платок к её плечу. «Ой, ой! Больно...», - заохала та.

А трактор снова развернулся и стремительно приближался. На этот раз девчонки, не ожидая, с визгом начали разбегаться. Мозг пьяного Витьки, видно, не смог выбрать следующую жертву. Передние колёса «Беларуса» завильали, его начало мотать из стороны в сторону, трактор опасно накренился и с маху завалился на бок, беспомощно вращая задними колёсами. Мотор заглох, а из кабины показался чумазый Витёк, ступил нетвёрдыми ногами на землю, упал, поднялся. В руках у него была початая бутылка с мутной жидкостью, к которой он и приложился.

- Бей его, девчата! – заорала Наташа-маленькая. Она подхватила с земли крупный белый картофельный клубень, подбежала к парню и со всего маху врезала ему по лицу...

Почти два десятка рассвирепевших девчонок долго «волтузили» пьяного тракториста, катали по земле, пинали, царапали, таскали за волосы. Вначале он сопротивлялся, мычал что-то нечленораздельное, потом, скрутившись калачом и закрыв руками разбитое лицо, затих.

- Какая тут работа?! – всхлипнула Тамара. – Решили пешком идти в деревню, найти управляющего, всё рассказать. Это настоящая уголовщина, покушение... За это судить надо! А меня к вам послали. Егор! - она посмотрела опухшими от слёз глазами на однокурсника. - Некому нас защитить! Бросайте работу, пойдём в деревню. Девочки боятся: вдруг Витёк опять приедет...

Все студентки были в клубе, валялись на матрасах. Лишь Михаил Ефимович стоял у окна и вглядывался вдаль. Управляющего найти не удалось, контора была на замке. Три малоразборчивых слова карандашом на приклеенной к двери бумажке объясняли его отсутствие: «Уехал в поля».

Студентов обитатели клуба встретили горестными возгласами и всхлипываниями. Татьяна вскочила со своего матраса, кинулась к парням, выставя вперёд перевязанное плечо: «Вот! Чудом не погибла!»

Тамара с Олегом пошли хлопотать у печи. Александр окинул взглядом это унылое лежбище и позвал:

- Галина, Наталья! – он выразительно посмотрел на Наталью-большую. - Выйдем, нужно поговорить.

- Надо Семёнычу докладную писать, чтобы документ был, - сказал он во дворе. - И заявление участковому. Иначе никто разбираться не будет. Написать надо прямо сегодня, по горячим следам. Найдите бумагу, ручку, решите, кто писать будет. Это, во-первых. Во-вторых, все пережили сильный стресс, если его не снять, могут быть последствия. Поэтому, предлагаю сходить в магазин за плодово-ягодным.

За вином отправились Саша с Наташей-большой. А Егор с Евгением решили, пока есть время, искупаться.

- Правильно, Сынок! – наверное, впервые после жуткой истории улыбнулась Галина. – Я сейчас желающих тоже к речке пригоню, пусть взбодрятся. Только, чур, не подглядывать!

- Больно надо, – хмыкнули парни...

Лучи солнца тысячами ярких вспышек отсвечивали в воде. В прибрежных кустах галдели невидимые птицы. А неподалеку плескались девчонки, повизгивая. Сентябрьская вода бодрила холодком. Парни без лишних слов намылили свои тела, нырнули и быстро выбрались на берег.

Ужинали дольше обычного, вино заедали кашей с мясом. Обедать не было, и проголодавшиеся девчонки просили у Тамары добавки. Та с удовольствием подкладывала им каши. Засиделись до сумерек, толковали только о сегодняшнем происшествии.

Ещё до ужина приходил Семён Семёнович, вначале разговор с ним был бестолковым, каждый торопился высказаться, и все одновременно кричали, не слушая друг друга. Но понемногу успокоились, и тогда слово взял Михаил

Ефимович, к удивлению многих он толково изложил, как развивались события, которые чудом не привели к трагедии.

Александр настаивал, чтобы писать заявление в милицию. А управляющий умолял не делать этого, пощадить одуревшего от самогона парня: «Я с ним сам разберусь, а тюрьма ещё никому не помогала... Он завтра же перед вами извинится... Больше ничего такого не будет...»

Наши люди внимательны, но отходчивы. Девчонки проорались и, в конце концов, решили дожидаться извинений, а там – будет видно. Только Александр остался недоволен их решением. Но за столом после третьей кружки и он махнул рукой: «Поступайте, как хотите, добрые вы... А если бы...»

Ближе к полуночи большинство народа ушло спать. Оставшиеся негромко пели под гитару Евгения. Они сидели вокруг небольшого костра, отблески пламени колыхались на лицах, а нарождающаяся луна заливала двор клуба голубовато-призрачным светом.

Женя «завёл» хитовую песню «Косил Ясь конюшину». Девчонки оживились, весело подтягивали, пели и Олег с Егором. Егор подумывал допеть этот хит и – на матрас, его давно тянуло прилечь.

Когда уже открывал дверь в клуб, его ухватила за рукав Татьяна:

- Ты куда, Сынок? Спать ещё рано, пойдём, покурим, – она помахала перед его лицом пачкой сигарет.

- Я не курю, - попытался отговориться Егор.

Но девушка не думала отступать:

- Так и не кури. Я покурю, а ты рядом посидишь. А то вдруг Витёк снова явится...

- Ладно, - обречённо махнул он рукой. – Посижу.

Через калитку вышли на улицу, неслышно шагая, направились к освещённым лунной скамейкам. И тут раздалось: «Ой!» - мимо них в тень стены прошмыгнула и исчезла девушка, Егор не успел разобрать, кто это. Вторая вскочила с коленей сидевшего на скамье парня, и голосом Наташи-маленькой ехидно спросила:

- Что, не спится?

- Ага, - кокетливо ответила Татьяна. – Вам, видно, тоже...

Парнями оказались деревенские знакомые Яков и Иван, они как по команде начали смущённо приглаживать волосы, потирать лбы и носы.

- А вы как тут оказались? - задал глупый вопрос стушевавшийся Егор.

- Здравствуй! - Яков протянул ему руку. – Да мы тут каждый вечер с Натой сидим. А что, нельзя?

- Ради Бога, - хихикнула Татьяна. – Сидите... Дело молодое.

- Конечно, - поддержал её Егор. – Но неужели вы пешком стали ходить? Что-то я мотоцикла не слышал.

- Зачем, пешком! Вон наши «колёса» стоят, - махнул Иван рукой через дорогу, где под лунным светом поблескивали металлом два мотоцикла.

- Про Витька-то знаете? – поинтересовалась Татьяна. – Он ведь меня чуть не задавил!

- Да! Гад он последний! – вскочил Иван. – На живых людей трактором! Не сомневайся, парни с ним уже разобрались! Завтра на коленях перед вами стоять будет!

- Сын, - вдруг резко переменяла тему Татьяна. – Ты мотоцикл водить умеешь?

- Конечно, - не задумываясь, ответил Егор. Он, и правда, ещё в старших классах лихо водил отцовский мотоцикл в родном шахтёрском городке.

- Так прокати раненую девушку, - попросила Татьяна.

- Ага, - сразу обрадовался Яков. – Заводи мой, слева. Только краник на карбюраторе открой.

- Милуйтесь, пока мы катаемся, - подмигнула Татьяна.

Мотоцикл завёлся с пол-оборота. Егор оседлал его, убрал подножку, выжал сцепление, включил первую передачу и газанул.

- Чего стоишь? Садись скорее! – крикнул он девушке.

Они понеслись в ночь по мягкой от пыли полевой дороге, желтоватый луч фары выхватывал из темноты то ветки придорожных кустов, то клок соломы на обочине. Иногда мотоцикл плавно проседал на неровностях пути, но Егор не снижал скорости. Стрелка на светящемся у руля кружке спидометра подрагивала возле цифры 100. Прохладный ветер бил в грудь, в лицо и раздувал куртку. От скорости, от этого ветра захватывало дух. В груди Егора kloкотал нескончаемый восторг, он то орал в темноту: «И-хо-о-о!», то громко пел: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». Пощады никто не желает!»

Татьяна сидела сзади, крепко обхватив его руками, прижавшись к Егору и шептала время от времени ему в ухо: «Потише... Осторожнее... Не дрова везёшь...»

Егор уже не представлял, где они едут, лишь интуитивно чувствовал, что знакомые поля остались позади. Он притормозил, бросил через плечо попутчице:

- Возвращаемся?

- Как хочешь, - ответила Татьяна, не разжимая рук. – Я бы всю ночь ехала!

Он осторожно развернулся и снова до упора вывернул ручку «газа»...

Когда они вернули «мотор» Ивану и направились спать, возле входа в клуб Татьяна остановила Егора:

- Ты мне даже спокойной ночи не пожелаешь?

- Спокойной ночи, - буркнул он.

Настроение у него внезапно испортилось, ему опять захотелось поскорее улечься на свой матрас.

- Спасибо и на этом, Сынок, - вздохнула девушка.

...А утром Егор проснулся от шёпота дождя, который проникал в их спальню через приоткрытое с вечера окно. В сумерках стрелки на циферблате часов угадывались с трудом, но он сумел разобрать – шёл шестой час. Студенты ещё спали. После вчерашнего ужина в атмосфере улавливался лёгкий запах плодово-ягодных паров.

Егор осторожно ступил босыми ногами на холодный пол, подошёл к окну. По квадратам стёкол там и сям стекали дождевые капли. Небо на восходе затянуло

серая мгла. Над скрытой кустами рекой клубился сизый туман. Перемена погоды, дохнувшая в это утро осенним унынием, сразу напомнила, что на дворе середина сентября.

С этого дня все ездили только на картошку.

В то хмурое утро их рабочий день начался позже обычного. Дождь перестал моросить. Студенты уже давно стояли на улице в ожидании управляющего с решением об их дальнейшей деревенской жизни.

Семён Семёнович подъехал к клубу на грузовике, за рулём которого сидел Витёк. Увидев водителя, девушки презрительно загудели: «У-у-у...». Управляющий вылез из кабины и крикнул шофёру: «Вылезай, чего сидишь! Говори, что хотел сказать!»

Витёк на негнущихся ногах вышел к народу. Девчонки окружили его, глянули и начали охать: у водителя вместо лица было красно-синее месиво – нос распух, губы разбиты, глаз почти не видно, на раздувшихся щеках и скулах кровоподтёки, даже уши неестественно торчали в разные стороны. На это измочаленное убожество студентки не могли смотреть равнодушно, жалость зашевелилась в девичьих сердцах.

А когда он медленно опустился на мокрую траву на колени и с трудом просипел: «Простите меня... Больше не буду...»

Первой высказалась Галина:

- Девчонки, да что мы звери какие, что ли?! Парень получил своё! Разве что, Татьяна?

- А что я?! – выскочила на круг Татьяна. – Не задавил же! Ему больше досталось...

«Ладно, - подхватили все в разнбой. – Надо простить парня. Видишь, как его наказали...»

На поле управляющий отмерил флажком дневную норму уборки. Картофелекопалка ещё вчера успела подготовить новые ряды. Семён Семёнович наказал, если будет сильный дождь – пережидать в роще, если на клубнях будет много грязи – в обед собранный урожай в телегу не грузить, пусть пообветрится до вечера, зато вечером грузить в любом случае – будут сушить картошку в хранилище.

...Целую неделю они собирали грязную картошку под нудную морось, сыплющуюся с серого неба. Земля пропиталась влагой, на сапоги и ботинки она налипала килограммами, и кое-как ползающие по полю студенты то и дело соскребали её какой-нибудь веткой. Обедали стоя, чтобы не сидеть на мокром.

Порывы холодного ветра яростно обдували кроны деревьев. На берёзах с каждым днём всё меньше оставалось жёлтой листвы. Дни заметно укоротились, и сумерки надвигались так быстро, что, замёрзшие и промокшие в поле, студенты во дворе клуба умывались и приводили себя в порядок уже в полусвете быстро угасающего вечера. Про купание в холодной реке не было и речи.

Настроение упало до нуля, шутки, песни и смех звучали реже. После ужина куртки, штаны и другую одежду развешивали в зале и во всех углах здания, где только можно, на натянутых верёвках, которые дал управляющий. Пораньше залезали под одеяла в свитерах, олимпийках и кофтах, чтобы хоть как-то согреться. Ведь никакого отопления в клубе не было. Одежда за ночь не

просыхала, и утром приходилось с отвращением натягивать на себя влажное облачение, чтобы снова ехать на работу.

Студентки начали болеть. Первой посреди ночи раскашлялась соседка Егора Светлана. Утром она смотрела на всех испуганными, воспалёнными глазами. «Температура высокая, - пощупав её лоб, определила Галина. – Простыла. Какое ей поле?! Пусть дома лежит». Свету напоили таблетками, укутали потеплее...

С этого дня по три, а то и по четыре девочки – к радости Тамары – оставались отлёживаться в клубе, пока остальные бились за совхозный урожай.

- Надо что-то делать, - озабоченно предложил Михаилу Ефимовичу Александр, когда они по раскисшему просёлку ехали на поле. – Иначе все поляжем...

- Что вы предлагаете, Саша? – с интересом посмотрел на него руководитель группы.

- Ну, не знаю, - пожал плечами инициатор. – Думать надо.

- Надо выходной объявить, - вмешался в разговор Евгений. - Передохнуть денёк, просушиться как следует. А то пашем, как папа Карло!

- Я бы народ в бане попарил, помылись бы... - подал предложение любитель мыла Егор.

- Я в бане уже лет сто не был, - откликнулся Олег и выпустил струю дыма сигареты, которую прятал в кулаке от встречного ветра.

- А что? – почесал затылок Михаил Ефимович. – Может, правда, выходной с баней. Вечером с управляющим поговорю. Думаю, пойдёт навстречу...

Вечером Витёк высадил девушек у клуба, а мужскую часть группы довёз до конторы. Семён Семёнович был здесь, сидел за видавшим виды однотоумбовым столом, писал карандашом в замусоленной амбарной книге столбцы цифр, время от времени заглядывая в такую же замусоленную записную книжку. Во рту торчала потухшая «беломорина». Вообще в комнате было так накурено, что поморщился даже Олег, чего уж говорить об остальных. Вокруг стола в беспорядке стояло с десятков табуреток и стульев.

Егор демонстративно открыл входную дверь, и в помещение хлынул свежий воздух.

«Садитесь, я сейчас...» - кивнул управляющий ходакам. Впрочем, с их предложением он сразу согласился. Деваться некуда, рабочих рук в уборочную страду деревне всегда не хватает, поэтому студенты являлись хорошим, а самое главное, недорогим подспорьем для сельской экономики. И если они разболеются от осенней сырости, урожай пропадёт – совхозный бюджет денег не получит.

- В Яе хорошая баня, - он снял с головы кепку, отчего его оттопыренные уши приняли нормальное положение. – Я сам с её директором переговорю, чтобы приняли вас как надо. В общем, завтра с утра и поезжайте, Витёк приедет... Часов в десять устроит?

Когда они пешком возвращались к ночлегу, Александр предложил придать завтрашнему обеду элемент праздника.

- Как это? – не сразу понял Михаил Ефимович.

- Ну, это значит, кашу приготовить с мясом, - пошутил Евгений.

- И запить эту кашу плодово-ягодным напитком, - уточнил Егор.

Олег сдавленно приснул от смеха, едва не подавившись дымом сигареты...

Утром в начале одиннадцатого Витёк осторожно подкатил к клубу, чтобы не обрызгать грязью ожидающих студентов. После случая на поле он стал сдержанным и молчаливым, из кабины не выходил, разве что только, когда надо было помочь Тамаре с термосами. Следы на лице парня поджили, но синеватой желтизной ещё хорошо напоминали о происшествии.

Но в этот раз Витёк удивил девчонок: кузов был накрыт «кубом» из брезентового тента. «Наконец-то! - радостно воскликнула Галина. – Хватит под дождём колесить».

«Ещё бы над полем брезент натянули», - ухмыльнулся Егор...

Баня располагалась в почерневшем деревянном здании, похожем на барак, окна которого покрасили белой краской. Здесь имелось только одно отделение. Поэтому тут чередовали мужские и женские дни помывки.

После того, как Семён Семёнович переговорил с начальством, баню закрыли «на спецобслуживание» студентов.

Парни великодушно решили пропустить вперёд девчонок, мыться после них. В раздевалке девушек ждали оцинкованные шайки, с десятков прошлогодних веников и даже стопка крохотных вафельных полотенец. «Веники берите, у нас баня настоящая, с паром, - сказала им сурового вида пожилая банщица в сером халате, из-под её белой косынки выбивалась седая прядь – За всё совхоз уплотит. Мыло вот только хозяйственное, другова нету».

- А мы со своим приехали, - откликнулась Наталья-большая. – Раздевайтесь, девки, чего встали!

Ребята в ожидании сидели на лавках в банном коридоре. Они слышали, как девичья компания шумно влетела в моечную. Из глубины бани доносился гул голосов, радостное повизгивание. Опыаненные наготой, молодостью и теплом, девчонки брызгались холодной водой, залиvisto хохотали.

Парней одолевала непонятная лёгкая истома. Чтобы отвлечься, Егор принялся осматриваться. На обшитой деревянной рейкой стене висел большой лист с крупным заголовком «Правила поведения в общественной бане». Он подошёл и вчитался: «Посетитель обязан строго соблюдать время пребывания, согласно купленных билетов... Намыливаться аккуратно, не разбрызгивая вокруг себя пену... Окаываясь водой, стараться не попадать на соседей... Находиться в помещениях бани в специально предназначенной для этих целей обуви (сланцах, пляжных тапочках и т. д.)... Проводить бритьё, пользуясь только личными тазами и ковшиками... Запрещено находиться в помещениях бани позже 21-00... Нельзя находиться в бане в нетрезвом состоянии и распивать спиртные напитки...»

- Курить в помещениях бани запрещено, - прочитал он вслух и выразительно посмотрел на Олега, который по обыкновению дымил в углу. Тот закашлялся и смущённо принялся гасить окурочку о подошву ботинка.

Через полчаса первым не выдержал Александр:

- Пожалуй, пройду по улице, - встал он. – Сидим тут, как истуканы. Они ещё час мыться будут.

Его поддержали все, кроме Михаила Ефимовича, который остался присматривать за порядком.

Парни вышли в сырость хмурого дня. Мокрое шоссе улицы Ленинградской, на которой стояла баня, тянулась вдоль многоквартирных и частных домов. Не торопясь, они продефилировали по ней из конца в конец. Автомобилей не было видно, пешеходов – тоже. Зато их внимание привлекла торговая точка с вывеской «Продукты». Зашли в магазин, Егор с Евгением купили себе по стаканчику пломбира, Олег пополнил запасы сигарет. А Александр внимательно изучал винную полку.

- Чего смотришь? – подошла к нему продавщица, полноватая рыжеволосая женщина средних лет. – Спиртное не продам! Молодые, восемнадцати ещё нет – не продам! Мне неприятности не нужны!

- А если я паспорт покажу? – мгновенно «завёлся» Саша. – Тогда продашь?

Продавщица на секунду оторопела, а потом перешла в наступление, уверенная, что никакого паспорта у парня нет:

- Покажи! – упёрла руки в бока.

Александр долго рылся во внутреннем кармане куртки, потом широким эффектным жестом, к удивлению менее предусмотрительных товарищей, вынул документ, раскрыл и сунул его в лицо рыжеволосой. Та прищурилась, нашла глазами нужную строку и нахмурилась: «Сколько брать будете?»

Посоветовавшись, они скинулись и взяли десять восьмьсотграммовых бутылок «Портвейна». Сложили их в безразмерную дырчатую сетку.

Когда вернулись в баню, одетые девчонки уже заполнили зал отдыха. Раскрасневшиеся, они расчёсывали мокрые волосы, навёрчивали на головы тюрбаны из полотенец или, раскинувшись, полулежали на продавленных диванах.

- Спасибо, мальчики. В бане помыться – заново родиться! – на их «С лёгким паром!» ответила за всех розовощёкая Галина. – Долго там не рассоливайте...

А ехидная Танька не преминула добавить:

- Если надо спину потереть, Сынок, только позови!

Помывочная оказалась на удивление просторной, её отделанные кафелем стены отсвечивали белизной. Егор ступил в неё на цыпочках, чувствовал себя непривычно, ведь у себя дома он мылся в своей, рубленной дедом и отцом, бане. На макушку ему шмякнулась холодная крупная капля. Егор поднял глаза, увидел множество серебящихся, как шарики от подшипников, капелек на банном потолке. На длинных деревянных лавках там и тут стояли оцинкованные шайки с ручками, лежали использованные веники.

- Тебе Наташкин таз дать или Светиным обойдёшься? – Александр громко захохотал своей шутке, и гулкое эхо усилило его голос. – Да шучу я, чего ты!? - он похлопал сконфузившегося Егора по голой пояснице. – Ты его кипятком ошкварь.

Рядом из стены торчали два больших ретро-крана – с кипятком и холодной водой. Егор лишь чуть тронул вентиль одного из них, в мгновение тазик до краёв наполнился горячей водой, которая плеснулась через край.

- Поосторожней! – прикрикнул отскочивший Александр. – Здесь тебе не речка!

Они смыли первую грязь и наперегонки кинулись в парную. Однако заходили в неё осторожно: вдруг обожжёт! Оттуда несло влажным жаром, густыми санными запахами. Парилка не обжигала, а душевно грела. И это было замечательно! Но

Александр плеснул из алюминиевого ковша на каменку, и она горячо дохнула в ответ.

- Ну-ка, ложись на полоч! – азартно приказал он. – Парить буду! – в каждой руке у него было по венику.

Напарившись, выскакивали в помывочную, как пробки из бутылки. Краснолицые, разгорячённые, выдыхали глубоко: «У-ух!». И мигом – к крану, шайку ледяной воды на голову: «О-ох!». И только Александр вышел из парной медленно, с достоинством.

Потом решили ополоснуться под душем.

- Вот теперь порядок, - сказал Александр. – Пива нет. Поэтому, будем одеваться.

Тут в помывочную зашла банщица, безразлично глянула на каждого, отчётливо пробормотала: «Ну, вот и помылась деревня. Неделю в чистоте будет жить». И, не обращая больше на них внимания, начала укладывать горкой пустые шайки, заметать в угол листья и веники. Зато у Егора после её взгляда скукожилось всё, что можно...

Из-за дождя и из-за того, что продрогли, возвращаясь в Мальцево в кузове грузовика, ужин решили устроить прямо в клубе. На полу перед сценой расстелили одеяла, расставили посуду. Принесли с печки кастрюлю ароматной каши с тушёнкой.

От вина никто не отказался. Студенты снова покраснелись, девчонки стали просить Евгения, чтобы взял гитару. И долго уговаривать его не пришлось. Сначала хором пели про осень и любовь, про ушедшее лето и бедного студента. Потом инструмент перешёл к Александру, тот подтянул струны и проникновенно завёл:

- Ходят кони над рекою,
Ищут кони водопоя,
А к речке не идут —
Больно берег крут.
Ни ложбиночки пологой,
Ни тропиночки убогой.
А как же коням быть?
Кони хотят пить.
Вот и прыгнул конь буланой
С этой кручи окаянной.
А синяя река
Больно глубока...

Девчонки притихли, загрустили, уставились в одну точку, в глазах блеснули слезинки. А Саша перешёл на репертуар молодого, но уже популярного певца и композитора Юрия Антонова:

- В дальней дали мне слышится, снится,
Голос твой, долети, доплыви!
И с любовью ничто не сравнится,

Даже звезды не выше любви!
Гляжусь в тебя, как в зеркало,
До головокружения,
И вижу в нем любовь мою,
И думаю о ней.

Давай не видеть мелкого
В зеркальном отражении,
Любовь бывает долгою,
А жизнь еще длинней...

Тут в центр зала вышла Татьяна, потрянула головой:

- Саша, ты просто талант! Только я предлагаю танцы!

- Танцы! - подскочила с места Наташа-большая.

- Танцы! – подхватила Наташа-маленькая. – К нам гости пожаловали... Пусть тоже потанцуют.

- Какие гости? – переспросила Галина.

- Сейчас я... - Наташа-маленькая высунулась в дверь и втянула за руку в помещение Яшу, следом шагнул Иван. – Заходите, парни! Танцевать будем!

- Давай, Женя! Женька, «Шизгару»! – подхватили все.

Евгений ударил по струнам, и – понеслось! Танцевали с удовольствием. Танцы привлекали и тянули, как магнит. Ведь можно было блеснуть умением двигаться и показать себя в выгодном ракурсе, и девчонки старались всю.

Танцевали, кто во что горазд. Это была вольная импровизация твиста и шейка вместе взятых. Хотя, нет, название у этих раскрепощённых, порой невероятных движений имелось: «Быстрый танец». От мелькавших тел, рук и ног стало тесно. Не танцевали только двое – Михаил Ефимович и Егор. Первый, наверное, боялся «потерять» преподавательское лицо. Второй не любил «ломаться», а, может, не мог настолько расслабиться...

Эти двое стояли рядом у стены и с интересом поглядывали на студенток. Но тут перешли к танцам «медленным». Женька завёл:

- Говорят, что некрасиво, некрасиво, некрасиво отбивать девчонок у друзей своих...

- Пошли, Сын, - подскочила к Егору Татьяна. - Приглашаю тебя на танго под «Алешкину любовь».

В общем, потанцевать в этот вечер Егору пришлось. Под «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно» его «водила» по кругу Света. Под песню «Льет ли теплый дождь, падает ли снег, я в подъезде против дома твоего стою...» он был с Натальей-большой.

Девчонки выбегали на крыльцо – покурить.

А Евгений пел битловскую: «Я хочу вам рассказать, как я любил когда-то, Правда, это было так давно. Помню, брёл я как-то ночью по аллеям сада, Чтоб шепнуть в раскрытое окно: гё-ол, гё-ол...».

И тут Егора пригласила Галина. Она была крупной, красивой девушкой, и стройного Егора смущали её габариты, но деваться некуда. Он с завистью поглядывал на Олега, который танцевал только с Тамарой, на длинноволосого Яшку с Наташей-маленькой, на Ивана – от него не отходила миниатюрная, смуглая Вера с большими выразительными тёмными раскосыми глазами. Он только теперь понял, что это Вера скрылась в темноте в тот вечер, когда они с Татьяной катались на мотоцикле.

Стоило вспомнить Татьяну, как, лёгкая на помине, она тут же пригласила его на следующий танец...

Наконец, Женя снова сменил темп:

- Синий, синий иней лег на провода, В небе тёмно-синем синяя звезда, - азартно выводил он.

- О-о-оу-оу! - подхватила разгорячённая аудитория. - Только в небе, в небе тёмно-синем!

Между тем, перевалило за полночь. И Михаил Ефимович, озабоченно посмотрев на свои часы, подошёл к Евгению, что-то прошептал ему на ухо.

- Внимание! – громко объявил Евгений. – Мы завершаем наш танцевальный вечер битловской композицией «Облади-Облада»! – и ударил по струнам...

Когда все улеглись по своим местам, Егор обратил внимание, что свёрнутый в трубочку матрас, отделявший мужскую половину от женской, исчез. А Светлана со своей подушки смотрит на него в ночном полумраке. Но скоро всё поплыло перед его глазами, и он крепко уснул...

Проснулся он среди ночи от холода. Сквозь запотевшие стёкла в окно лился лунный свет. От него в клубе было так светло, что Егор без труда рассмотрел на циферблате своих часов – четвёртый час ночи. Он осторожно поднялся, сунул ноги в ледяные ботинки, бесшумно открыл чуть скрипнувшую дверь и вышел на улицу, на ходу одевая чью-то куртку. На чистом – ни облачка – небе господствовал лунный диск, и ярко сверкали звёзды. С севера тянул студёный ветер и уносил в сторону быстро тающие облачка пара от дыхания. Под ногами хрустела прихваченная морозом побелевшая трава, на ней серебрились застывшие бусинки вечернего дождя.

Егор добежал до туалета, быстро сделал своё дело и, вернувшись в клуб, прокрался на своё место, залез под одеяло. «Чёрт, холодно как! – он отогревал под мышками замёрзшие ладони. – Неужели утром поедем в поле? Хотя, может, днём солнце будет». И, согревшись, снова погрузился в сон...

Утром Егор встал одним из последних. Александр с Женей сидели на своих лежанках и оживлённо беседовали. Большинство девчонок, зябко поёживаясь, сновали – на улицу и обратно в клуб. Олега не было, наверное, как обычно, помогал у печи Тамаре. В помещении было холодно и сумрачно. Егор подошёл к окну, потёр рукавом запотевший квадратик стекла, выглянул на улицу. Из низких рваных облаков, которые подгонял ветер, на землю сыпала снежная крупа, взметаясь у земли маленькими снежными вихрями. Дорога поблёскивала ледяшками застывших луж.

- Ни хрена себе, мужики, зима пришла! – заорал Егор.

- Ага, - подхватила Галина, - и бабы тоже... Как в поле поедем в наших курточках?

С улицы забежала раскрасневшаяся Тамара:

- У меня каша готова. Где завтракать будем, девочки? На улице холодина! Ужас!

Решили принимать пищу, как и вечером, в помещении. Ели и тоскливо поглядывали в окно, на первый снег. Мысли у всех были об одном: как в такую погоду работать в поле? Михаил Ефимович старательно отводил взгляд от вопросительных глаз студентов.

Когда уже допивали сладкий душистый чай, с улицы донёсся шум подъезжающего грузовика. Через полминуты в клуб ввалился Семён Семёнович собственной персоной. На нём была тёплая длинная куртка. Кепку он нервно мял в руке.

- Привет, студенты! – бодро поздоровался он. – Приятного аппетита!

В ответ народ хмуро отмолчался.

- Ясно! – продолжал бодриться управляющий. – Настроение не очень. К нам холод раньше приходит: всё же мы на севере области, - и он резко перешёл от проблем географии и природоведения к вопросам политики и экономики. – Но вы нас, селян, тоже должны понять. Мы не можем пустить урожай под снег! Нас за это в райкоме партии по головке не погладят! Да и убытки понесём. Это нам нельзя! Поэтому, по-человечески прошу, помогите, ребята! – он преданно вглядывался в их лица. – Я вам благодарность в институт направляю...

- А если мы на поле от холода загнёмся, с похоронами поможете?! – съязвила Наташа-большая.

- Ну, зачем вы так? – обиделся управляющий. – Мы вам рабочий день сократим.

- Не слишком ли много? – поехидничал Александр.

- И потом у нас с вашим вузом договор, - не обращая внимания, продолжал агитацию Семён Семёнович. – Работать надо до первого октября. Ещё неделя... Да! – радостно вспомнил он. – Я же вам бушлаты привёз. Всё теплее, должно, - он радостно вскинул вверх руку с кепкой.

«Прямо как Ленин на броневике», - усмехнулся Егор.

Бушлаты или фуфайки, как назвал их Олег, лежали кучей в кузове. Егор с Женькой заскочили туда и подавали одежду в протянутые руки. Бушлаты были далеко не новые и давно не стиранные, но все без слов надевали их, не обращая внимания на размер, наглухо застёгивались.

В первый раз студенты ехали на поле молча: накрытый брезентовым коробом, полный народа кузов, и – ни звука от кутавшихся в бушлаты хмурых девчонок. Парни в этот раз сидели вдоль заднего борта. Егор невесело смотрел на убегающую назад дорогу, на раздавленный колёсами машины лёд луж, на взметающуюся за грузовиком снежную позёмку и думал: как же они будут сегодня биться за урожай на этой стыни? Хотелось, чтобы день поскорей закончился, чтобы снова оказаться на своём матрасе, который отсюда, из кузова, казался едва ли не земным раем.

Копалка сегодня работала медленнее, чем обычно. Её невидимый рулевой вёл агрегат вдоль побитого морозом, припорошенного белыми полосками снежной крупы картофельного ряда, а студенты тут же собирали в вёдра с затвердевшей земли грязноватые светлые клубни. Ни у кого не было желания тщательно ковыряться в земных недрах, тем более что, посиневший от пробирающего до костей ветра, Михаил Ефимович не обращал на качество работы никакого внимания.

Часа через полтора к нему подошёл Александр:

- Мы с мужиками сгоняем в рощу, - как о принятом уже решении сообщил он. – Валежник соберём, костёр наладим. Надо греться, иначе свалятся все...

Вместо ответа преподаватель согласно замычал сквозь замёрзшие губы, закивал головой.

Парни быстро дошагали до ближайших берёз.

Между деревьями казалось не так студёно, ветра здесь почти не было, его холодные порывы трепали высокие берёзовые макушки с голыми ниспадающими ветвями, подгоняли низкие тучи. Под ногами грустно шептали прихваченные изморозью грязно-жёлтые листья, из-под которых проглядывала пожухлая зелень травы. То и дело попадались шоколадные шляпки грибов. Не было слышно птичьих голосов, только шорох сыплющийся с деревьев листвы. В роще реально ощущалось, как в преддверии зимы тихо и незаметно замирает жизнь природы.

- Рот не разеваем! – подгонял парней Александр. - Быстро собираем хворост.

Егор с Сашей принесли на поле по большой охапке сухих сучьев, а Олег с Женькой притащили подгнивший ствол давно упавшего дерева.

Костёр разводил Егор. Оторвал несколько лоскутов берёзовой коры, наломал мелких веток и сложил «шалашиком». Потом попросил у Татьяны зажигалку и, прикрывая ладонью язычок пламени, поджёг бересту. Та сразу занялась огнём, раздуваемым ветром, загорелись, защёлкали ветки. Егор быстро стал подкладывать в костёр сучья покрупнее, ломая их через колено. Навалил целую гору хвороста, который тут же затрещал, выбрасывая искры. Пока Егор священнодействовал с костром, вокруг собралась все девчонки, протягивали руки к теплу, поворачивались к костру то одним, то другим боком. Уборочная остановилась. Копалка тоже встала и приглушенно пофыркивала мотором.

- Девочки, давайте картошки напечём! - предложила Галина. И принесла полное ведро клубней.

Егор большой суковатой палкой осторожно сдвинул в сторону разгоревшиеся головни, высыпал на нагретую землю картофелины и подложил сверху дровишек.

- Сгорит наша картошка, - уверенно заявил Александр.

- Вся не сгорит, - уверил Егор. – Зато пропечётся, проверено. Сверху, может, и обгорит, а мы корку потом счистим.

Он остался смотреть за костром, а парни снова двинулись в рощу, за хворостом.

...Ближе к обеду остатки ночного снега совсем исчезли. Стало чуть теплее. Но тут громко закашлялась Женя, высокая, стройная блондинка с серыми глазами и аппетитными формами. Она с первого дня не признавала никаких головных уборов. Утром с помощью резинки собирала свои длинные волосы в хвост, а вечером распускала их по плечам. Сейчас на её хриплый натужный кашель со всего поля снова сбегались студентки. Женя сидела на картофельной ботве и, не переставая, кашляла, её щеки и лоб полыхали жаром.

Галина скинула верхонки, обтёрла ладони о брюки и пощупала Женин лоб. «Огонь! – вскрикнула она. – Михаил Ефимович, надо же что-то делать!»

- Вот, у меня аспирин, - Татьяна протянула упаковку таблеток «ацетилсалициловой кислоты». – Пусть примет сразу две...

Кто-то подал фляжку с водой.

Скоро Витёк, как всегда, привёз Тамару с термосами. Пока она возилась со своими причиндалами и «накрывала» стол, студенты грузили собранный картофель. В этот день урожай был вполтину меньше обычного. Потом в кабину трактора, рядом с Витьком, усадили кашляющую Женю. Михаил Ефимович старшим на поле назначил Александра и сам с встревоженным выражением на лице устроился в телеге. «Беларус» быстро уехал, оставив повариху со студентами.

Вечером Витёк снова прибыл на тракторе, преподаватель сидел в тележке. Нетерпеливо выслушав Сашин отчёт о прошедшем дне, рассказал о Жене.

Вначале Михаил Ефимович с больной добрались до управляющего, потом вместе с ним отправились в медпункт. Девушку осмотрела сельская фельдшерица, диагноз вышел таким: острое респираторное заболевание, возможно, отягчённое бронхитом или даже воспалением лёгких. «Сказала, везите в Яю, в больницу. А Женя упёрлась – в больницу не пойду, и всё! – развёл он руками. – Говорит, хочу домой, к маме... Стали думать, как её отправить? Сегодня поезд идёт поздно вечером. Кто её в дороге сопровождать будет?»

Семён Семёнович «вспомнил»: оказывается, из Яи в область летает пассажирский самолёт АН-24. У них там целый аэродром. «Если поторопимся, - говорит, - успеем на рейс. Были бы билеты!» Перелёт стоит три с половиной рубля. Лёту – минут сорок. Витёк гнал грузовик, как только мог. И они успели. И свободные места в самолёте были. Женя даже смогла из аэропорта дозвониться домой, чтобы её встретили...

С поля студенты возвращались в тракторной телеге, сидя на куче картошки. Семён Семёнович дал команду – из-за ожидаемых заморозков – не оставлять её на ночь в поле.

В последующие дни если и стало теплей, то ненамного. Правда, ни снега, ни дождя не было, солнца, впрочем, тоже. Хмурые облака делали хмурыми лица студентов – радоваться особо нечему. Все ждали лишь одного – окончания командировки...

Впрочем, что такое неделя? Семь дней, которые хоть и казались бесконечными, закончились. Правда, за это время самолётом на «большую землю», вернее, домой, переправили ещё четырёх девчонок с подозрением на бронхит.

День перед отъездом студенты провели в поле, хотя накануне уборку картофеля завершили. Управляющий попросил их собрать «последние колоски», вернее, пропущенные картофельные клубни. И растянувшись веером, они несколько раз прочесали поле из конца в конец.

А вечером в их деревенское общежитие снова явился Семён Семенович. В одной руке он комкал свою кепку, в другой держал хозяйственную сумку, в которой при каждом движении позванивало стекло.

- Спасибо вам, студенты! – широко улыбаясь, сказал он и поклонился слегка опешившим девчонкам. – Если бы не вы, картошку нам не убрать. Так и напишу вашему ректору. А вы извиняйте нас, если что было не так.

- Да ладно вам, - начал было ответное слово Михаил Ефимович. Однако его перебила Галина:

- Спасибо в стакан не нальёшь, Семён Семёнович!

- Вот именно! – встрепенулся управляющий. – Вот я вам! - он выставил на край сцены четыре полулитровые бутылки с этикетками «Спирт питьевой». – Много

вам нельзя, а немного можно, – смущённо благословил он помощников. – Я и тушёнки на ужин вам добавил... Всё, что могу! Ешьте, отдыхайте. Завтра утром Витёк вас подбросит на вокзал, к поезду. Не проспите!

Прощальный ужин, накрытый на полу клуба, вышел на славу. Его не смог испортить даже Митяй, который, пинком открыв входную дверь, явился в самый разгар торжества – между вторым и третьим тостом. Девчонки от неожиданности взвизгнули. Все вскочили на ноги. А деревенский бугай радостно заржал.

- Хочу с Егором напоследок разобраться! - начал он пьяным голосом, ухватив стоявшего недалеко Егора за ворот свитера, притянул к себе. - Ты зачем меня обманул в первый вечер?! Может, я хотел по-хорошему познакомиться со студентками! - он размахивал кулаком перед лицом опешившего парня.

Толпа замерла в ожидании развязки. Егор попытался вырваться из мёртвой хватки, но безрезультатно. Внезапно в помещение ворвались Яков с Иваном и Васёк.

- Кончай, Митяй! Не трогай пацана! Пойдём на улицу, разберёмся! – закричал Яков, вцепившись за одну руку Митяя, Иван перехватил вторую, и они освободили Егора, едва не порвав ему свитер. Однако Митяй взревел, как раненый бык, одним движением стряхнул с себя заступников, снова шагнул к Егору. Тут Васёк резким движением приложил Митяя по затылку свинцовой гирькой, бугай как подкошенный плашмя рухнул прямо на импровизированный стол, переворачивая миски и кружки, и отключился.

В клубе повисла тревожная тишина, которую нарушил Яков:

- Ты не убил его? - с беспокойством спросил он Василия.

- Да, нет, - отмахнулся тот. – Я же осторожно...

- Ничего себе, осторожно! - подал, наконец, голос Егор. – Как мы теперь? Испортили нам вечер!

- Ничего, ребята, ничего, - выставил перед собой ладони Яков. – Мы его сейчас уберём.

Васёк с Иваном подхватили Митяя под мышки, а Яков – за ноги. Волоком потянули тяжелого земляка к выходу.

- Отдыхайте, гуляйте, а нас извиняйте! - скаламбурил напоследок Яков и ногой зарыл за собой входную дверь.

На этом короткий визит деревенских гостей завершился.

Девчонки сразу расшумелись, обсуждая происшествие. Решили, что вечер прерывать не стоит. Стол «поправили», спирт допили. «Банковал» Александр: за раз наливал в кружку ровно по полглотка, потом, кто хотел, но далеко не все, разбавляли спирт водой. И всем – хватило, чтобы поднять настроение до хорошего уровня. И на танцы под Женькину гитару хватило.

Танцевали самозабвенно, долго, до тех пор, пока у гитары не лопнула струна.

Когда утром следующего дня Витёк гнал автомобиль со студентами на Яйский вокзал, всю дорогу машину сопровождали на мотоциклах Яков и Иван. Пыли за грузовиком в этот раз не было. Ночью дорогу намочил осенний дождь...

Находка для шпиона

- А ты знаешь, что «плакали» наши денежки? - Виталий Кузьмицкий воткнул лопату в землю, скинул верхонки, аккуратно пристроил их на торчащий вертикально черенок и направился на картофельную делянку Егора.

Услышав хрипловатый голос товарища, Чурсин поддел вилами и вывернул «наружу» очередной картофельный куст: из-под его корней показались крупные розовые клубни, – тоже воткнул вилы в землю и отряхнул ладони. «Перекурим», - ответил он на немой вопрос жены Галины, которая собирала в ведро урожай из подкопанных мужем лунок, а когда оно наполнялось с горкой, они вместе пересыпали картошку в мешок, и повернулся навстречу подходившему Виталию.

-Чего ты там про деньги?

- Да, я тут в «Правде» прочитал, что Россия, потеряла пятнадцать миллиардов долларов... – доверительно сообщил Виталий. – Представляешь?! ООН ввела санкции против Ирака, Ливии, Сербии и Черногории! Из источников, близких к российскому правительству, стало известно: теперь нефти и нефтепродуктов мы оттуда не получим...

- А мы-то тут причём, и, тем более, наши деньги! – рассмеялся Егор в ответ на беспокойство Кузьмицкого.

- Как, причём? – улыбался Виталий. – Вот бы нам с тобой эти деньги дали! Разве мы бы тут картошку копали...

- Кузьмицкий! – громко позвала Виталия жена Татьяна. – Ты чего лопату бросил?! Давай, подкапывай! Видишь, Чурсины нас уже обогнали!

Виталий тяжело вздохнул и поплёлся на свою «несжатую полосу»...

Стояло безветренное солнечное утро последнего дня сентября 1992-го. Несмотря на сухую погоду, было по-осеннему свежо, ночью – даже холодно. Вокруг маленькой группки копальщиков, припозднившихся с уборочной, было пустое, необъятное поле, где горожанам по весне дали делянки для посадки картофеля. Сейчас на всех соседних участках картошку уже выкопали, и эти ровные прямоугольники чернели голой землёй с рядами пустых лунок и сухими стеблями разбросанной тут и там картофельной ботвы. И только на двух их полосах, побитые заморозками, чёрно-зелёные кусты картошки ждали хозяйской руки.

Была середина недели. Но Кузьмицкие и Чурсины решили не ждать выходных. Виталий с Егором отпросились у директора телекомпании Евгения Михайловича. Он и не возражал, ведь парни только что вернулись из очередной сложной дальней командировки и с опережением графика смонтировали передачу для эфира. Директор ещё и редакционный «Москвич» им дал. А студийный водитель Алик спозаранку «забросил» их вместе с инвентарём на поле...

Известные журналисты Егор Чурсин с Виталием Кузьмицким уже почти год делали передачи на первом в Сибирском регионе молодом независимом телеканале компании «Агентство информации «Копейка», который завоевал неплохой рейтинг у телезрителей. Появилось это новое средство информации земляков в очень уж беспокойное время. Советский Союз «приказал долго жить». Участники «путча ГКЧП», которые хотели сохранить СССР, сидели по тюрьмам, а «подписанты» Беловежских соглашений, похоронившие единство ещё недавно считавшихся братскими республик, стали президентами независимых государств. Учителя географии и картографы срочно переделывали учебники и карты. А народ,

оказавшийся в одночасье за границей, материл всех и вся и пил горькую, надеясь на государство, которого уже не было.

«Копейка» появилась на экранах телевизоров столицы региона как альтернатива двум официальным общесоюзным каналам. Других в то время ещё не было, по крайней мере, в их области. Новое телевидение начало работать неожиданно, безо всякой предварительной «раскрутки» или маркетинга, как говорят сегодня. Но люди его сразу заприметили, стали с удовольствием ждать вечерних передач АИКа, которые сильно отличались от тошнотворного телеофициоза и «обливания грязью» недавней жизни в большом «общем доме».

Виталий и Егор – телеведущие программ «Копейки» – играли на экране роль таких свободных журналистов, ничего и никого грязью не поливали. В их программах почти не было политики. В передачах парни хохмили и чудачили, говорили со зрителями на простом русском... Каждую неделю они ездили по отдалённым районам, «раскапывали» там таланты: крестьян и рабочих, поэтов и музыкантов, художников и священников, – профессионалов любого ремесла, интересные творческие коллективы, и удовольствием рассказывали о них. При этом сами прямо в кадре – играли на клавишах, парились со своими героями в бане и чистили картошку на ужин, купались в реке, ковырялись в огуречной теплице, читали Коран или катались верхом на лошадях.

Вместо приевшейся суровой «телесухомятины» люди начали настраивали телевизоры на ведущих «Копейки», как только Виталий своим хрипловатым, а Егор вкрадчивым голосами начинали очередную передачу...

Их стали узнавать, когда они пешком возвращались с работы, обсуждая прошедший эфир или на ходу придумывая новую шутку к программе. К ним подходили незнакомые люди, здоровались, пожимали руки, по-дружески хлопали по спинам, расспрашивая о творческих планах. Им часто говорили, что они похожи как близнецы, как одно целое. Это, кстати, забавляло их больше всего.

Общим у них был разве что русый цвет волос, да светлые глаза. Виталий был выше среднего роста, полноват, сутуловат, носил и постоянно лелеял свои небольшие светлые усы. Егор был среднего роста, строен и никогда не имел растительности под носом.

Они и по характеру являли собой абсолютные противоположности. Виталий был образцом невероятной общительности и разговорчивости, об этом среди коллег ходили шутки и разные истории. Он мог запросто подойти к любому незнакомцу или известному человеку, хлопнуть его по плечу и заявить ошарашенному такой фамильярностью человеку что-нибудь типа: «Как считает твой лучший американский друг Марлон Брандо, все коренные американцы – это выходцы из Германии. Твои предки, наверняка, тоже были немцами. Не веришь?! Хочешь, докажу?», – и полчаса доказывал ему, ошеломленному, что его предки могли попасть в Сибирь только из Поволжья.

В дальних поездках язык Виталия «развязывался» так, что Кузьмицкий мог часами говорить без умолку, перескакивая с одной темы на другую. Про эту его особенность среди знакомых работников «пера и микрофона» ходила шутка: если едешь в командировку в одной машине с Кузьмицким, радио можно не включать. Такой уж характер: ему всегда нужны были свободные «уши», неважно, внимают они его сентенциям или нет...

Егор, напротив, был немногословен, больше слушал, чем говорил сам. И словоохотливость коллеги порой нервировала его. Но он в душе был сдержанным

созерцателем окружающего мира и воспринимал товарища, как неизбежную данность журналистской судьбы, которая сводит многих с многими.

Бывало, они спорили, раздражали друг друга и даже ссорились на ниве творчества. Но, слава Богу, такие моменты возникали нечасто и ненадолго.

Разумеется, на экране они были другими: преображался Кузьмицкий, невозмутимо слушая заранее отрепетированные реплики Егора. Чурсин же, наоборот, становился общительным...

Нелёгкая жизнь начала «девяностых» уравнила существование многих семей и в Сибирском регионе, и во всей стране, поставивших на грань выживания. Стало неважно – инженер ты или рабочий, учитель, врач или журналист, нет у тебя диплома или три высших образования – все как-то враз стали одинаково бедными. Полки магазинов опустели, цены начали расти, а на зарплату в лучшем случае можно было едва-едва свести концы с концами.

Но большинство наших людей умели быстро приспосабливаться к трудностям, выживая назло «строителям» рыночного капитализма в интересах тонкой «прослойки». Народ активно сеял и выращивал всё, что только можно: кур и кроликов – на балконах, поросят и бычков – в сараюшках, овощи и картошку – в садах и огородах, если есть, или – на колхозном поле, если своей земли не было.

...Конечно, большинство семей страны выращивали картошку испокон века. Выросший в своём доме на окраине небольшого шахтёрского городка, Егор, например, сколько помнил себя с раннего детства, видел, как в середине мая родители на любом свободном клочке огорода закапывали маленькие клубеньки-семена и уже к середине лета подавали к столу свежие, жидковатые, ещё плохо освобождающиеся от недоспелой кожуры, варёные ароматные, вкусные картофелины.

Чуть позже – на исходе весны – ездили садить картошку на поле. Отцу на шахте, где он работал подземным электрослесарем, как и другим шахтёрам, выделяли на колхозном поле делянку. Обычно это были пять-шесть соток. Лет с пяти родители брали его с собой на посадку, прополку и окучивание. Но самыми интересными выездами, без сомнения, были уборочные.

Особую радость от предвкушения такой поездки вызвала мысль, что этот день выпадал на будни. А это значило, что в детсад или в школу идти не нужно. Обычно дожидались, когда установится хорошая погода. «Вёдро будет, - говорила мама. - Солнечно и сухо».

Накануне, вернувшись с работы, родители ложились спать за полночь. Мама Валя долго собирала холщёвые четырёх-пятиведерные мешки: штопала их, пришивала оторванные в прошлый раз завязки, готовила продукты для полевого обеда, большой китайский термос с травяным чаем, одежду и обувь копальщикам – отцу и маленькому Егорке. Отец Иван точил большим напильником железные штыки лопат, подшлифовывал наждачной бумагой деревянные черенки – свой, длинный и короткий Егоров, приговаривая при этом: «Чтобы ладони не «сбить». Потом долго при свете электрической лампы возился в гараже со стареньким мотоциклом с коляской марки «Иж»: укладывал в люльку обёрнутые в тряпицу и связанные проволокой лопаты, мешки и вёдра, что-то подкручивал, подкачивал колёса, доливал в бак розово-красный бензин и добавлял туда же немного тёмно-сиреневого масла.

Егор крутился тут же, помогая отцу, поддерживая канистру с бензином или подавая гаечные ключи.

Родители гнали сына в постель, а он от возбуждения долго не мог заснуть. Его крохотную спальню от кухни отделяли лишь короткие занавески, и сквозь щель между ними, лёжа в кровати, он наблюдал, как родители, сидя за столом голова к голове, полушёпотом долго выстраивали стратегию предстоящего дня, и незаметно проваливался в сон.

...Утром мама поднимала его, когда на улице ещё синели сумерки зарождающегося дня. В начале сентября утренники в Сибири всегда были ощутимо прохладными, и сонного Егорку заставляли одеваться теплее, а на ноги – обувал неизменные резиновые сапоги. Завтрак в такую рань не лез в горло.

Зато, когда мотоцикл, громко тарахтя одноцилиндровым мотором, вывозил семью за город, Егоркой овладевал такой восторг, что он начинал петь какую-нибудь песню типа: «А вокруг горизонты синие, ЛЭП-500 – непростая линия...» Пел в голос, благо из-за шума мотора его «соло» не было слышно.

Отец любил быструю езду, выкручивал ручку газа так, что стрелка спидометра болталась между цифрами «90» и «100», хорошо, что шоссе в этот час было пустынным. Маленьким Егор сидел в коляске, когда подрос, отец разрешил ему ездить на заднем сиденье, с которого обзор проплывающих мимо окрестностей был значительно лучше. И он любовался картинами природы – скошенными полями, пожелтевшими перелесками, блеском водной глади далёких озёр.

Иногда дорога спускалась с косогора в залитую утренним туманом низину, отец сбавлял ход и на всякий случай включал фару. Туман на несколько мгновений окутывал их неизвестностью и влажно-белой мглой. И тут же они выезжали на широкий простор. Встречным ветром из глаз выдувало слёзы, и Егорка торопливо промокал их белым платком, который мама сунула ему с вечера в карман куртки. Отца выручали большие мотоциклетные очки из пластика, державшиеся на голове с помощью почерневшей от пыли, широкой резинки, а мама прятала лицо за брезентовой накидкой, притороченной к коляске.

Почему-то каждый год получалось так, что путь лежал на восток от города. И в хорошую погоду ранним утром тонкие длинные полосы облаков на восходе сначала окрашивались багровым цветом на фоне светлеющего горизонта. С каждой секундой накал облаков усиливался и менялся – на алый, ярко-оранжевый, золотой. И, наконец, краешек яркого диска появлялся над горизонтом. От этого грандиозного вида у Егорки захватывало дух. Он любил восход. И пока солнце медленно выползало из своей ночной – верил он в детстве рассказам мамы – постели, на что у небесного светила уходило минуты три, у него по всему телу «бегали» мурашки.

И вот сияющий шар повисал над линией, соединяющей небо и землю, ниточки облаков становились тёмно-серыми. Было нестерпимо смотреть на него, он слепил глаза, и мама ругала сына, когда со своего места в коляске замечала, что он щурится, глядя на светило. «Не смотри на солнце, ослепнешь!», - всегда повторяла она одно и то же и трогала его за колено.

А Егорка снова орал свои песни и вытирал слёзы...

На поле они приезжали раньше многих. Отец быстро отыскивал свою деляну, на её заросший травой край выкладывали вещи, лопаты и ведра, сумку с едой. Отец торопливо снимал башмаки, переобувался в большие резиновые шахтовые сапоги, развязывал лопаты, одну давал сыну, надевал верхонки, и они начинали

подкапывать картофельные кусты с жирными, толстыми ветвями ещё зелёной ботвы. Егорка рукавиц не любил, работал голыми руками, бывало, стирая к вечеру в кровь ладошки.

Отец подкапывал быстро, загоняя штык лопаты глубоко и круто выворачивая каждый куст так, что ботва ложилась набок, и на землю выкатывались большие и маленькие картофелины. У Егорки получалось послабее: он давил на железный штык обеими ногами, даже умудрялся попрыгать на нём, прежде чем лопата погружалась в землю на нужную глубину. Потом раскачивал черенок, пытаясь «расшевелить» куст, сдвинуть его с места. Поэтому подкопанные им кусты продолжали стоять ровно, и картошка в них в лучшем случае слегка выглядывала из чернозёма спелым бочком. Он пыхтел от натуги и всё больше отставал от отца.

В это время мама шла следом за мужчинами, руками выбирая картофель из лунок, складывала его в ведро. То и дело отец оставлял лопату, подходил к маме, брал наполненное с горкой ведро. Мама раскрывала и поддерживала мешок, отец ссыпал в него картошку, клубни с глухим тарахтением исчезали внутри мешковины. Вскоре на меже появлялся очередной толстяк-мешок, наполненный урожаем.

Когда подкопанных кустов становилось много, они с отцом брали вёдра и тоже начинали выбирать картошку из лунок. «Выбирай хорошо, всю собирай, - напутствовала Егора мама. - И крупную, и мелкую. Мелкая на семена пойдёт или Васька съест...» Васькой звали очередного поросёнка, который с весны похрюкивал у них в сараюшке.

Подкопанные лунки заканчивались, и мужчины снова брались за лопаты.

Солнце вставало всё выше, начинало припекать, и они снимали куртки, бросали их на мешки. Вокруг – по всему большому полю – на соседних участках шла такая же работа. Народ громко переговаривался между собой. Повсюду вдоль разделяющих делянки межей тянулись цепочки мешков: у кого-то они стояли по одному, далеко друг от друга, а у кого-то сразу по два-три мешка вместе, что означало – хороший урожай.

- Хватит нам, - успокаивал маму отец, если той казалось, что картошка уродилась «не очень».

А лёгкий ветерок гонял по полю пушинки-парашютики давно отцветшего осота, похожие на маленькие одуванчики, невесомые шарики украшали его стебли, выросшие после летней прополки, и кусались колючими шипами. Егорка срубал осот лопатой, со среза вытекала капля белого липкого сока. Мальчик трогал его пальцами, и пальцы становились липкими, продолжали приклеиваться друг к другу даже, если помыть руки.

На меже среди прочей травы гордо возвышалась серебристая полынь, усыпанные мелкими жёлтоватыми цветочками осенние ветки которой напоминали веточки весенней мимозы, и когда Егорка помогал родителям опустошать полные вёдра, его нос улавливал её горьковатый запах. Рядом с полынью колыхались на ветру увядающие головки тысячелистника, покрытые мелкими серовато-белыми соцветиями. Уставший с непривычки, Егорка приседал на корточки и долго рассматривал, как по ним медленно сновал почти неразличимый жучок. Отец окликал его: «Хватит, сынок, надо копать...»

К полудню они завершали «битву за урожай». Отец, постучав лопатой о лопату, складывал инструмент вместе. Потом шёл вдоль межи и крепко завязывал горловину мешков. Он взваливал на свои широкие плечи мешок и, пошатываясь,

медленно нёс нелёгкую поклажу на обочину, где стоял мотоцикл. Егорка с мамой вдвоём следом волокли другой мешок по земле. В лучшие годы число мешков доходило до 35-40, в засушливое лето выходило по 15-20.

А потом наступал момент, который Егорка любил больше всего в этих поездках: отец срезал ножом несколько широких зелёных листьев лопуха, под высокий куст которого, усеянный засохшими репейными головками, они ставил мотоцикл, и раскладывал их на траве. Мама расстилала на эту импровизированную «столешницу» старенькое, застиранное покрывало и выкладывала на него из сумки всю привезённую снедь. Были тут помидоры и огурцы, перья зелёного лука и зубчики чеснока, варёные яйца и картофелины, ароматные ломти докторской колбасы и серого хлеба. Ещё мама просила отца распечатать ножом обязательную банку килек в томате.

Егорка торопливо набивал живот этими лакомствами, украдкой от родителей прятал в карман шаровар ломоть хлеба и вставал над трапезой, осматривая окрестности. На поле ещё вовсю шла уборка: соседи копали, ковырялись в земле, перетаскивали мешки.

Вдоль полевой дороги замерли «Москвичи» и «Запорожцы» всех расцветок, мотоциклы «Урал», новые «М-72» и старенькие «М-62», яркие «Явы» и скромные «Ижи». Вдалеке от всех одиноко и гордо замерла светло-кофейного цвета «Волга ГАЗ-21» с серебристым оленем на капоте. Егорка гордился, что уже хорошо знает марки и модели всей этой техники, знает, что «Волга» принадлежит толстому, важному начальнику участка, где работает отец, со странной фамилией Макитра.

Егор первым замечал, как с высокого откоса шоссе, ровная ниточка которого виднелась чуть ниже горизонта, на полевую дорогу осторожно съезжала запряжённая в телегу лошадь.

- Дед Алёха едет! – громко объявлял он родителям.

Отец вскакивал на ноги, всматриваясь, прикладывал ладонь козырьком к глазам.

Минут через десять серая лошадь ходко подкатывала тарахтящую на деревянном ходу телегу к делянке. Сидевший на телеге возница резко натягивал вожжи, кричал хриплым голосом: «Тпру-у! – и прибавлял чуть тише непонятное Егорке слово. – Скорбь...» Оно произносилось с такой истовой серьёзностью, что этот любимый дедов перл Егор считал родом из ненормативной лексики, и всякий раз втягивал голову в плечи, когда дед Алёха так «выражался».

Лошадь вставала, как вкопанная, и начинала кивать головой. Дед, покряхтивая, слезал с телеги на землю, засовывал за голенище кирзового сапога небольшой кнут с деревянной рукоятью и заплетённым в косичку ремешком, разминал затёкшие ноги, снимал шапку и бодро здоровался с родственниками. На нём неизменно были фуфайка, чёрные брюки, заправленные сапоги, а поверх всего – чёрный кожаный фартук, в любое время года на голове сидела заношенная зимняя шапка чёрного цвета, с завязанными на затылке клапанами. Егорке дед казался очень старым, ведь ему уже перевалило за пятьдесят, что по меркам мальчика было ужас как много.

Егор знал, что дед Алёха – это отец его отца, который с бабушкой Синой или Аксиной жил «за стенкой» в их общем, построенном на двух хозяев, доме с общими же огородом, баней и отхожим местом.

Однако дед с отцом были совсем не похожи, разве что одинакового среднего роста. Дед был худощавым, черноволосым с яркими проблесками седины, темноглазым и до смешного лопухим. У отца, как и бабушки, фигура была

коренастой, волосы – русыми, глаза – голубыми, а аккуратные уши украшали его симпатичное лицо.

Дед много лет работал конюхом на конном дворе шахты «Черная гора», которая находилась всего в каком-нибудь километре от их улицы, и от деда, от его одежды всегда пахло острым запахом лошадиного пота.

Дед Алёха часто приезжал домой на обед на запряженной в телегу лошади – этой самой – чалой, как называл дед её масть. По его словам, лошадь была уже «в годах». И когда-то она была гораздо темнее, но со временем поседела, только более тёмные хвост и грива выдавали цвет её шерсти в молодости. Лошадь звали Адой, дед объяснял, что в ранние годы она была очень норовистой. «Ну, прямо чистый ад, - рассказывал он внуку и истово крестился при этом. – Может, потому Адой и прозвали».

Он приучил трусившего перед большим животным Егорку приносить лошади кусок хлеба, и вскоре тот начал смело совал хлеб ей в морду, держа его на раскрытой ладошке. И всякий раз мурашки пробегали по руке, когда Ада принимала от мальчишки кусок своими мягкими, тёплыми, осторожными губами.

Дед давал внуку «поругать», когда брал с собой, возвращаясь с обеда на конный двор, сам помогал ему, придерживая вожжи узловой пятернёй. Не раз показывал, как надо запрягать Аду. И Егор знал, что такое хомут, оглобли, постромки...

В день копки картошки дед Алёха ещё ночью выезжал в поле на лошади, чтобы прибыть к завершению их работы. Все семьи вывозили картошку с поля на большом грузовике, а они – на лошади. «Медленнее, зато пять рублей экономим», - объясняла мама.

Дед перекидывал вожжи через круп Ады и ловко заставлял её сдавать телегу назад и вправо. Он встряхивал или натягивал вожжи, громко и зло покрикивал животине: «Сдай, сдай, скорбь!» Та послушно пятилась, и вскоре телега заезжала на их участок и останавливалась рядом с мешками. Отец с дедом Алёхой укладывали их штабелями на телегу, перевязывали крепкой бечевою. А мальчик в это время скармливал лошади кусочки, которые отламывал от хлебного ломтя. Ада старательно съедала их и благодарно махала головой.

Дед на ходу дожёвывал поданный мамой бутерброд, взбирался на телегу, усаживался поудобнее, крестился, приговаривая: «Помогай Бог и японский городской!» Брал в левую руку вожжи, в правую – короткий кнут, щёлкал им, встряхивал вожжами и грозно вскрикивал: «Но-о! Пошла, скорбь!» Ада сдёргивала тяжёлую телегу с места, и они уезжали домой какими-то короткими, известными одному деду дорогами.

В обратный путь родители усаживали Егорку в коляску. Через несколько минут, как только отец выводил мотоцикл на асфальт, парнишка засыпал крепким сном, которому не могли помешать ни треск мотора, ни толчки, ни резкое торможение.

На этом день не заканчивался. Вернувшись домой, родители готовились к приезду деда. Во дворе, на пяточке возле глубокого погреба расстилали большой кусок брезента. Сам погреб заранее готовили к приёму урожая: отец подправлял деревянные решётчатые стенки и пол закровов, разделенных для семенного и «едового» картофеля; картофельную «мелочь», а также повреждённые лопатами клубни – для кормёжки поросёнка – просто ссыпали горкой в углу погреба. Дед Алёха растапливал в погребе костёр – сушил его огнём и обеззараживал дымом.

После этого погребную крышку несколько дней держали открытой, чтобы выветрился запах.

Мама успевала приготовить «перекус» и наскоро накормить мужчин, которые слонялись по огороду в ожидании деда.

И вот вдалеке раздавалось тарахтение тележной колесницы, Ада нетерпеливо бежала под горку – улица, где они жили, шла под уклон – и сама останавливалась у раскрытой настежь широкой калитки. Дед, кряхтя пуще прежнего, слезал с телеги, и за полчаса они с отцом перетаскивали все мешки во двор, к погребу. После этого дед уезжал на конный двор – поить, кормить и устраивать уставшую Аду на ночь. А возле погреба начиналось самое интересное.

К отцу и маме присоединялась баба Сина. Все брали себе по пустому ведру, доставалось ведро и Егорке. Становились кружком вокруг брезента. Отец вытягивал первый мешок на середину круга, развязывал его, валил на бок, ухватывал за нижние углы и, поднатужившись, высыпал содержимое на брезент, опустошал второй мешок, третий. Картофелины норовили выкатиться за пределы брезентовой подстилки, но мама, бабушка и Егор ногами и руками возвращали их на место.

Все усаживались на корточки и начинали выбирать в ведра самые крупные клубни. Скоро все четыре ведра были полны. Тогда отец спускался в погреб, а мама опускала ему туда ведра с помощью верёвки, на конце которой был привязан крюк из толстой проволоки.

Когда крупная картошка заканчивалась, начинали выбирать среднюю – на семена, а оставшуюся мелочь ссыпали в погреб «Ваське на еду».

Отец опорожнял три следующих мешка. И сортировка продолжалось. Чтобы не сбиться со счёта, сколько ведер и в какие закрома засыпано, отец откладывал возле погреба кучки картофелин: слева была кучка побольше – число клубней соответствовало количеству ведер, засыпанных на еду, кучка справа была поменьше – на семена и рядом с ней совсем маленькая – на еду поросёнку...

Сразу после того, как урожай был разобран на составляющие и спущен в погреб, мама разминала отцу поясницу прямо через рубаху и говорила:

- Вот и управились, теперь зиму будем с картошкой...

Тут и дед Алёха возвращался с конюшни. Бабушка уже натопила баню, куда первыми шли женщины, а потом – мужики, включая Егорку. Дед любил попариться как следует, однако делал это по субботам. А поскольку день был будний, мылись на скорую руку, чтобы поужинав, отдохнуть, ведь завтра, кому – на работу, а кому – и за парту.

После бани шли на дедову половину дома. Бабушка накрывала стол с нехитрыми угощениями. Тут было много зелени и овощей, окрошка или борщ, запечённая в духовке курочка, горка круглых вареных картофелин соседствовала с горкой больших, похожих на лапти, жареных пирогов с картошкой.

Неторопливо усаживались за круглый стол в дедовой гостиной, не торопясь, раскладывали еду по тарелкам. Дед сурово осматривал стол и строго бросал бабушке:

- Ну, а где наша?

- Сам знаешь, где... - отвечала бабушка и торопливо шла к буфету за гранёными рюмками, дед же ловко нырнул под кровать и вылезал оттуда с полной прозрачной

жидкости бутылкой, зубами вытаскивал из неё пробку, нюхал горлышко, удовлетворенно кричал и наполнял рюмки. Бабушка с мамой махали на него руками, повторяя: «Мне чуть-чуть!» Однако дед наливал всем по полной, ставил бутылку в центр стола, поднимал свою рюмку и торжественно объявлял:

- За урожай!

- За урожай, - как эхо повторял отец.

Всё чокались и выпивали дедов самогон...

Дед с отцом опрокидывали рюмки залпом. Отец задерживал дыхание, встряхивал головой, вытирал выступившую слёзу и говорил сбившимся на хрип сдавленным голосом: «Крепкая!»

- Ага! - радостно соглашался даже не поморщившийся дед. – Градусов семьдесят, японский городской...

Мама с бабушкой лишь пригубливали и отставляли свои рюмки.

«Семьдесят градусов, - это же горячо, - думал Егорка. – Обжечься можно...»

А за столом завязывался неспешный разговор, в котором взрослые на разные лады повторяли одну и ту же мысль: с картошкой нам ни зима, ни нужда не страшны...

Всё это в мельчайших подробностях и образах вставало в памяти Егора, пока он монотонно поддевал вилами куст за кустом. Из задумчивости его вывел голос Кузьмицкого:

- А ты знаешь, что «плакали» наши денежки?

И они устроили «перекур», хотя оба терпеть не могли курильщиков.

Немного поболтали, пока жена Виталия Татьяна не прервала этот диалог, и снова принялись за работу.

Полоса у Чурсиных была вдвое уже, чем у Кузьмицких. У Чурсиных сорняков почти не было, и жирные кусты картошки возвышались гордыми ровными рядками, а у Виталия стебли осота и молочая стояли такой плотной стеной, что ему приходилось внимательно всматриваться в этот травяной ковёр, чтобы не пропустить полусохшие картофельные ростки. Чурсины дважды за лето выезжали на прополку и окучивали свой клин, а Кузьмицкие, похоже не появлялись тут с посевной.

...Наши журналисты, как и большинство «хomo советикусов», приучены были сажать картофель каждое лето. Не зря говорят: на Бога надейся, а сам не плошай. И когда в сложные периоды жизни доходило до того, что деньги кончались, а в холодильнике бывало пусто, всегда выручала картошечка, особенно, если приготовить её повкуснее. С удовольствием уплетали её в разных видах и Егоровы дочка с сыном, и Виталькины двое пацанов с дочурой. К такому же образу жизни были приучены и родители Галины: у Чурсина тесть с тещей сажали картоху и в огороде, и в поле. Именно тесть – жилистый, поджарый заводской работяга с «золотыми» руками слесаря высшего разряда – научил Егора подкапывать кусты не лопатой, а вилами: и легче, и сноровистее.

У Чурсиных и свой погреб был – в стороне от жилья, на высоком берегу небольшой городской речушки Искитимки. В нём урожай хорошо сохранялся до весны.

Раньше картофельные проблемы Егор и Виталий решали отдельно друг от друга. А этой весной директор Евгений Михайлович позвал их к себе в кабинет:

- Картошку сажать будете? – без обиняков спросил у парней.

- А как же, - не раздумывая, в унисон ответили те. – Как всегда...

- Я тут с землёй договорился, - обрадовал директор. – Недалеко, бесплатно, и земля хорошая. Заводу одному на лето поле выделили, а мы старые знакомцы с их генеральным. Я ему про вас сказал, он «за», чтобы по участку вам дать. Только сюжетик про завод сделаете...

Директор хитровато прищурился, а Виталий проворчал: «Бесплатно, называется...»

- Зато хороший урожай гарантирован, - заверил парней Евгений Михайлович. – Я эти места знаю, поверьте!

Как было не верить заботливому руководителю, выросшему в крестьянской семье, отец которого ещё недавно возглавлял лучший в регионе совхоз.

Егор взял себе пять соток:

- Хватит нам на зиму, - повторил он слышанную когда-то от родителей фразу.

Виталий долго что-то высчитывал, потом решил засеять десять соток.

- Излишки всегда можно продать, - с философским видом прикинул он.

- Сначала их вырастить надо! – подколот Егор.

- Чего там, - Виталий похлопал напарника по спине. – Когда мы отступали перед трудностями?! Да и детей кормить надо три раза в день!

Посевная прошла без особых приключений. Водитель Алик на редакционном «москвиче» отвёз семьи Чурсиных и Кузьмицких на поле вместе с их «семенным фондом», пообещав часа через три вернуть их обратно в город.

Наши «растениеводы» отыскиали свои делянки на поле, размеченном оструганными деревянными колышками. Их участки расположились рядом и тоже были отмечены колышками, на которых химическим карандашом незнакомая рука старательно вывела их фамилии. Друзья живо приступили к работе.

Чурсины справились с задачей быстро: примерно через час все их семена легли в ровные рядки лунок, Егор старательно присыпал их землёй, почти не прислушиваясь к бесконечным рассказам товарища.

А Кузьмицкие приотстали изрядно: Виталий пыхтел и отдувался, то налегал на лопату, то бросал её, увлекательно повествуя очередную историю, вычитанную в газете или подслушанную по телевизору. Татьяна безуспешно подгоняла мужа.

- Пойду, помогу Кузьмицким, - сказал Егор своей Галине.

- Иди, - кивнула та. – Может, он хоть болтать перестанет.

В общем, с посевной управились...

Короткое сибирское лето пролетело быстро. У Егора с Виталием это было напряжённое время – бесконечные съемки, передачи, командировки. Чурсин всё же выкраивал выходной, когда они с Галиной собирались на поле, на прополку. Он звал с собой и Кузьмицкого. Но Виталий всегда находил отговорку, отмахивался: «Мы потом съездим». Видно, что съездить не получилось...

И теперь Галина складывала в ведро крупные, продолговатые клубни розового цвета – в каждом кусте по пять-шесть. А Татьяна трёхпалой «царапкой», изготовленной из толстой стальной проволоки, выковыривала из слежавшейся земли бледно-жёлтую мелочь, которую лишь изредка «разбавляла» большая картофелина...

- Как думаешь, Егор, пираты ещё существуют? – вывел Чурсина из задумчивости новый вопрос Виталия.

Кузьмицкий снова оставил лопату и шагнул к Егору. – Да отдохни ты, - ухмыльнулся он. – Куда она денется?!

Егор отбросил вилы, распрямился, вытер рукавом пот со лба:

- Какие пираты? Что ты выдумываешь! – понимающе улыбнулся он товарищу, легонько похлопав по плечу. Он хорошо знал, сейчас последует рассказ о каком-нибудь необычном происшествии.

- Перекур, девчонки! – крикнул он помощникам. - Сейчас Виталий нас про пиратов просветит.

Женщины оставили в покое вёдра и «царапки» и тоже подошли к Егору. А Виталий расправил плечи, пригладил растрёпанные ветром волосы, весь его вид говорил о том, что он искренне рад своей небольшой аудитории.

- Так вот, - поднял он вверх указательный палец. – В морях до сих пор плавают пираты! Караулят торговые суда, нападают и грабят. А корабельную команду и убить могут... Не веришь, старик? – он внимательно и серьёзно посмотрел на Егора. – Не верите? – повернулся к женщинам.

- Да как тебе не верить, ты же все кишки вывернешь... - попытался отшутиться Егор.

Но Кузьмицкий не принял его интонации, сделал вид, что обиделся на недоверия товарища, но в глазах его сверкнул довольный огонёк, дескать, «зацепил» я вас этой новостью. И он начал вдохновенно и подробно пересказывать вычитанную в «Известиях» заметку о том, что в конце сентября 1992 года из бухты Святой Ольги, что на побережье Японского моря в Приморском крае, настоящие корсары внезапно напали на теплоход «Уссури» Дальневосточного морского пароходства. В полном соответствии с морскими законами прошлых веков, среди бела дня корабль догнало быстроходное судно, на борт теплохода взобрались два десятка вооружённых молодцев. Заперли экипаж в каютах и разграбили партию подержанных заграничных автомобилей, которые моряки везли из Японии на российский авторынок. С машин снимали оборудование, запчасти, зеркала, стёкла. Нападавшие спокойно забрали добычу и убрались восвояси.

- Слава Богу, экипаж не сопротивлялся, и никто не пострадал! - подвёл итог разгорячившийся Виталий. – А если бы наши дёрнулись, их бы постреляли! Это ж пираты двадцатого века!

- Да-а, вот не повезло кому-то... - поддакнул Егор.

- А что смешного?! – опять «завёлся» Виталий. – Представь: ты или твои знакомые заказали морякам тачку, деньги им дали, а тебе взамен машину без руля и колёс. С кого спросить?! Нет, надо наших моряков вооружать. Было бы у наших оружие, отбили бы.

- Или поубивали друг друга, - подала голос Галина.

- Так пираты под выстрелы не полезут, побоятся, - был уверен Кузьмицкий. – Зато люди получают свой товар в целости и сохранности. Я бы...

- Эй, Кузьмицкий! – прервала мужа Татьяна. – Что ты так распереживался? У тебя ни денег, ни машины. Давай копать картошку. Смотри, как мы от Чурсиных отстали, сейчас надо не языком, а руками...

Настроение Виталия сразу упало, глянув на жену, он махнул рукой и поплёлся на свою полосу. Там, поплевав на ладони, взялся за лопату.

...Осеннее солнце миновало зенит светло-голубого осеннего неба, день перевалил на вторую половину. Чурсин пересчитал оставшиеся до конца полосы картофельные рядки, умножил на число кустов в одном ряду – получилась цифра шестьдесят. А урожай и не думал «сдаваться» – клубни шли крупные, ровные. Глаз радовался! Егор не раз чертыхнулся, что захватил мало мешков. Они с Галиной уже добавили в каждый мешок ещё по ведру: вместо четырёх там теперь было по пять ведер.

- Спрошу, может у Кузьмицких есть лишние мешки, - Егор окликнул Виталия, который то и дело громко обменивался репликами с Татьяной:

- Слышь, Виталя, вы мешками не богаты? Что-то мы просчитались. А оставлять на потом неохота...

- Есть! – радостно встрепенулся Кузьмицкий. – Сейчас принесу, - он бросил лопату и потрусил к их общему бивуаку на обочине.

- Вот пять штук, - запыхавшийся Виталий бросил к ногам Егора мешки из более светлой, чем у Чурсиных, холстины. – Если не хватит, ещё дам, - он оглянулся на жену. - Может, передохнём, перекусим? Куда торопиться, успеем, выкопаем...

- Да, нет, - перебил Егор. – Мы уж закончим, потом пообедаем. Нам немного осталось.

- Ладно, потерплю, - согласился Кузьмицкий. – Но передохнуть-то надо. Чего спину ломать? Кстати, я тут одну историю вспомнил, – и он принял «позу рассказчика».

- Помнишь своего друга Владимира Жириновского? Ну, он ещё на выборы президента шёл в прошлом году... Помнишь? Ну, молодой такой мужик, говорун от Бога... Помнишь? Он ещё о себе говорил: «У меня мать – русская, отец – юрист». Как же ты не помнишь?! – он от досады хлопнул себя по ляжкам.

- Да не расстраивайся, помню я этого чудака, - сказал Егор, примериваясь вилами к очередному кусту.

- Ты погоди, послушай, - Виталий взял Егора за локоть, придерживая его трудовое рвение. – Я же за него в 91-м голосовал!

- Я тоже голосовал не за Бориса, - признался Чурсин. – Только кто ж наши голоса считал?!

- Да я не про то... Я ведь почему за него был? – Виталий в волнении почесал нос, оставив на нём грязные полосы. - Партия у него чудная – Либерально-демократическая...

- Сейчас этих партий развелось, как нерезанных собак, - хмыкнул Чурсин.

- Да не в партии дело... - теперь Виталий тёр у себя за правым ухом. – Он о патриотизме здорово говорил. Говорил, надо любить Россию, любить её главный народ – русский, чтобы в национальном вопросе устранить дискриминацию. Говорил, что в любом здании главное не красивые окна или лампочки, главное –

фундамент. Убираем фундамент, и здание рушится! Так и русский народ должен скреплять всю страну...

- Национализмом не пахнет? - спросил Егор. – Что тебя смущает теперь?

- Представляешь! – Виталий понизил голос. – Недавно вычитал, что отца его звали Вольф Исаакович, похоронен в Израиле. Его дядя – Аарон Исаакович, а двоюродный брат – Ицхак. А Жириновский он по матери...

- Так что тебя смущает? В истории всё уже было, - Егор стряхнул с локтя Виталикову руку, копнул и вывернул очередной куст, с которого посыпались крупные картофелины.

- Получается, - развёл руками Кузьмицкий, – нас и защитить некому?! Потому и гнобят титульную нацию...

- Виталий! – перебила его размышления Татьяна. – Ты будешь копать или нет? Совсем от рук отбился!

- Ладно тебе! – громко огрызнулся Виталий. – Не даёшь поговорить с коллегой, а нам завтра, между прочим, с ним в эфир идти! – и уже тише, чтобы слышал один Егор, добавил. – Достала со своей картошкой...

Чурсин переглянулся с Галиной, и оба с трудом сдержали улыбки.

Вскоре Егор выкопал последний куст и присел рядом с женой, руками разгребая картофельные лунки. Урожай был хоть куда, работа спорилась, и конец уборочной приближался.

- Закончим, надо мешки к дороге стаскать. Тяжелые, - прикинул Егор, пробуя на вес неполный ещё мешок.

- Стаскаем, поедим, а потом хочу до рожи дойти, - Галина показала на золотящийся в солнечных лучах недалёкий берёзовый колок. - Красиво там сейчас, тихо и сухо... Пойдешь со мной?

Они снова присели над лунками.

- Как тут уйдешь?! Виталию надо помочь, - пробурчал Егор. – А то мы ночевать здесь будем. Видишь, как они отстали?

- Так он бы меньше говорил... - Галина оглянулась на Кузьмицких.

А Виталий будто почувствовал, что разговор о нём, снова ткнул лопату в землю, закричал: «Переку-у-р!» – и устремился к Чурсиным.

- Не даст докопать! – с досады Галина вонзила зубья «царапки» в большой корнеплод. – Чтобы не больше пяти минут, – и она направилась поболтать к Татьяне.

- Знаете, - бросил ей в спину Виталий, - что готовится ядерная война? – теперь он повернулся к Егору. - Украли контейнер с цезием!..

- Господи! – делано вскинулся Чурсин. – Где? Кто?

- В Атырауской области, - округлил глаза Виталий. - С Гурьевского нефтеперерабатывающего завода похитили контейнер с радиоактивным нуклидом Цезий-137, - сообщил он с видом специалиста-ядерщика.

- Ты хоть знаешь, где это? – равнодушно пожал плечами Егор.

- Зря недооцениваешь! – закипятился Кузьмицкий. – Это южный Казахстан. Не так уж и далеко от нас... Представляешь, выкрали стокилограммовый контейнер из

шахты, которая была закрыта двумя железными крышками. Милиция ведет активные поиски.

- Опять в газете вычитал? – Егор понимающе прищурился.

- Ага, в «Известиях», - рассмеялся Виталий. – Как думаешь, из этого цезия можно атомную бомбу сделать? – уже серьезно спросил он.

- Не знаю, - ответил Чурсин. – Это же ты у нас специалист по всем вопросам...

- Кузьмицкий! - опять прервала их диалог Татьяна. – Хватит болтать! Иди, копай!

Чурсины «добили» свою полосу до конца. Галина держала туго скрученную горловину мешка, а Егор завязывал её куском светлой бельевой верёвки. Потом они волоком перетаскали все мешки на край участка, к обочине просёлочной дороги. Немного передохнули, и Галина отправилась в рощу. «Смотри, осторожнее там!» - Егор долго смотрел ей вслед, любовался тем, как клонившееся к западу солнце подсвечивало золотистым светом её белокурые локоны.

Подхватив пустое ведро, он отправился к Кузьмицким, которые едва перевалили половину своего участка. Проходя мимо Виталия, он подмигнул ему, присел рядом с Татьяной и стал собирать картошку в ведро.

Вдвоём они начали наступать Виталию на пятки. Тяжело отдуваясь, тот без остановки подкапывал кусты, без конца смахивая со лба пот. Работа в таком темпе продолжалась с полчаса.

«Ещё час, и закончим», - не успел подумать Егор, как Виталий отшвырнул лопату и тяжело опустился на «пятую точку»:

- Не могу! – выдохнул он. – Давайте отдохнём!

- Ладно, - согласилась Татьяна. – Пять минут, не больше...

Чурсин тоже сел на землю рядом с Кузьмицким. Тот тут же воспрял духом:

- Представляешь? – начал он, не глядя на товарища. - Один мужик-пенсионер в Ростовской области пришел в строительный цех колхоза и заявляет: продайте мне доски – гроб себе буду делать. Прораб ошарашен! Говорит, что ты несёшь, Иван Иванович, у нас же есть решение правления – покойникам гробы бесплатно делаем. А тот ему: «Это пока делаете бесплатно, а там что еще будет... В городах вон, читал, уж хоронят в полиэтилене...» Короче, так и не отговорили мужика, пришлось доски ему продать!

Виталий весело заржал.

Прыснул смешком и Егор:

- Эту-то историю где взял?

- В «Правде» печатали, - простодушно ответил Кузьмицкий. - С неделю тому...

Татьяна, улыбаясь, смотрела на них сверху вниз, подперев руками бока.

- А что, Виталя, - предложила вдруг она, - может, бросим к чёртовой матери копать? Картошка всё равно не выросла. А с этой мелочью возиться, только время терять! Всё равно придётся покупать её на зиму.

- Согласен! – быстро вскочил тот на ноги и чёрной от земли пятернёй взъерошил волосы. – Хотел то же самое предложить, да ты опередила...

- Поможешь мешки таскать?! – не то спросил, не то он приказал он бодрым голосом Егору.

Втроем они быстро завязали мешки красными кусками бечёвки, которые Кузьмицкий ножом всякий раз старательно отрезал от большого мотка, и переместили весь урожай Кузьмицких поближе к штабелю мешков Чурсиных.

Вернувшись с прогулки Галина расстелила у обочины цветной тряпичный лоскут и выложила на него привычный с детства набор продуктов для обеда на природе: помидоры и огурцы, варёные яйца и сырки «Дружба», докторскую колбасу и серый хлеб, чай в китайском термосе.

- Давай, присоединяйся, - кивнул жене Виталий, потирая от нетерпения руки.

И пока Татьяна вынимала из своей авоськи и укладывала рядом с провизией Чурсиных свою еду, Кузьмицкий отошёл в сторону от компании и принялся копаться в выдавшем виды, пухлом кожаном портфельчике, с которым редко расставался в поездках. Извлёк из него на белый свет фляжку из белого металла, пару маленьких серебряных стаканчиков, потом ещё раз запустил руку в кожаное нутро и вытащил что-то, завернутое в вощёную бумагу с проступившими жирными пятнами.

- Ну, конечно, куда ты без своего сала! – заворчала на него Татьяна.

- Молчи, женщина, дай-ка лучше «складишок», - острым ножом Виталий ловко порезал на тонкие ломтики шматок солёного сала.

Все присели вокруг полевого «стола». Кузьмицкий налил из фляжки в стаканчики прозрачный пахучий напиток, один протянул Егору. Тот понюхал содержимое стаканчика:

- Самогонка? – спросил у товарища.

- Ага, - кивнул тот. – Проверенная. Давай, за урожай! – и опрокинул в рот жидкость из посудинки.

Егор медленно выцедил свою порцию. Самогон приятно обжёг горло, пищевод. Чурсин запил его глотком горячего чая.

Когда принялись за еду, Виталий налил и женщинам, потом – снова себе и Егору. Торопливо прожёвывая куски сала, хлеба, колбасы, он непрерывно рассказывал переложённые на свой лад истории, вычитанные или услышанные им где-то.

- Да помолчи ты хоть минуту! - пыталась остановить его Татьяна. – Вот же, воистину, болтун – находка для шпиона... - но остановить Виталия такими аргументами было невозможно.

Егор хорошо знал это и делал вид, что слушает товарища, кивал ему, думая о своём.

Когда обед подходил к концу, на дороге показалась машина. Это был ещё один редакционный «Москвич» - так называемый грузовой «каблучок», за рулём которого сидел всё тот же Алик. Он резко затормозил возле копальщиков и шустро выскочил из кабины, радостно улыбаясь.

- Грузиться будем? – он распахнул двери фургона. – Чьи мешки вперёд?

- Сначала Чурсины, - ответил Виталий. - Мы – потом. Нас первыми выгружать будем.

- А мы все войдём в машину? – недоверчиво заглянул внутрь будки Егор.

- Не беспокойтесь, Егор Иванович, машина вместительная, слона перевезти можно, - авторитетно успокоил Алик.

Егор с Аликом напряглись и покидали внутрь фургона мешки Чурсиных с белыми завязками, потом Егор с Виталием загрузили мешки с урожаем Кузьминых, перевязанные красной бечевой. В будке «Москвича», действительно, ещё оставалось свободное место.

- Женщин я с собой в кабину посажу, - сказал Алик. – А вам придётся в фургоне ехать. Потерпите, я там лампочку включу, чтобы видно было. Как-нибудь доберёмся.

- Смотри, Алик, вези аккуратно. Сам понимаешь, мы с Егором – груз особый! – Виталий, покряхтывая, влез в будку и устроился на мешке. Егор присел рядом.

Фургон освещала тусклая лампочка. Притихший Виталий внимательно обследовал ближайшие углы и двери: в будке не было ни одной щелочки, и приходилось угадывать дорогу по толчкам и поворотам машины. После просёлка, на котором «москвич» мягко подбрасывало на ухабах, вскоре выбрались на асфальт и поехали быстрее.

- Скоро будет пост ГАИ, и въедем в город, - заговорил, наконец, Кузьмицкий. – А знаешь, твой друг Михаил Сергеевич, всё же отказывается идти в суд, - он хитровато посмотрел на Егора.

- Не понял? - переспросил Чурсин. - Ты про бывшего генсека, что ли?

- Ага, - кинул довольный Кузьмицкий. – Он сейчас в Германии, в Бонне сидит. Его в наш Конституционный суд вызывают, чтобы выступил свидетелем на процессе по делу о КПСС. А он говорит: нет, ребята, моя позиция не изменилась, сказал – не пойду, значит, не пойду!

- Принципиальный, - кивнул Егор и хмыкнул. – Он бы со своей принципиальностью раньше дела делал. А то Союз развалил, а сам по заграницам катается...

- Да Бог с ним, - махнул рукой Виталий. – Я не про это хотел...

Он на секунду замялся, нахмурился и выпалил скороговоркой:

- Мы же – товарищи, помогаем друг другу. Ты – мне, я – тебе. Ты как?

- Ну, - не понял Егор. – Ты к чему?

- Прошу, как друга! – Виталий театрально приложил руку к сердцу. – Помогите семье не помереть с голоду, поделитесь картошкой. Куда вам столько? Ведь, не съедите!

- Ну, ты даёшь! – громко захохотал Чурсин. – Вы же десять соток посадили!

- Посадили, - согласился Кузьмицкий. – Только, сам видел, не уродилась... Слушай, много не прошу, три мешка всего.

- Ну, ты даёшь! – снова воскликнул Егор. – Не знаю даже. Один мешок ещё куда ни шло... У меня, Виталий, ведь тоже дети. А что Галина скажет?

- Так у вас двое, а у меня-то трое. А Галине не скажем, она и не заметит...

- Давай, пока один дам, - подумав, покачал головой Виталий. – А там видно будет. Сам знаешь, с картошкой не угадаешь: она до весны может не долежать, сгнить. Давай пока один, а там, посмотрим, если всё нормально, ещё поделимся...

Машина замедлила ход, повернула налево, направо и остановилась. Алик открыл дверь:

- Виталий Борисович, к вам приехали, давайте разгружаться.

Овощехранилище у Кузьмицких находилось прямо во дворе их дома. Подземное сооружение было укрыто под заросшим травой земляным холмом, внутри – прохлада даже в летнее время и длинный узкий коридор, с двух сторон которого ряды отделений-ячеек, каждое с отдельной дверью и с порядковым номером.

Виталий порылся в портфеле и кинул Егору связку ключей, тихо звякнувших в цепких пальцах Чурсина.

- Иди, открывай хранилище, нашу ячейку найди – номер двенадцать, там тоже замок. Свет включи, там выключатель слева от двери. А мы с Аликом пока мешки выгрузим, - Виталий уже тянул к себе крайний мешок, не дожидаясь помощи водителя.

- Так, может, сам откроешь, а я – мешки. Чего я буду с чужими замками возиться? – попытался возразить Егор.

- Нет-нет, чего ты будешь лишний раз спину ломать, - улыбнулся Виталий.

С замками Егору пришлось повозиться: они оба – на дверях в хранилище и в ячейку Кузьмицких – были с секретом, который без сноровки открыть было непросто. Однако минут через пятнадцать он открыл всё входы и даже, пошарив рукой в темноте по выбеленной стене, нашёл и нажал выключатель, яркий свет большой лампы под невысоким потолком осветил полки с рядами банок, закрома, подготовленные к новому урожаю.

Егор прикрыл дверь и вышел наружу. Возле «москвича» лежали сваленные в кучу мешки, фургон был закрыт, а Галина с Татьяной и Аликом стояли возле активно жестикулирующего Виталия и от души хохотали в ответ на его очередную историю.

- Ну что, давай затарим ваше хранилище! – перебил Егор рассказчика.

- Нет, друг, - Виталий хлопнул его по спине. – Мы – сами. А вы поезжайте. Алику ещё в гараж надо успеть вовремя.

- Да успею я... Ты мешок-то «нашей» взял?- начал было Егор.

- Говорю, езжайте! – «нажал» голосом Кузьмицкий и незаметно подмигнул Чурсину...

Алик довёз Чурсиных до их погреба на берегу Искитимки. Помог Егору выгрузить картошку из машины на землю, предложил:

- Давайте, Егор Иванович, помогу в погреб ссыпать.

- А? - не понял Егор. – Погоди-ка, Алик... - он снова пересчитал свои мешки. Выходило, что двух недостаёт. «Вот ведь уболтал-таки, чёрт языкатый!», - изумлённо усмехнулся про себя. И решил Галине ничего не говорить.

Малый каботаж

1.

Песчаный пляж в этот час был практически пуст, лишь вдалеке от небольшой компании сибиряков загорала молодая парочка. Зеленоватые волны Амурского залива с ленивым шипением накатывали на песчаный берег. Большие приморские чайки громко покрикивали, планируя над водой.

Погода в Приморье наладилась, и от тайфуна, всего несколько дней назад пролившегося на Владивосток тропическим дождём с сильными порывами ветра, не осталось и следа. Разве что вдоль берега тянулась извилистая полоса чёрно-зелёных водорослей попеременно с мелким мусором. Вершины сопки противоположного берега залива, казалось, плавали в разогретом воздухе, не касаясь земли.

Евгений Михайлович, который лишь несколько месяцев находился в должности директора родившейся в Сибирском регионе телекомпании «Копейка», подвернул штанины своих широких семейных трусов до приемлемых на пляже размеров, скрестив ноги, сидел на покрывале, снятом с гостиничной кровати и, щурясь от яркого света, вглядывался в морскую даль.

Главный редактор «Копейки» Егор Чурсин и завхоз телекомпании, он же замдиректора по хозяйственной части, он же «универсал – от скуки на все на все руки», как говорили о нём друзья, Сергей Шатров сидели рядом с шефом и поглядывали на водное приволье, где непрерывно катили белые гребешки волн. У парней тоже не было купальных плавок, но их трусы типа «боксеры» больше, чем у шефа, подходили для посещения пляжа. Впрочем, стесняться тут было некого.

Субботний августовский день 1990 года плыл над Приморьем вместе с ярким, горячим солнцем, отражающимся в воде залива широкой полосой, наполненной нестерпимыми для глаз искрами, отчего наша троица лениво расслабилась и с удовольствием вдыхала морской бриз, наполненный запахом йода. За их спинами привольно раскинулся на прибрежных сопках город своими крутыми улицами, белыми кварталами многоэтажек и зелёными пятнами парков и скверов.

Бутылку с водкой сибиряки предусмотрительно закопали в песок на случай, если на пляж вдруг забредут стражи порядка или добровольные дружинники.

Антиалкогольная кампания в стране, вроде бы, понемногу сходила на нет, но распивать крепкие напитки в общественных местах, точно, было запрещено. За это могли запросто наложить административное наказание в виде штрафа. А членам КПСС, к коим относился их директор и обязан был подавать беспартийным пример здорового образа жизни, в случае чего грозило наказание и по партийной линии. Но настроение в этот выходной у командированных из Сибири во Владивосток было настолько благостное, что не выпить было невозможно.

- Ну что, Серёга, - лениво потянулся Евгений Михайлович. – Налей-ка нам ещё по маленькой. Да пойдём, искупнёмся...

Шатров повернулся к кучке одежды, запустил руку в золотистый песок и извлёк початую бутылку водки с зелёной этикеткой, прозванной в народе «андроповкой» в честь генерального партсекретаря Юрия Владимировича Андропова. Потом из-под покрывала достал голубую фарфоровую чайную чашку, тоже прихваченную в гостинице. Разливая крепкий напиток, он негромко напевал: «На недельку, до второго закопаем Горбачёва. Откопаем Брежнева – будем пить по-прежнему».

Они по очереди с удовольствием выпили, закусили хлебом, кильками в томатном соусе и плавленым сырком. И пошли купаться. Долго плескались и плавали – Сергей широкими саженками загребал далеко в море, Егор с Евгением Михайловичем плавали слабовато и плескались ближе к берегу, то и дело с головой окунаясь в невысокую, солоноватую на вкус волну.

Когда вышли, наконец, на берег, обнаружили возле своей стоянки пожилую седовласую женщину с девочкой лет четырёх-пяти. Они устроились на большом разноцветном полотенце и занимались каждая своими делами. Женщина была крупного телосложения, одета в свободный белый сарафан в жёлтый горошек, сидела, вытянув ноги, и листала толстый журнал, разглядывая цветные фотографии и жирные чёрные иероглифы. Сарафан на полненькой светленькой девочке был маленькой копией бабушкиного, она стояла на коленках и красной пластмассовой лопаткой ковыряла в песке.

- Здравствуйте! – поздоровалась с ними женщина. – Вижу, приезжие вы...

- Почему вы так решили? – улыбнулся ей Евгений Михайлович. – На лбу, вроде, не написано!

- Так местные предпочитают за город ездить. Пляж здесь не самый чистый.

Евгений Михайлович присел возле неё:

- Да, из Сибири мы, в командировку приехали. В гостинице сидеть неохота, вот и решили искупаться, - рассказывал он, легонько поглаживая себя по обозначившемуся круглому животу.

- Отдыхайте на здоровье, только долго не купайтесь, - кивала женщина седой головой. – Тут километрах в двух труба к морю выходит, а из неё всякая нечисть течёт...

В это время Шатров в очередной раз выкопал из песка заветный сосуд и откровенно поманил им Егора к себе, не обращая внимания на возмущённые жесты Евгения Михайловича, которые тот незаметно для соседки подавал землякам.

- Вы пейте на здоровье, - пропела та, повернув к директору голову. – Дело святое, день выходной! Вы, кстати, спиртное по талонам брали или знаете, где у нас за «так» продают?

- Откуда же нам знать? – смущённо развёл руками Евгений Михайлович. – Нет, с собой из Сибири привезли... У нас тоже и водку, и продукты только по карточкам... А, может, и вы с нами за встречу? – осторожно предложил он.

- Ни Боже мой! – замотала та головой. – Не употребляю, но одобряю. Муж мой покойный, моряк дальнего плавания, как на берег сойдёт, бывало, любил выпить. И таким добрым становился... Пейте на здоровье, пока пьётся. А мы пойдём, пожалуй.

Она ласковым шлепком подняла на ноги девочку, сама с трудом встала, отряхнула от песка полотенце, перекинула его через правую руку, левую подала внучке, и они неторопливо удалились в сторону городской улицы.

- Ладно, - сказал Евгений Михайлович, его курчавые рыжеватые волосы трепал лёгкий ветерок. - Наливай.

Они допили «андроповку», доели килек и сыр. Купаться расхотелось, И сибиряки направились в гостиницу, которая находилась в районе Ленинской улицы. Прошли по набережной, прошагали вдоль высокой железной ограды, отделяющей от

переулкa городской стадион с осветительными мачтами, трибунами и футбольным полем, миновали оживлённую проезжую часть и остановили попутку.

2.

Гостиница дома политпросвещения краевого комитета КПСС располагалась в двухэтажном доме и больше походила на обычное общежитие. По крайней мере, в номере, где обитали Егор и Сергей, стояли четыре односпальные кровати, возле каждой – по тумбочке. Посредине комнаты – выдавший виды стол на четырёх ногах, у входа – шкаф для одежды. За удобствами ходили в коридор.

Конечно, директору телекомпании предоставили единственный люкс, с туалетом и ванной. Однако и здесь стены – от пола до середины – как и в остальных номерах, тоже выкрасили в бедно-голубой цвет, а выше – побелили сероватой известью. Зато в люксе стояла большая двуспальная кровать, имелся телефон с круглым диском для набора. С позволения шефа парни отзвонили по нему домой и доложили жёнам, что благополучно добрались до Владика и что погода здесь стоит отличная.

Информация о погоде была немаловажной, ведь в день отъезда их утренний рейс задержали: на Приморье обрушился тайфун. В депутатской комнате сибирского аэропорта, где они ждали посадки, дежурная сообщила о резком ухудшении погоды...

- На сколько задержка? - забеспокоился Евгений Михайлович.

- Кто знает, - пожала плечами девушка. – Пока задержали на два часа, другой информации нет. Может, на несколько часов, а может, на несколько суток.

Так что по домам не разъедешься. Егор с Сергеем выпили кофе, пролистали все журналы, выходили на крыльцо отдельного входа в депутатскую, откуда просматривался кусок взлётной полосы. Здесь Шатров курил очередную сигарету. А Егор в это время устремлял глаза в голубое небо, где беззаботные кучерявые белые облака, неспешно ползли с востока на запад, и, мысленно обращаясь к Богу, хотя, в его существование он вряд ли верил, мысленно молил Всевышнего разогнать над Приморьем тучи.

Всё это время Евгений Михайлович не отходил от одного из пяти телефонов на столе у дежурной, вёл бесконечные деловые разговоры. Их директор ещё совсем недавно трудился замом управления делами Сибирского обкома КПСС, и старые дела ещё не до конца отпустили его. Да и телекомпания только-только становилась на ноги: штат ещё не конца укомплектовали, но уже начали выпускать в эфир одну передачу за другой, и проблем с этим было, что называется, выше крыши.

Но главная сложность у «Копейки» заключалась в том, что для создания программ остро не хватало профессионального оборудования. Пока что новая компания «держалась» лишь на одной видеокамере бытовой форматы Video Home System и паре бытовых видеомагнитофонов с самодельным монтажным пультом.

Кстати, идея основать «Копейку» родилась в кабинетах обкома партии. Авторитет этой конторы в конце 90-х годов начал стремительно падать, а шахтёрские забастовки, которые в их угольном регионе шли непрерывной чередой с июня 1989-го, лишь ускоряли этот процесс.

Советская система давала серьёзные трещины по всему корпусу. В стране несколько лет вели начатую партийной верхушкой в 1985 году «перестройку». Правительство пыталось приспособить плановую экономику СССР к мировым

тенденциям. Но ничего не хорошего из этого не получалось. Плановый социализм порождал всё больше проблем, вместо намеченного ускорения большинство советских предприятий или «тормозили», или вообще останавливались. Чтобы хоть как-то выживать, заводы и фабрики, перешли на натуральный обмен товарами. Зарплату то и дело задерживали. В моду вошло слово «бартер».

Особенно болезненными были сбои в производстве продуктов и ширпотреба. В стране и раньше-то возникал дефицит с бытовой техникой, одеждой и другими товарами, а в последние месяцы у магазинов стали привычными постоянные длинные очереди. В продмагах людей встречали пустые прилавки. Если что-нибудь и попадало на продажу, народ буквально «сметал» любой товар. Поэтому на продукты и спиртное ввели талоны. На водку, например, давали два талона в месяц на одного взрослого. Впрочем, умеренно пьющим, как определял свои потребности Егор, хватало. Однако многие дополняли спиртной рацион самогонном.

Так что советская система трещала по всем швам. Народ в открытую костерил партию и правительство. Чего только не советовали партийные креативщики своим партийным бонзам, чтобы сохранить систему. Так и родилась идея создать в регионе телекомпанию, не связанную с государственным телевидением, рейтинг доверия которому тоже упал, как прихваченный первым ночным морозцем картофельный стебель.

3.

Газетчик Егор с удовольствием пошёл в «Копейку» главным редактором. Хотелось попробовать чего-то новенького в журналистике.

Зарегистрировали телекомпанию, как товарищество с ограниченной ответственностью с уставным капиталом в 10 тысяч рублей. Обком партии выделил новичкам под редакцию треть этажа в своём здании на главной площади города. На должность директора уговорили Евгения Михайловича. Нашли кое-какую технику, заключили договор с телерадиоцентром на трансляцию передач в эфир.

И дело начало понемногу раскручиваться. Новое телевидение на телеэкранах региона, действительно, становилось альтернативой надоевшему официозу всесоюзных каналов. Чурсину нравилось делать программы, где не было политики. С новыми напарниками он находил и снимал в городах и районах области талантливых, творческих людей, профессионалов своего дела. «Копейка», кажется, нащупала свою нишу: у зрителей начал появляться интерес к новому каналу, в редакцию пошли звонки и письма. Но первые передачи давались с трудом – без настоящей телевизионной техники или без «железок», как коллеги Чурсина называли оборудование, они были как без рук.

Обком обещал помочь и с оборудованием, хотя решить эту проблему оказалось нелегко: приемлемую технику можно купить только в Японии, но для этого необходима валюта, американские доллары, например. Однако валюту в стране свободно не продавали. Где взять несколько десятков тысяч долларов? «Ни один банк не даст кредита нашей компании!», – кипятился Евгений Михайлович, обходя в обкоме кабинет за кабинетом с заветным списком техники и доказывая бывшим коллегам, что только они могут помочь. «А как? Где мы такую кучу долларов возьмём?», – разводили те руками.

Решение пришло неожиданно. В Сибирский регион с инспекцией собрался секретарь центрального комитета КПСС Олег Дмитриевич Бакланов, он курировал

космическую отрасль страны и предприятия оборонной промышленности, которых в Сибири было немало. И тогда первый секретарь Сибирского обкома пообещал директору «Копейки»:

- Я попрошу его помочь вам с покупкой оборудования. Валюта у его ведомств есть, имеется и разрешение на выход на японский рынок. Но в ответ вы должны взять у Олега Дмитриевича большое, толковое интервью и показать его, пока он будет здесь, чтобы он сам увидел...

- Сделаем! - обрадовался Евгений Михайлович. – Назовите время и место.

Вести это судьбоносное для компании интервью поручили Чурсину. Вопросы составили в обкомовских кабинетах, они были сухими и официальными, что Егору не понравилось, и он хотел добавить кое-что от себя. Но в интересах дела директор отговорил главного редактора. Чтобы не сбиться с «курса партии», Егору даже посоветовали читать вопросы по бумажке. Впрочем, секретарь ЦК отвечал на них многоречиво и обстоятельно. Словом, помощь «Копейке» пришла: оборудование в Стране восходящего солнца заказали, оплатили заказ валютой, руководству «Копейки» прислали пакет документов и доверенность на получение. Вскоре в телекомпанию пришла телеграмма-уведомление, что корабль доставил технику во Владивостокский порт.

Вот так они и оказались в командировке.

4.

...То ли тайфун оказался слабым, то ли Бог помог самолёту, следовавшему по маршруту Ленинград-Владивосток с остановкой в их городе, взлететь через три часа после объявления о задержке.

Шатров сидел у иллюминатора, директор – у прохода, а Егор дремал между ними. Впрочем, поспать ему не дали – стюардессы раздали пластиковые подносы со скромным обедом в виде сухого пайка. Бывалые пассажиры зашуршали обёртками, доставая домашнюю снедь и бутерброды. Евгений Михайлович тоже вытащил из своей походной сумки копчёную колбасу, Шатров выложил на столик для еды пакет с пирожками. Егор достал к этому три огурца и пару бурых помидорин со своего мичуринского участка.

- Шеф, может, накатим по соточке? – предложил он, легонько толкнув локтем Евгения Михайловича, по приказанию которого каждый участник поездки взял с собой по две бутылки водки.

- Нет, - нахмурился тот. – «Жидкую валюту» трогать пока нельзя. Пригодится ещё. Приедем, осмотримся, тогда...

В Хабаровске – следующей остановки самолёта – приземлились в сумерках: местное время здесь шло на три часа вперёд сибирского. Транзитных пассажиров отправили в аэровокзал ожидать окончания дозаправки лайнера. Пока Евгений Михайлович куда-то отлучился, Шатров с Чурсиным вышли на площадь перед аэропортом. Здесь тусклые фонари боролись с темнотой, ветер гнал по небу низкие облака, но в разрывах между ними сияли звёзды и серебристо вспыхивал кривой диск убывающей луны.

В гостиницу Владивостока они прикатили на такси около полуночи по здешнему времени. С местом проживания Евгений Михайлович определился ещё несколько дней назад, связавшись по телефону со своим недавним коллегой, Николаем Николаевичем, управляющим делами Приморского крайкома партии. Перекусили всухомятку и улеглись спать, чтобы новый день внёс ясность в их планы.

Утром Чурсина и Шатрова разбудило не приморское солнце, а директор, обозвавший их лентяями, готовыми проспать всё на свете, хотя Сибири было всего-то пять утра. Пока парни, угрюмо вздыхая, умывались и чистили зубы, Евгений Михайлович приготовил нехитрый завтрак из остатков хлеба и колбасы и заварил чай.

Потом они поспорили, куда направиться с утра пораньше – в крайком партии или сразу в порт? Парням не терпелось поскорее увидеть новенькие камеры и магнитофоны, и под напором их аргументов директор сдался.

Вежливая администраторша партийного отеля долго и сбивчиво объясняла сибирякам, как добраться до конторы морского порта на улице Стрельникова, указанной в документах у Евгения Михайловича. Парни стоически выслушали худосочную болезненного вида женщину и решили снова положиться на такси.

В ожидании машины они вышли на улицу. Воздух здесь был свеж и наполнен необычными для гостей запахами.

- Морем пахнет... - отметил директор и похлопал по своему небольшому портфелю.

Возле тротуара лихо затормозила серая «Волга» с белыми шашечками на боку. Из машины выскочил маленький смуглый водитель с большим носом, из коротко закатанных рукавов шелковой рубахи в крупную клетку свешивались непропорционально длинные, худые руки, усатое лицо затеняла огромная кепка типа «аэропорт».

- Это вы из Сибири? – спросил он и, быстро обогнув автомобиль, картинно распахнул заднюю дверь. – Пра-ашу! – в его словах слышался акцент сына кавказских гор.

Директор с Шатовым уселись на заднее сиденье, Егор устроился впереди.

- Торопимся или едем с расстановкой? – водитель завёл двигатель.

- Нам не в аэропорт, а в морской порт, - пояснил Евгений Михайлович. - Так что мы не торопимся, вези аккуратно.

«Волга» выехала на широкую Ленинскую улицу. Пассажиры вертели головами, разглядывая красивый незнакомый город. Егор, затаив дыхание, смотрел на необычные фасады, читал мелькающие вывески и таблички. Город с первого взгляда завораживал уникальной архитектурой, разнообразием стилей многочисленных старых зданий. Чурсин с восхищением отмечал, как удачно тут соседствуют дома русского стиля и стиля модерн, барокко и готики, часто встречаются элементы восточной архитектуры, ещё чаще заметно смешение нескольких стилей сразу. Фасады старинных зданий украшают колонны, лепнина из лиц людей, фигур животных...

Улица то плавно шла под уклон, то поднималась вверх.

- Смотри, смотри! – воскликнул он. – Какой знатный дом!

- Это наш ГУМ! – гордо вскинул острый подбородок рулевой. – Знаменитый! Самое шикарное здание в городе!

Три элегантных высоких этажа здания, выстроенного из белого кирпича в современной манере, завершали изящные шпили на крыше.

- Меня другое волнует, - подал голос Сергей. – Советских машин у вас почти не видно, всё импортные.

- Не знаю, как сейчас в Союзе с автостроением? – с гордостью сообщил носатый.
- Только машин у нас сейчас стало выше крыши. Из Японии...

Навстречу им то и дело проносились разноцветные авто неизвестных марок и моделей. Такие же автомобили легко обгоняли «Волгу». Многие из них имели не самый благообразный вид: у одной нет переднего крыла, у другой отсутствует бампер, у кого-то не хватает фар или даже крышки багажника или капота. Руль у всех диковинок располагался с правой стороны.

- Инвалиды какие-то, а не машины, - презрительно бросил Егор.

- Не скажи, - обиженно встрепенулся водитель и почесал нос. – Это «Короллы», «Марки», «Чазеры», «Ниссаны». Лучшие в мире! А если с дефектом, значит, стоят дешевле. Зато в салоне у каждой столько «наворотов» – наш автопром близко не стоит! Их каждый день из Японии везут. Народ за них в драку идёт, «зелёные» налом платит. Вы ведь тоже за машинами приехали?

- А если за машинами, так что? – не унимался Шатров.

- А то! – повернулся к нему шофёр, почти выпустив руль из рук. – Будь осторожнее! Машину возмёшь, сразу заливай полный бак бензина, бери ещё полные канистры, инструменты заранее купи и шины, и резину про запас... Хорошо бы и оружие! Даже в отель не заезжай! Сразу рви когти из города! На трассу и дави на газ. Ехать надо без остановки днём и ночью, как можно дальше от Владика...

- Что, так страшно!? – усмехнулся Чурсин, он хотел добавить что-то вроде, что у страха глаза велики. Но носатый перебил его, с досады стукнув по рулю кулаком:

- Как ты не понимаешь! Мафия у нас, бандитизм! Они перегонщиков на дороге тормозят, машину отбирают... Хорошо, если отпустят, а то ночью и «завалят»!

- Да мы не за машинами приехали, - вмешался Евгений Михайлович. – Не пугай парней! У нас другие дела.

Козырёк широкой кепки обиженно уткнулся в рулевое колесо, а Егор опять уставился в окно. Засмотрелся на красивое трёхэтажное здание с ажурными арочными проёмами над окнами, чуть шею не вывернул.

- Почтамент это, - равнодушно прокомментировал водитель.

Слева, между домами и зелёными уголками скверов, мелькали виды бухты Золотой Рог. Они увидели скульптурные группы из чёрных фигур солдат и рабочих, в центре композиции – огромный красноармеец в шинели, будёновке, с горном и знаменем в руках.

- Это борцам за Советы. Здесь наша центральная площадь, - прозвучало из-под кепки.

- А вон та высотка? – ткнул пальцем в окно директор.

- Высотка? – вновь оживился водитель - Крайком ихней партии... Этот дом в народе «белым зубом» зовут. У нас везде дома по три-пять этажей, а тут чуть не двадцать, – и начал энергично крутить руль влево, поворачивая на Алеутскую.

И пока, огибая высотку, проезжали оживлённый перекрёсток, Чурсин начал считать этажи и сбился: «Нехилая у них партия, - глубокомысленно заключил он. – На тринадцать этажей выше сибирской...»

- А тут у нас вокзалы, - дорога была свободна, и водитель «притопил» педаль газа:

- Во-он та стекляшка, - показал он налево, - морвокзал. Левее гляньте, на теремок. Это наш железнодорожный вокзал. Ему где-то лет восемьдесят... Красивый!

Вокзал с широкими лестницами, со столбами и ажурными арками, с высоким конусом крыши и чудными башенками в древнерусском стиле был похож на сказочный терем.

- Лепота! – искренне восхитился Егор.

- От этой сказки до Москвы семь дней на поезде ехать надо! – с гордостью сообщил таксист. – Во страна у нас!

Дальше над крышами зданий шевелились железные «руки» портовых кранов. В той стороне между домами опять замелькали полосы воды...

5.

На улице Стрельникова, водитель лихо подкатил к дому с большой вывеской «Порт Владивосток». Здание с голубым фасадом состояло из двух – трёхэтажной и пятиэтажной – половин. Сибирякам пришлось походить по этажам, пока они нашли нужный кабинет.

Они вежливо постучали в дверь и один за другим осторожно вошли в небольшую комнату. Женщина средних лет работала за столом, заваленным папками и кипами бумаг.

Евгений Михайлович представился, достал из портфеля и передал ей паспорт, договор на покупку оборудования, список техники, телеграмму о том, что «посылка» прибывает в порт, доверенность.

- Садитесь, - сухо предложила хозяйка кабинета. – Придётся подождать, - и принялась рыться в бумажных стопках.

У приставного столика возле стола было только два стула, директор и Шатров тут же заняли их. Егору места не хватило. Он быстро осмотрел помещение, заставленное шкафами, где за стеклянными дверцами стояли ряды толстых папок, и подошёл к окну, обрамленному куцыми светлыми шторами.

За окном открывался вид на залив и порт с прямоугольниками складов, причалами, и портовыми кранами. В заливе на рейде стояло несколько судов. А у ближнего причала медленно разворачивался грузовой корабль. Яркое солнце высвечивало его ржавый железный бок. Всю верхнюю палубу заставили разноцветными автомобилями. Здесь были легковушки, грузовички, небольшие автобусы. Они занимали всё свободное пространство, каждый пяточок палубы. Машинам было так тесно на судне, что часть из них свешивала задние колёса за борт.

- Ого! – удивился Чурсин. – Сколько машин привезли. А кроме японских машин ваш флот что-нибудь возит?

- А как же! - резко откликнулась хозяйка и, как показалось Егору, в её голосе прозвучала нотка обиды. – Машины, молодой человек, это для нас лишь малая часть работы, - она не отрывалась от поиска нужных бумаг. – Между прочим, Владивостокский морской торговый порт стоит в незамерзающей бухте, поэтому работаем круглый год. У нас десятки причалов. Грузим слябы, заготовку, сталь в рулонах, чугун, металлолом, уголь, кокс, серу, зерно. В Корею возим, в Японию, Китай, Тайвань, Таиланд, Вьетнам, - разговорилась она, по-прежнему не поднимая головы. – А каботажные перевозки?! Тут вам и техника, и

стройматериалы, и нефть. У нас грузооборот... - женщина вдруг замолчала и внимательно посмотрела на директора:

- Нет вашего груза, - на её переносице возникла озабоченная складка, - В порту нет и на ближних рейдах нет...

- Вас, извините, как зовут? - заволновался Евгений Михайлович.

- Татьяна... Петровна, - она поправила жидковатую светлую чёлку.

- Как же нам быть, Татьяна Петровна? - развёл руками Евгений Михайлович. - Мы за тысячи километров к вам прилетели, из Сибири.

- Из Сибири? - удивилась та.

- Представьте себе! - привстал директор. - Давайте ещё поищем, - и он придвинул к Татьяне Петровне бумажную стопку.

- Я внимательно посмотрела, - хозяйка кабинета с сожалением вздохнула. - Лучше, давайте так. Вот мой телефон, - она быстро записала номер на клочке бумаги и подала директору. - Позвоните ближе к вечеру, а я ещё раз всё внимательно посмотрю...

6.

Когда вышли из конторы на улицу, Егор спросил у Сергея:

- Что такое каботажные перевозки?

Тот не успел рта раскрыть, вмешался Евгений Михайлович:

- Это если корабли возят груз внутри Союза...

На их призыв остановился чудной автомобиль, передние крылья у него были красного цвета, двери - синего, а кузов - белого. За рулём сидел молодой бородатый мужик в чёрной футболке, с гладко выбритой головой.

- Куда? - спросил он сочным баритоном.

На этот раз впереди уселся директор, машина плавно тронулась с места, быстро набирая скорость. Этот водитель был явно не из говорунов, но Егору не терпелось удовлетворить своё любопытство:

- Что за марка у вашего автомобиля?

- «Тойота», - буркнул в ответ бородатый.

- А почему такой странный раскрас? - не унимался Чурсин.

Здоровяк небрежно глянул на него через зеркало заднего вида, в его светлых глазах Егор увидел ехидную насмешку.

- Вообще-то, это цвета российского флага, если что, - отчётливо выговорил он и многозначительно замолчал.

Когда проезжали мимо крайкома, Евгений Михайлович вдруг хлопнул по крепкому плечу владельца «Тойоты»:

- Стой! Мы выходим, - он повернулся к парням. - Навестим коллегу.

На входе в крайком Евгений Михайлович показал постовому своё старое удостоверение из Сибирского крайкома, которое дальновидно не сдал на старой работе. Расторопный милиционер позвонил куда-то по внутренней линии, проверил паспорта у директорских спутников, записал всех троих в журнал и пропустил внутрь «белого зуба».

После уличной жары здесь приятно веяло прохладой. Через широкий холл, отделанный светлым мрамором, сибиряки прошли к лифту.

Кабинет управляющего делами нашёлся без труда, к нему по длинному коридору вела красная ковровая дорожка с узким белым узором по бокам. Навстречу им из-за широкого двухтумбового стола поднялся крепкий седой мужчина лет шестидесяти в светло-сером костюме.

- Евгений Михайлович? – безошибочно выделил он директора. – протянул ему широкую ладонь и представился, - Николай Николаевич... Мы раньше не встречались?

- Нет, - широко улыбался директор «Копейки». – Только по телефону...

Они уселись на стоявший у стены диван и завели оживлённый разговор. А парни бродили по просторному кабинету, рассматривали сувениры и безделушки со всего света, расставленные на журнальном столике, тумбочках, полках шкафов. На стене над столом управляющего делами висел портрет партийного генсека и одновременно президента СССР. Егор всмотрелся в умное лицо, а потом изумлённо прошептал: «Смотри, Серый, а пятно на лбу заретушировали! Будто и нет его...»

Между тем Николай Николаевич принялся названивать по телефону в порт, выясняя ситуацию с их грузом. После пятого звонка и многословных переговоров он рявкнул в трубку: «Так ищите, чёрт возьми, и сразу доложите мне!», - и в сердцах брякнул её на аппарат.

- Вот так у нас: взбаламутят людей, вызовут за тридевять земель, а груз теряют...

- Как теряют? – удивлённо поднял брови Шатров.

- Нам без этой техники нельзя, - жалобно вторил ему Егор.

- Просим разобраться и помочь, Николай Николаевич! – вставил директор.

- Конечно, разберёмся, мужики. Найдём вашу технику. Куда она денется?! У них там тысячи тонн грузов, тысячи адресатов. Запутались! Бывает, найдётся ваш груз, - он замолчал, а потом предложил извиняющимся тоном. - Давайте, я вас по крайкому проведу. Когда вы ещё моё хозяйство увидите...

Минут сорок они бродили по этажам и коридорам. Вдоль одного из них тянулась надпись: «Владивосток далеко – но ведь город-то нашенький». В.И. Ленин». Заглядывали в кабинеты, где сидели секретари и заведомы партийного комитета. Побывали и на седьмом этаже, где сидел сам «Первый». Лица и обустройства кабинетов смешались в памяти Егора, как стекляшки калейдоскопа. Больше всего ему запомнились шикарные виды города, которые открывались из многочисленных окон крайкома, Владивосток уютно разместил на холмах свои кварталы. Он долго изучал, как выглядит сверху центральная площадь с перекрёстком, забитым в этот час транспортом, скульптурами, куском бухты и порта с кранами и судами. «На каком из них наша техника?» - думал он, пытаясь рассмотреть палубы далёких кораблей.

Тем временем, Николай Николаевич повёл гостей в гараж, который располагался в «нулевом» этаже «высотки». Машинные боксы были пусты – все служебные авто находились в разгоне. Но управляющий привёл их сюда не для того, чтобы показать пустые помещения.

В самом дальнем углу гаража стоял накрытый брезентом легковой автомобиль. Николай Николаевич ловко скинул с него брезентовое покрывало, и глазам гостей

предстало настоящее чудо зарубежной автомобильной техники. Широкий и шикарный, он с достоинством поблескивал чёрными лакированными боками, в которые можно было смотреться, как в зеркало. Хромированные бамперы, ручки дверей, молдинги, зеркала и причудливая «обрисовка» четырёх передних фар гордо и вызывающе блестели в свете гаражных неоновых ламп.

- «Ниссан Президент», - с гордостью представил управляющий этого красавца. Открыл переднюю дверцу: «Полюбуйтесь на салон...»

Белые кожаные сиденья. Двери, панель приборов и рулевое колесо отделаны красным деревом!

- Да-а! – восторженно протянул Евгений Михайлович. – Чей же это красавец?

- Да так... - уклончиво ответил Николай Николаевич. – Одного товарища... А хотите, я вам помогу по машине купить?

- Мне точно не надо! – поднял руки Чурсин.

- Вы нам лучше помогите груз найти, - ввернул Шатров.

- Ладно, - вздохнул управляющий. – Обещал... Поживите пока у нас во Владике пару дней. В море искупайтесь, погода-то какая стоит!

Они договорились пригласить его на обед в партийный отель. А он вызвал «дежурку», чтобы подбросила их до гостиницы.

7.

Обеденное время давно прошло. Егоров желудок уже и забыл про утренние бутерброды и негромко заявлял о себе тихим ворчанием. А Сергей высказался громко и определённо: «Жрать хочу, не могу!» Директор же конкретно предложил сходить в магазин за продуктами, ибо ресторан на командировочные не потянуть.

Недалеко от гостиницы они обнаружили «Гастроном» и решили изучить ассортимент местных продуктов. Внутри царил духота, покупателей почти не было, полки и витрины выглядели пустовато, однако в отличие от сибирских магазинов, здесь был большой выбор рыбных консервов.

На одном из прилавков высилась аппетитная горка знатных солёных селёдок, рядом стоял внушительных размеров эмалированный таз, доверху наполненный свежемаринованной морской капустой, стебли которой были крупно порублены вперемежку с мелко нарезанными луковыми колечками, и всё это крошево, сдобренное растительным маслом, вкусно поблескивало. Возле прилавка несколько молодых продавщиц в коротких белых халатах что-то оживлённо обсуждали, не обращая внимания на посетителей.

Сибиряки подошли к ним, и Евгений Михайлович громко и вежливо произнёс: «Здравствуйте, девушки! Что у вас можно купить на обед?»

- Селёдку вот берите, - ответила за всех высокая брюнетка. – Морская капуста очень вкусная... - добавила она, даже не повернув головы.

- А колбаски, девушка, нету? – как можно жалобнее спросил Сергей. – Приезжие мы...

Лишь теперь брюнетка посмотрела на него с интересом, а остальные продавщицы быстро направились по своим местам.

- Мясо и мясные продукты у нас только по талонам. У вас талонов-то нет, - заключила она. – А рыбу продаём свободно. Сколько возьмёте?

- Две штуки взвесь и... – начал Шатров.
- Нет, - вмешался Евгений Михайлович. – Заверните три селёдки...
- И кильки в томате давайте, - вставил Чурсин. – Я их люблю!

Потом начали высчитывать, сколько взять капусты. Начали с двухсот граммов, потом решили купить полкилограмма. Но черноволосая уверенно предложила:

- Возьмите весь килограмм. Её только привезли, свежая, вы такую капусту точно не ели!
- Уговорили, давайте, - согласился Евгений Михайлович и пошёл с Егором по залу, рассматривая витрины.

Продавщица поместила на весы большой квадрат вощеной бумаги и совком принялась накладывать на неё капусту. Из-под прилавка послышалось громкое сопение.

- Кто это? – испугался оставшийся у прилавка Сергей.
- А-а? – протянула черноволосая. – Это Магда... - и она бросила взгляд себе под ноги.
- Не понял... - Шатров по-хозяйски обогнул прилавок и заглянул внутрь.

Там на строганных досочках на бетонном полу сладко спала девица в белом халате. Руки сложила под щёку и громко посапывала, от чего её светлые длинные кудряшки шаловливо шевелились.

- Ну и ну! – усмехнулся Сергей. – В рабочее время, на рабочем месте...
- Работа тяжёлая, устаём, - начала оправдываться продавщица. – Да и жара, сами видите... - она подбоченилась и вызывающе подняла подбородок. – Вам-то какое дело!? Вас же обслужили, причём, вежливо.
- Спасибо, девушка, - галантно склонил голову Шатров. – Меня, кстати, Сергеем зовут. А вас?
- Лиля, - она нахмурилась. – А вам зачем?
- Да так, - улыбнулся Шатров. - Вдруг пригодится, - он подхватил свёртки с покупками. – Спасибо, Лиля...

Такой морской капусты, такой селёдки они действительно никогда не едали! Жирных рыбин уписывали с наслаждением, не торопясь, смакуя каждый кусочек. Следом распечатали консервы с килькой, вспомнили про сырки «Дружба». Под эту закуску влёгкую ушла одна бутылка сибирской водки, потом и вторая. Когда директор вдруг вспомнил про звонок в порт, рабочий день давно закончился. Поздний обед разморил до такой степени, что они решили лечь спать. К тому же биологические часы сибиряков дали в Приморье сбой, и впечатлений за день было выше крыши.

8.

Утром парней опять разбудил Евгений Михайлович. Он демонстративно громко хлопнул дверью: «Здоровы же вы спать, молодёжь! Уже и по местному времени солнце высоко, а в Сибири так вообще обед!»

- Новости из порта есть? – сел в кровати завхоз.
- В общем, я не дозвонился до Татьяны Петровны. Суббота... - нахмурился директор.

- И что? – лениво потягиваясь в постели, спросил главный редактор.

- И ничего! - в сердцах махнул рукой шеф. – Зависли мы здесь. – Евгений Михайлович присел на Егорову кровать. - Я тут и с Николай Николаичем уже потолковал, пригласил его на вечер в гости, часиков в шесть. Так что после обеда готовиться будем. А пока предлагаю на пляж. Я узнал, он недалеко. Что вчера не доели, возьмём с собой...

После купания и прогулки по городским улицам аппетит разыгрался не на шутку. Солнце палило во всю, и прохлада гостиницы приятно охлаждала. Но Евгений Михайлович не дал парням расслабиться.

- Вам надо в магазин идти, - не терпящим возражения тоном, скомандовал он. – На перекус сейчас что-нибудь возьмите и на вечер посмотрите консервы, сыра, хлеба, селёдки... Капуста морская мне вчера очень понравилась. К чаю... - он порылся в своём портфеле и подал Шатрову красную десятирублёвую купюру. Потом ещё покопался в кожаной портфельной середке и вынул две мятые зелёные «трёшки». – Выпить у нас есть, а вот с закуской... Да! – он покачал головой. – А ведь недавно было время! Довели страну... С девками-продавщицами поговори, Сергей, может, посоветуют что...

В магазине по-прежнему было малоллюдно. На этот раз за знакомым прилавком стояла та самая девушка, которую в прошлый визит Сергей обнаружил спящей. Сейчас она по-хозяйски упёрла руки в бока, и во все голубые глаза с интересом смотрела на Шатрова, а тот улыбался ей в ответ.

- Здравствуй, Магда, - слегка прокашлявшись, проворковал он, а на её удивлённый взгляд откликнулся усмешкой. – Нас вчера Лиля познакомила. Правда, ты этот момент под прилавком проспала...

Егор отметил у полноватой Сергеевой собеседницы морщинки и круги под глазами, на вид ей было за тридцать. Ростом она едва доставала Шатрову до плеча.

- Ох уж эта Лиля, - в тон ему ответила Магда и тряхнула кудряшками. – Дома устаю, дети достали. Отдыхаю на работе! Лиля! – громко позвала она. – Иди сюда, твои знакомые пришли. Надо обслуживать...

Из двери, ведущей в магазинные внутренности, показалась вчерашняя высокая брюнетка.

- О!? – сегодня она была более любезна. – Привет, Сергей! Как вам наши продукты.

- Вкусно... - попытался обозначить себя Егор, но на него не обратили внимания.

- Эх, девчонки, - Шатров дурашливо развернул объятия. – На ваше счастье, опять кушать хочется, - и он принялся подробно обсуждать с ними, как лучше решить поставленные Евгением Михайловичем задачи на вечер.

...Глаза у директора ошеломлённо округлились, когда в его люксе из большой авоськи они выкладывали на стол продукты. Здесь были вкусные увесистые куски розовой ветчины и серо-белой буженины, обсыпанный красным перцем венгерский шпик, палка сервелата и полбатона свежей ароматной докторской колбасы, банки с рыбными консервами и говяжьей тушёнкой, завернутые в толстую бумагу селёдка и морская капуста, хлебные булки, плитка шоколада, кульки с печеньем и конфетами и другими мелочами, яблоки и минералка.

- Откуда? – только и смог он спросить.

Егор развёл в стороны ладони, мол, это не я.

А завхоз вместо ответа сообщил:

- Водки только не дали, у них с этим строго...

- Куда же ещё?! И так, молодцы! – похлопал их по спинам довольный директор.

- Погодите, шеф, он не всё доложил, - Егор подмигнул Евгению Михайловичу и кивнул Шатрову.

Тот смущённо опустил глаза:

- Да, я девчонок тоже на обед пригласил...

- Каких девчонок? – не понял Евгений Михайлович. – Сколько?

- Магду и Лилю, - засмеялся Сергей. – А иначе, откуда это всё...

- Ну, парень, даёшь! – директор и не думал сердиться.

...Николай Николаевич появился около шести вечера. Он был во вчерашнем сером костюме, на лбу, ниже полоски зачёсанных назад седых волос, блестели капельки пота. Управляющий местными партийными делами тяжело дышал после подъёма на второй этаж гостиницы, крепко сжимая в руках толстый портфель.

Стол в директорском люксе стараниями Евгения Михайловича был накрыт по высшему командировочному разряду. Он сообщил администратору отеля, что к ним в гости прибудет сам управляющий делами крайкома, и ему сразу выдали красивые фарфоровые тарелки и тарелочки, вилки и ножи, даже приличное «стекло» для крепких напитков.

Управляющий, впрочем, осмотрел стол равнодушно, одним движением сдвинул в сторону тарелки с закусками, водрузил на освободившееся место портфель, ловким щелчком открыл его, вынул и поставил рядом с двумя запотевшими бутылками «андроповки» поллитровку армянского коньяка. «От меня вашему столу», - сообщил снисходительно и рядом с коньяком положил стеклянную баночку красной икры.

- Это ещё не всё, парни, - Николай Николаевич нашарил в портфельных недрах тонкую картонную папку. – Нашли мы, Женя, ваш груз. Вот документы, - он протянул папку директору.

Сибиряки по-настоящему обрадовались этой новости. Сергей крикнул:

- Николаю Николаевичу наше благодарное «ура».

- Ура! – трижды прокричали они с Егором, а Евгений Михайлович приобнял коллегу.

- Одно «но», парни, - Николай Николаевич шутливо ткнул директора в бок кулаком. – Ваш груз сейчас не во Владивостоке, а в Находке.

- Вот те раз! – воскликнул директор. – Как он туда попал?

- Когда его сюда привезут? – спросил у партработника Шатров.

- А вот теперь можно и выпить, - потёр руки управляющий. – И я всё объясню.

Они выпили за знакомство. Молодёжь – водку, старшие – коньяк.

- Перед вашим приездом на Владик «упал» тайфун, - начал Николай Николаевич. – У нас это бывает...

- Да мы знаем! – нетерпеливо перебил Сергей.

- Коли знаете, так вот вам: из-за погодных условий корабль с вашим грузом несколько дней не мог в нашу бухту войти. И его перенаправили в Находку, так сказать, по малому каботажному маршруту. Там волна была меньше, и его сразу поставили под разгрузку. Ну, а документы грузополучателям сразу не «выправили»... Груз лежит на складе в Находке.

Он подцепил вилкой кусок ветчины и отправил его в рот:

- Надо вам в понедельник в Находку ехать, - тщательно пережёвывая закуску, рассуждал он. - Одним днём не обернётесь. С гостиницей там полная труба, но я договорюсь. По океану плавали? То-то и оно! Предлагаю туда идти морем. А обратно с грузом – по берегу. С транспортом договорюсь. Давайте-ка, по второй – за успех дела...

9.

Из коридора в номер осторожно постучали. Сергей в два прыжка оказался у двери и широко распахнул её. На пороге стояла и широко улыбалась Магда, а над её макушкой скромно возвышалась Лиля.

- Проходите девчонки, - галантно поклонился Шатров, пропуская их в комнату. «Как преобразились!» - отметил про себя Чурсин. А те были хороши: глаза и губы подвели, а короткие тёмные платья и туфли на каблуках стройнили их фигуры.

Мужчины за столом встали. Управляющий выпятил грудь, его глаза плотоядно вспыхнули:

- Де-е-вочки! - смачно протянул он и, повернувшись к Евгению Михайловичу, - с чувством прошептал: «Ну, Женя, ну, ты даёшь!»

- Это не то... - скосив губы в его сторону, зашептал директор.

- Что же мы стоим? – оборвал Николай Николаевич и стал снимать пиджак. – Проходите, девочки, садитесь! Сергей, Егор, дайте дамам стулья.

Пока парни бегали в свой номер за сидячими местами, гости выставили на стол три бутылки «Жигулёвского», бутылку красного «Каберне» и бутылку белого «Рислинг».

- Пиво наше, приморское, - отрекомендовала Магда.

- А вино – сухое, болгарское, - добавила Лиля.

Все перезнакомились. Магда уселась между Евгением Михайловичем и Сергеем, а у Лили с одной стороны оказался Николай Николаевич, с другой – Егор. Управляющий расправил плечи, снял и бросил на кровать галстук, расстегнул ворот рубашки, сам себя назначил тамадой и стал так безудержно говорлив, что никому не давал рта раскрыть.

По его команде подняли рюмки за знакомство, потом – за женщин, пили за дружбу между мужчинами и женщинами, за любовь, за судьбу, которая сводит людей вместе, за женскую красоту и молодость, за здоровье присутствующих, за тех, кто в море и снова за любовь...

Продавщицы пили вино, попробовали и коньяк. Мужчины употребляли то, с чего начали. Затем, начальство приобщилось к водке, которую с удовольствием запивали пивком и старательно закусывали. По крайней мере, Егор с удовольствием отведал всего, что было на столе.

Николай Николаевич, не умолкал, вспоминая анекдоты, острил и подмигивал всем подряд, не забывая наполнять Лилину рюмку. Лиля сидела прямо, тихо, скромно

всматриваясь в свою тарелку. Евгений Михайлович улыбался и поддакивал коллеге по партии. Магда заливисто смеялась, без конца поправляла свои кудряшки и посматривала на Сергея. Тот сдержанно усмехался в ответ на её взгляды. Егор с любопытством разглядывал всю честную компанию и по команде управляющего наполнял рюмки.

Сергей и Магда с каждым глотком спиртного всё больше бледнели, директор с Егором порозовели, а управляющий партийными делами сделался пунцово красным, как свежесваренный рак. Лицо Лили сделалось ещё смуглее...

- Загляни-ка в наш холодильник, - попросил Чурсина директор.

Егор достал ещё бутылку водки. «Последняя», - сказал Евгений Михайлович, взял её в руки и, скрывнув металлическую пробку, начал разливать по рюмкам.

- А нам с Лилей хватит! – начальственным тоном произнёс Николай Николаевич и по-хозяйски положил широкую ладонь на коленку девушки.

- Вы что себе позволяете!? – взвизгнула та, оттолкнула его руку и вскочила на ноги. – Магда, нам пора домой!

- Что ты, Лиля, – недовольно поморщилась подруга. - Давай ещё посидим, время-то детское. Компания хорошая...

- Вот именно, садись на место! – поднявшись со стула, командирским тоном приказал управляющий. – Что за игрушки, Женя? – повернулся он к директору. – Мы так не договаривались!

- Я же тебе сказал: это не то, что ты думаешь, - попытался успокоить его Евгений Михайлович.

- Как не то? Это не мне? – Николай Николаевич расправил широкие плечи и побагровел ещё сильнее. – Как же так!?

- Всё! – Лиля подхватила свою сумку. – С меня хватит! Можешь оставаться, а я ухожу! – и она решительно вышла из номера, гроыхнув дверью на всю гостиницу.

Плечи Николая Николаевича опустились, он осторожно присел на стул, и как будто сдулся и стал меньше, и старше. «Как же так, - тихо и растерянно бормотал он, покачивая седой головой. – Я думал... мне было приятно», - он опустил голову на грудь и замер, прикрыв глаза.

На несколько секунд над столом повисла тишина, которую нарушила Магда, прыснув в кулак. Николай Николаевич вздрогнул от этого звука, медленно встал.

- Пойд-д-у-у я, - выдохнул он. – Женя, проводи до машины...

Евгений Михайлович взял его пиджак, галстук и портфель и под руку повёл опьяневшего управляющего на улицу.

- Мы тоже пойдём, пожалуй, - Сергей выразительно посмотрел на Егора. – Ты пока убери тут, - и красноречиво подмигнул Чурсину.

Оставшись один, Егор первым делом включил телевизор, сделал себе основательный бутерброд с мясной нарезкой и, запивая его минералкой, уселся в единственное кресло перед экраном.

Примерно через час они с Евгением Михайловичем восстановили в люксе порядок, упаковав остатки еды в холодильник. Егор, не зажигая света, осторожно ступил в темноту своего номера. Здесь царил тишина, но он чувствовал, что она

была обманчива и таила в себе напряжённую затаённость. Из-за отсветов уличных огней в комнате царил полумрак, в котором Егор заметил на кровати Сергея нечто бесформенное. Он не стал всматриваться в этот непонятный ком. Да и голова кружилась и требовала отдыха. Он выбрал кровать в противоположном от Шатрова углу, сдёрнул с неё покрывало и, не раздеваясь, улёгся поверх одеяла и мгновенно погрузился в сон...

10.

Утром их снова поднял Евгений Михайлович.

- Подъём! Всё на свете проспите! – распахнув дверь, объявил он.

Шатров бодро вскочил с кровати, подхватил полотенце и, весело насвистывая, умчался умываться. А Егор с трудом оторвал тяжёлую голову от подушки, во рту было сухо и противно, очень хотелось пить.

- Пить хочу... - с трудом выговорил он.

Директор, казалось, только этого и ждал:

- Выбирай! – протянул он Егору руки, в одной была бутылка «Жигулёвского», в другой – минералка.

Чурсин в несколько глотков выпил всю воду и нашёл в себе силы встать с постели. Они вяло пожевали вчерашних деликатесов и решили выйти в город, благо солнце грело вовсю. «Зато рано утром такой туман за окном был! Вы не представляете! – рассказывал за завтраком начальник. – Я думал, всё! Дождь будет. Ан нет, солнышко!»

...В этот раз остановили «праворульную» машину, у которой напрочь отсутствовал передний бампер.

- Зачем тормозишь, если у тебя авто сломано? – наклонился к окну водителя Шатров.

- Обижаете, парни! – звонко огрызнулся молодой водила, половину лица которого скрывали большие солнцезащитные очки. – Моя ласточка любому «Жигулю» сто очков вперёд даст. Садитесь, если не передумали...

Егор примостился впереди.

- Ты нас в центр подбрось, к памятнику какому-нибудь. Чтобы на корабли посмотреть, - попросил Сергей.

- К подлодке – пойдёт? – уточнил водитель.

- Пойдёт, - хором согласились они.

Он предложил подвезти их до настоящей подлодки, которая стоит на Корабельной набережной бухты Золотой Рог. «Это недалеко. Оттуда пешком дойдёте до центральной площади, - объяснял он клиентам. – А вы, правда, из Сибири? Уважаю! Денег не возьму...»

Ехали всего несколько минут, выходя из машины, Евгений Михайлович вложил в протянутую на прощание ладонь водителя сложенную купюру, возражений не последовало.

По набережной в оба конца текли людские ручейки – гулял разнокалиберный народ: молодые парочки, степенные пары в возрасте, мамы с детскими колясками, моряки в брюках клёш, белых матросках и бескозырках с чёрными околышами с золотыми словами «Тихоокеанский флот».

Погода радовала, лёгкий бриз с бухты трепал чёрные ленточки бескозырок, доносил запах моря и усиливал крики спящих над водой чаек и непривычные звуки, доносившиеся с моря, происхождение которых непосвящённым было непонятно.

Подводную лодку они увидели сразу. Её верхнюю часть – до ватерлинии – окрасили в серый цвет, ниже ватерлинии – в зелёный. Субмарина стояла на специальном фундаменте на Корабельной набережной. Возле неё небольшая толпа туристов внимательно слушала рассказ девушки-гида. Сибиряки тоже подошли...

- ...В конце «тридцатых» лодку из Ленинграда по железной дороге доставили по секциям на «Дальзавод», - торопливо стрекотала девушка. - Здесь окончательно собрали. Накануне сорокового года спустили на воду. Командиром назначили Григория Ивановича Щедрина...

Она на мгновение замолчала, чтобы набрать побольше воздуха:

- В 42-43-м годах экипаж совершил 153-суточный переход. Лодка прошла Тихий и Атлантический океаны и девять морей, - она загибала свои тонкие пальчики. - Японское, Охотское, Берингово, Карибское, Саргассово, Северное, Гренландское, Норвежское и Баренцево. И вошла в состав Северного флота.

Девушка рассказывала о военных подвигах подводников: потопили десять вражеских кораблей и транспортов, в ходе боёв лодку С-56 почти двадцать раз объявляли погибшей... В 1954-м судно вернулось во Владивосток, завершив «кругосветку».

9 мая 1975 года - лодку сделали кораблём-музеем. «Внутри – экспозиция о подводных силах Тихоокеанского флота», - девушка предложила туристам увидеть это своими глазами.

А наша троица не торопясь обошла вокруг лодки. Рядом с ней увидели и корабельное орудие, потом тщательно рассмотрели похожую на часть огромного танка башню бронекатера с пушкой. Постояли у стены из памятных плит чёрного металла с именами сотен погибших в боях моряков. Чурсин нашёл фамилии на букву «ч», но своих однофамильцев не обнаружил.

Сходили к обелиску первостроителям города, устремившемуся вверх в виде паруса на кромке набережной, возле него расположились якоря, цифры «1860-1985» обозначали 125-летие самого восточного порта СССР.

Слева от обелиска на причале стояли в ряд три военных корабля-близнеца с одинаковыми «тарелками» локаторов и зачехлёнными орудиями. Справа – старинное судно с пустыми мачтами и толстой дымовой трубой в центре палубы. По всей акватории рассеялись многочисленные суда и судёнышки. А над противоположным берегом бухты возвышались плотные ряды городских зданий.

Сибиряки ещё погуляли по набережной: Евгений Михайлович, как заправский моряк, покачиваясь, вышагивал посередине тротуара, по бокам от шефа шли Сергей с Егором. Молча повернули в сторону маячившего на площади «белого зуба» – партийной высоты. Шатров вдруг встрепенулся, вспомнив:

- Мужики, нас сегодня на домашний обед пригласили!

- Кто это тебя пригласил? – ехидно переспросил Евгений Михайлович.

А Егор тяжело вздохнул, прогулка улучшила самочувствие после вчерашнего, но даже намёк на спиртное вызывал неприятные ощущения.

- Магда всех нас пригласила, - засмеялся Сергей. – И меня, и вас тоже. Будет борщ, котлеты. Само собой, водочка.
- Вот только этого не надо, - поморщился Егор. – А борща можно бы...
- Вы идите, парни, я не пойду, - сказал директор.
- Как же так, шеф! - расстроился Сергей. – Честно говорю, приглашали всех... Серьёзно. Нельзя обижать женщину.
- Вот и пойдёте, - кивнул Евгений Михайлович. - А я должен про завтрашний день подумать. Или про Находку уже забыли?

11.

Шатров расспросил у местных дорогу, купил в цветочном киоске пять белых гвоздик. Он хотел взять три, но Егор посоветовал: «Не жмись!», - и товарищ прибавил к трём ещё две.

С набережной они дошли по переулку до угла Ленинской и улицы Лазо и сели в автобус «Лиаз», который натужно охнув, поехал по бесконечной Ленинской, которая вела то вверх, то вниз, но вверх – чаще. Сергей договорился с пожилой кондукторшей, чтобы она сообщила, где им выходить.

Они стояли на задней площадке полупустого салона, Егор через стекло с увлечением всматривался в фасады старых, дореволюционной постройки каменных домов. Ему казалось, что их здесь больше, чем в соседних с их сибирским городом Томске, Красноярске и даже Иркутске или Омске, где ему довелось побывать во время армейской службы.

Во время поворотов дороги то и дело открывались панорамы бесчисленных сопок, застроенных жильём спальных микрорайонов, внизу тёмной синевой отсвечивала вода бухт и заливов.

Автобус повернул на Луговую и медленно забираясь вверх, то и дело, дёргаясь всем своим железным телом, когда его коробка-автомат натужно переключалась с одной передачи на другую. Следом за ним ползла вереница грузовиков и легковушек. Впрочем, последние, выбрав момент, обходили «Лиаз» и устремлялись вперёд.

За окном проплыла широкая площадь, и на очередном перекрёстке автобус резко свернул на другую улицу. «Имени Шепеткова», - высмотрел Егор табличку на доме. Пересекли железнодорожный переезд, потом была улица Спиридонова, плавно перешедшая в Адмирала Кузнецова, та вскоре «уткнулась» в улицу Нейбута. Светлые многоэтажки недавних новостроек были хаотично «разбросаны» по крутому склону сопки.

От нечего делать Шатров начал вспоминать разговоры вчерашнего вечера. Оказывается, Магда была замужем за моряком дальнего плавания советского торгового флота. Сейчас её благоверный вернулся из четырёхмесячного плавания. Услышав это, Егор поёжился: «А зачем же мы едем?»

- Не дрейфы! – успокоил Шатров. – Его корабль ещё только на рейд встал, у команды карантин после рейса. Так положено. И кончится он не сегодня и даже не завтра. Ну, она ж не дуручка... Да это не самое страшное...
- А что же тогда самое? – опять встревожился Чурсин.
- У них трое детей, - заржал Шатров.

- И что теперь? Может, не пойдём? – Егор всерьёз собрался выходить на очередной остановке.

- Ну чего ты засуетился? – удержал его Шатров. – Я их усыновлять не собираюсь. Поедим и пойдём. Да и Магда – замечательный человек, сам увидишь.

- Ну и ну! – только и нашёлся Егор.

Проехав не меньше десятка остановок, парни уже сбились со счёта, когда кондукторша, объявила им: «Ваша следующая!»

Они выскочили на край довольно потрёпанного асфальтового полотна и осмотрелись. Впереди метрах в трёхстах поперёк склона стояли несколько девятиэтажных корпусов, к ним вела грунтовая дорога, засыпанная щебёнкой и обломками камней. С одного бока грунтовка заросла кустарником, с другого – отрывался вид на город и на крыши стоящих ниже жилых коробок. На дороге никого не было.

- Куда идти, хрен знает? – почесал затылок Шатров.

- Вот-вот, - подхватил Егор. – Он-то тебя сюда и завёл...

- Ладно! – огрызнулся завхоз. – Тебя тоже не силком затащили. Предлагаю идти вон к тем домам, там спросим.

В общем, пришлось поплутать по дворам «натыканных» на склоне типовых советских строений серий «а-ля восьмидесятые». Благо во дворах мамыши выгуливали детей, а пенсионерки судачили на лавочках у подъездов, те и другие дружелюбно и словоохотливо ориентировали наших друзей в местном пространстве, кстати, не всегда верно. Но недаром говорят, что язык до Киева доведёт. Благодаря этому правилу они оказались, наконец, у заветной двери нужной квартиры. А о том, что они не ошиблись, красноречиво говорил вкусный запах на лестничной площадке.

Не успел Шатров тронуть кнопку звонка, дверь распахнулась, на пороге радостной улыбкой их встречала хозяйка. На Магде был шёлковый розовый халат с куцыми рукавами и короткий белый фартучек.

- Ой! - кокетливо махнула она рукой. – Здравсьте, ребята! Проходите, - она засияла ещё сильнее, увидев букет, чмокнула Сергея в щёку, Егору позволила пожать мягкую тёплую ладонь.

Квартира морячки была светлой, чистой и уютной. Все три комнаты обставлены красивой, свежей мебелью. Стены украшали гобелены и постеры, заморскими сувенирами, вазами и деревянными масками заставлены все углы, подоконники – цветочными горшками. На кухне – большущий двухдверный холодильник, каких Чурсин никогда раньше не видывал. В красном углу гостиной красовался цветной импортный телевизор с самым большим кинескопом. Только вид с балкона немного подкачал: напротив их восьмого этажа находились окна квартир пятого этажа такой же девятиэтажки, стоявшей ниже по склону.

Магде нравились восхищённые расспросы гостей во время небольшой квартирной экскурсии:

- Это всё папа наш старается – муж мой Вася денежки зарабатывает...

Они остановились у широкого дивана искусственной кожи, где чинно, рядом сидели дети – два мальчика и девочка – почти девушка.

- Это наши с Васей детки. Алёне уже тринадцать, а Ванечке и Лёвику – восемь и семь, погодки. Ваня во второй класс пойдёт, а Лёва в первый, - она с такой любовью смотрела на своё потомство, что у Егора от зависти засосало под ложечкой. – Встаньте, - сказала она детям. - Поздоровайтесь с нашими друзьями.

Дети по команде встали. Алёна ростом оказалась выше матери, сделала что-то вроде неловкого книксена и откинула за спину свою толстую косу, а Иван спросил Егора серьёзным голосом:

- Мама сказала, что ты на телевидении работаешь?

- Ага, - кивнул мальчику Чурсин. – Работаю, - и потрепал его по пушистому чубу.

- Когда я вырасту, тоже буду на телевидении работать, - поделился тот своими планами.

- А я буду моряком, как папа, - сообщил его младший брат. – Вы же нашего папу знаете?

- Кто же его не знает, - подтвердил Шатров...

- Хватит болтать, мальчики, садимся за стол, - позвала всех Магда.

Длинный стол занял почти половину гостиной. Гостей усадили спиной к окну, Магда с Алёной расположились напротив, мальчишки сели по краям.

Стол был заставлен мясными и морскими закусками: знакомой уже капустой, крабовыми палочками, лоснящимися ломтиками красной рыбы, посредине стояли глубокое блюдо с горой салата оливье, тарелка с дымящейся отварной картошкой и плетёная из соломки хлебница с тонкими кусками чёрного и белого хлеба.

- А это где? – приподнял пустую рюмку Сергей.

- Ой, - смущённо вспыхнула хозяйка. – Совсем забыла, - она кинулась на кухню и мгновенно вернулась с запотевшей бутылкой «белой».

Первую подняли за встречу. Егор долго смотрел на свою рюмку с прозрачной жидкостью, собирался с мыслями, понюхал содержимое. И только после того, как товарищ подбодрил: «Чего, нюхаешь, давай, поправься», - осторожно выцедил её. Как ни странно, в желудке приятно зажгло, и самочувствие начало улучшаться.

Не успели закусить салатом, как Магда поставила на стол пузатенькую расписную супницу толстого фарфора, до краёв наполненную горячим, ароматным борщом. Под борщ приняли по второй. Шатров с хозяйкой разговорились, не обращая внимания на остальных. Вернее, говорил Сергей, просто сыпал остротами, а Магда в ответ заливисто смеялась.

Егор помалкивал, с наслаждением поглощая домашнее варево, и поглядывал на ребяташек. Эта скромная симпатичная троика тоже ела удовольствием, громко постукивая ложками. Егор только сейчас заметил, что братья и сестра совершенно не похожи друг на друга: апельсиново-рыжие волосы Алёны были гладко зачёсаны назад и заплетены в косу, конопушки рассыпались по её щекам и лбу, тёмный чубчик Ивана нависал над его сливовыми глазами, а короткая светло-русская причёска Лёвика стояла торчком, будто наэлектризованная. От Магды тут не проглядывалось ничего. «Интересно, - думал он, откусывая от хлебной краюхи, - как выглядит их отец?»

- По отцу-то, наверное, соскучились? – участливо спросил он девушку.

- Да, - просто ответила она. – Он нам с рейда каждый день по телефону звонит. Сегодня уже поболтали... А вы откуда нашего папу знаете? – Алёна обратила на Егора невинный взгляд золотистых глаз.

От неожиданности он даже ложку положил: «Так мы того... этого... - замычал он. – В командировке были...»

- Что ты пристала к человеку, - выручила Чурсина Магда. – Ешьте спокойно, на здоровье. Я сейчас котлеты принесу.

Котлеты были просто объедение, под них Шатров налил по третьей. Егор умял две штуки с картошечкой, а когда Магда положила ему третью, справился и с ней.

...Покидали гостеприимную семью уже в сумерках. На улице моросил дождь, и мокрый асфальт, на который они кое-как выбрались с грунтовок, поплутав по плохо освещённым дворам и заросшим травой тёмным косогорам, серебристо блестел под фарами редких автомобилей.

- Ну, доволен? – Шатров длинным ногтем мизинца ковырялся в зубах.

- Я – да? – расслаблено икнув, откликнулся Егор. – А ты?

- А что – я? Я за сытый желудок товарища готов здоровьем пожертвовать...

Автобуса ждали долго, поэтому, когда он, пустой и неторопливый, все-таки подъехал, они сели, даже не посмотрев на номер маршрута. Егор пытался всматриваться в незнакомые, плохо освещённые улицы за окном. Когда остановок через пять водитель объявил в микрофон: «Верхняя станция. Выходим, дальше не еду», - кроме сибиряков в салоне никого и не было.

Широкая улица шла под уклон. Впереди внизу светился разноцветными мириадами огней порт – они горели на судах, причалах и портовых кранах, позади на сопках светлячками горели окна многоэтажек, на самой высокой точке города красными сигнальными огнями на фоне мрачного неба выделялась далёкая стрела телевышки. Редкие попутные машины не желали останавливаться на их призывные жесты, и сибиряки бодро шагали вниз по дороге, сами не зная куда.

- Задаст нам шеф жару! – сокрушался Шатров.

- И правильно сделает! Говорил тебе, не засиживайся! Так, нет же, ещё немного, ещё чуть-чуть, - ворчал Чурсин, передразнивая товарища.

Наконец, какой-то автомобиль остановился. Егор хотел было по привычке сесть в машину справа, но там оказалось место водителя. Здоровый толстый парень за рулём сказал ему, не поворачивая головы:

- Место я тебе не уступлю. Хочешь ехать, обойди мою ласточку с другой стороны.

Они быстро добрались до отеля. Шефа решили не будить, но он поджидал их, сидя на стуле у раскрытых дверей своего номера.

- Явились, наконец, блудни! – начал он грозно. И тут же заулыбался – Ладно уж, ложитесь спать. Завтра рано подниму, в Находку поедом на катамаране... Вернее поплывём или, - махнул он рукой, - как здесь говорят, пойдём по морю...

12.

Утро понедельника было тёплым, солнечным и почти безветренным. До знакомой уже площади на Нижнепортовой улице наша «троица» добралась на попутке. К перрону огромного здания, крышу которого украшала надпись «Морской вокзал», вела железобетонная эстакада. Через просторное фойе вокзала наши знакомые

вышли на пристань с видом на бухту и портовую суету, их приветствовали радостные крики чаек, парящих в небесной высоте, будто встречая сибиряков.

Егор на ходу успел купить в киоске «Союзпечати» пачку «свежих» газет: «Правду», «Известия», «Советскую Россию», - и с удовольствием вдыхал запах типографской краски, такой знакомый по работе в газетной редакции.

- Всё прочитаешь? – подколол Евгений Михайлович.

- Соскучился по новостям, - смутился Чурсин, засовывая газеты в пакет с запасной футболкой и зубной щёткой.

Корабль, на который объявили посадку, впечатлял своими размерами. У судна было сразу два киля, соединённые между собой чем-то вроде большого двухэтажного здания, к нему перекинули широкий трап.

- Надеюсь, не утонем... – вздохнул Сергей, пока они стояли в очереди. Ему тоже не приходилось пользоваться морским транспортом.

- Не бойсь. – успокоил Евгений Михайлович. – Мне Николай Николаевич насоветовал. Говорит, доберётесь до Находки с ветерком, получите массу впечатлений, настоящее море почувствуете...

Внутри корабль впечатлил сибиряков ещё больше. Они оказались в помещении, напоминающем приличный кинозал – в длину полсотни метров и чуть меньше – в ширину. Как в кино, зал был оборудован рядами удобных, мягких кресел – человек на сто – с тёмно-синей обивкой. Их постепенно заполняли пассажиры. Правда, смотреть предстояло не на белый экран, а в огромное панорамное окно, из него открывался шикарный вид на бухту и сопки противоположного берега, застроенных зданиями.

- Какая красота! – восхитился Егор и предложил сесть на первый ряд, чтобы им не мешали любоваться на морские пейзажи.

Пока рассаживались, Чурсин заметил у задней стены «кинотеатра» буфетную стойку и фигуру официанта в униформе, одиноко подпирающую прилавок. «Я сейчас», - бросил он коллегам и ринулся к буфету. Из них троих он сегодня почти не завтракал: после вчерашнего обеда утренние бутерброды, заботливо приготовленные директором, просто не полезли в горло. Теперь же, после прогулки до порта, он почувствовал голод.

Однако в буфете не продавалось ничего, кроме лимонного сока с мякотью. Но, судя по горьке чистых гранёных стаканов, эта «кислятина» спросом не пользовалась. Ещё на стойке лежала высокая стопка небольших пакетов из плотной бумаги, но что в этом буфете в них можно положить, Егор не смог сообразить, а спросить было неудобно.

Чурсин вернулся на место и развернул «Правду», пробежал взглядом по заголовкам и первым строчкам публикаций.

«В Москве состоялась предварительная консультация представителей Верховного Совета СССР и представителей Верховного Совета Армянской ССР по концепциям нового Союзного договора», - читал Егор. И думал при этом, что если объявят референдум о сохранении СССР, он обязательно пойдёт и проголосует «за», а как же иначе?!

«В Кремле начались переговоры об отношениях Союза Советских Социалистических Республик и Эстонии, - начал он следующую заметку.

В этот время катамаран дрогнул, его двигатели один за другим глухо заворчали, вспенивая воду за кормой. Капитан по радио громко поприветствовал пассажиров и предложил насладиться переходом.

Корабль осторожно отвалил от причала и двинулся вдоль бухты. Егор отложил газету и минут пятнадцать смотрел, как в широком окне уплывают назад городские кварталы и корабли, а прямо по курсу – насколько хватает взгляда – открывается тёмная водная рябь и кое-где над ней встают высвеченные солнцем сопки.

Судно шло быстро, ровно и плавно. Монотонный морской пейзаж скоро наскучил, и Чурсин снова уткнулся в газетную страницу.

«Президент Советского Союза М.С. Горбачев и министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе имели беседу с президентом Республики Афганистан Наджибуллой, завершающим свое пребывание на отдыхе в Советском Союзе, - читал он. - М.С. Горбачев подробно обрисовал ситуацию в стране, охарактеризовал содержание и значение крупнейших проблем, которые предстоит решать в самое ближайшее время, в средней перспективе и на будущее». «Как же, - размышлял Егор, - Наджибулле наши проблемы по барабану, у него своих выше крыши».

Вдруг газетные строчки будто вздрогнули и на мгновение расплылись перед глазами. Егор поднял голову – по соседству дремал директор, поджав под сиденье ноги, Сергей вытянул нижние конечности перед собой и уставился неподвижным взглядом в одну точку.

Чурсин повернул к себе последнюю страницу газеты и взглянул на неё – строчки, вроде, встали на место. Начал читать в разделе спорта статью, где редакция подводила итоги Летних Игр доброй воли, завершившихся недавно в американском Сиэтле.

- Соревнования проходили по двадцати одному виду спорта, - шептал он вслух. - В соревнованиях приняли участие двадцать три спортсмена... нет двести тридцать... из четырёх-пяти стран, - и остановил себя. - Чушь какая! Что-то маловато, - голова кружилась, мысли странным образом путались, будто после единым махом выпитого стакана водки. – Всего команда СССР завоевала... - пробовал Чурсин читать дальше, однако строчки опять начали расплываться...

Он снова оторвался от газеты и глянул на соседей. Шеф всё так же сидел, не открывая глаз, покашливал, его лицо покраснелось. А Шатров с закрытыми глазами выглядел бледным, то и дело зевал, морщась, будто от боли.

И тут на Чурсина накатила такая тошнота, что он едва сдержался и мгновенно весь покрылся холодным потом.

- Мужики, - жалобно позвал он, – что-то плохо мне...

Шеф бросил на него короткий испуганный взгляд, выразительно сглотнул слюну и, отвернувшись, снова закрыл глаза. А Шатров, не поднимая век, громко и чётко выговорил:

- Зато нам хорошо! Морская болезнь, мать её!.. – выругался он.

В окне катамарана властвовала необъятная мощь воды залива Петра Великого. Егор не только увидел, но и почувствовал, как изменился характер движения корабля, как тот неудержимо всё выше вбирается на широченную волну Японского моря, при этом пустой желудок Чурсина словно опускается внутри организма. Лишь только судно добралось до верхней точки, как сразу всей своей громадой начало плавно скользить по волне вниз, а желудок Егора «двинулся» в

противоположном направлении. Тошнота подкатила с новой силой, как мог, он старался удержать её внутри.

Остановить это и сойти с корабля в открытом море – об этом можно было только мечтать. Казалось, что он в ловушке. В голове всё смешалось и хотелось только одного, чтобы это издевательство поскорее закончилось. Движения давались тяжело, каждое усиливало рвотные позывы. Его охватил страх, отбросив газету на пол, он с трудом оглянулся на зал. То, что там творилось, хоть и вяло, но поразило его размягчённый мозг: в буфет тянулась длинная – примерно из половины пассажиров катамарана – очередь, а официант прямо порхал за прилавком. Люди с позеленевшими лицами то и дело отходили от буфета с полными стаканами ярко-жёлтого сока и бумажными пакетами в руках. Теперь до Егора дошёл истинный смысл этой точки питания на борту судна.

- Пожалуйста, - сочувственно кивнул ему официант, подавая сдачу. – Пить лучше маленькими глотками. Ещё можно смотреть на горизонт, чтобы избавиться от неприятных ощущений...

Вкус кислого лимона немного облегчил морскую прогулку сибиряков. Во всяком случае, после сока Егору удалось задремать в своём кресле. А ближе к берегу волны стали меньше, и изматывающая медленная качка унялась. Однако нашим путешественникам всё равно хотелось одного – скорее ступить на твёрдую землю.

Чем ближе они подходили к берегу, тем больше становился город. Он величественно надвигался, делаясь похожим на красивую гигантскую подкову, охватившую море с трёх сторон, бесконечной полосой тянулся вдоль бухты, словно широко распахнул объятия далеким неведомым странам.

Вскоре уже хорошо были различимы дома на склонах сопки, причалы и пирсы, суда на рейде, перекрещенные стрелы портовых кранов. Ход катамарана снова стал ровным и плавным, корабль снизил скорость и дал длинный гудок. И путешественникам сразу полегчало.

На причал Егор, расталкивая недовольных пассажиров, сошёл одним из первых, очень уж не терпелось расстаться с морем.

На площадке у морского вокзала изнывала на солнцепёке кавалькада разнообразных японских легковушек – извозчики ждали клиентов. Одного из них и ангажировали сибиряки.

- Вези в горком партии, шеф, - приказал ему Евгений Михайлович.

Они немного оправились от путешествия и даже силились шутить над собой, вспоминая подробности водного перехода. Когда директор в третий раз произнёс: «Ну, Николай Николаевич, спасибо! Отомстил!», - на парней напал приступ хохота. Водитель помалкивал, лишь косил весёлым глазом на сидящего рядом Чурсина.

Машина вырулила на главную улицу и резво покатила по гладкому шоссе. Егор как всегда с интересом рассматривал портовый город, который вблизи выглядел не так красиво, как издалека. После Владивостока он казался неуютным, вдоль улицы тянулись облупленные фасады и стены жилых домов-«сталинок» высотой от двух до пяти этажей с унылыми витринами в первых этажах.

- Как называется улица? – повернулся к водителю Егор. – Не разберу названия.

- Находкинская, - охотно откликнулся тот...

В окружении панельных «хрущёвок» в центре главной городской площади, украшенной клумбами из алых роз, стояла серо-голубая трёхэтажка местного горкома. В приёмной сибиряков держали всего минуту. Молоденькая подвижная секретарша доложила в трубку об их прибытии и встала из-за стола:

- Проходите, Геннадий Александрович ждёт вас. Вам чай подать или кофе?
- Вас как зовут? – неожиданно спросил её Шатров.
- Валентина... - испуганно пролепетала девушка.
- Лично мне, Валя, кофе и покрепче, пожалуйста, - широко улыбнулся Сергей.

Над головой первого секретаря горкома висел знакомый портрет генсека и президента СССР в одном лице. Сам «первый» оказался разговорчивым тёмноволосым мужиком лет сорока, в белой футболке с коротким рукавом и при галстуке. Гостям он обрадовался, как своим родным, усадил за общий стол для совещаний и с интересом принялся расспрашивать о жизни и партийных делах в Сибири. Евгений Михайлович живо втянулся в разговор, Егор изредка вставлял реплики, Шатров молчал, с удовольствием прихлёбывая горячий, ароматный напиток из белой чашки.

Чурсин отвлёкся, разглядывая в окно площадь, стоящие за ней дома барачного типа, каменистый склон ближней сопки, а когда снова прислушался к беседе, говорил уже один Геннадий Александрович, директор лишь одобрительно кивал головой.

- Год назад вышло постановление цэка и совмина по развитию Дальнего Востока, - с воодушевлением рассказывал «первый». - В Находке будем строить заводы по сборке лифтов, по выпуску малой механизации для строителей, по производству автомобильных шин, - перечислял хозяин кабинета. – Это новые рабочие места! Центр микрохирургии глаза откроем для всего Дальневосточного региона, санаторий матери и ребёнка на 350 мест в бухте Лашкевича, объездную автомагистраль построим. Поверьте, мужики! – он развернулся на стуле, обращаясь теперь сразу ко всем гостям. - Ещё пять лет нормальной жизни, и это заработает на полную мощь! Вот увидите, наша Находка раскрутится гигантским маховиком на всю Юго-Восточную Азию... Это не мечты! Мы знаем, как это делать! Народ к нам поедет...

- А жить где будут? - поинтересовался Евгений Михайлович.

- Так мы по сто тысяч «квадратов» жилья стали ежегодно сдавать, - гордо постучал себя в грудь партийный начальник. - В прошлом году две тысячи квартир построили. Школы, детсады...

- А как у вас с гостиницами? – Шатров допил кофе и отодвинул пустую чашку.

- Вот с этим пока неважно, - виновато оглянулся на него Геннадий Александрович. – Пока всё в планах. А то, что есть, забито под завязку. Народ машины из Японии прёт! Но для вас номер выделим, - он дотянулся до края рабочего стола и взял с него бумажный листок. – Вот, выписал бронь, как просил по телефону Николай Николаевич. И груз ваш разыскали. Устройтесь в гостиницу, сразу в контору порта езжайте. Вот тут всё написано, - к первому листку он добавил второй и передал их директору.

Евгений Михайлович внимательно прочитал и убрал бумажки в портфель. Договорились, что на завтра горком выделит машину – для доставки телевизионного оборудования до Владивостока.

- Как гостиница называется? – уточнил Шатров.

- А как в нашем городе всё называется?! – усмехнулся партсекретарь. – Гостиница «Находка»... Зато, не заблудитесь! Об одном прошу: вечером на улицу не ходите, беспокойно у нас...

13.

Действительно, заблудиться было трудно: до нужного места они добирались минут десять дворами и переулками. Чурсина удивило, что на газоне возле боковой стены гостиницы натянули несколько низеньких брезентовых палаток, из одной торчали ноги в чёрных мужских носках.

Отель был советский, типовой, с рестораном на первом этаже. Точная копия такого же стояла в центре столицы Сибирского региона. Единственным отличием была толпа мужчин на крыльце у входной двери. Ещё больше мужиков толпилось в холле здания.

Дорогу к стойке администратора сибирякам пришлось прокладывать локтями и крепкими словами. Сидевшая здесь бесцветная женщина даже не подняла голову в ответ на «здравствуйте», в которое Евгений Михайлович, казалось, вложил всю свою доброжелательность. Не отрываясь от чтения журнала, она заученным движением пододвинула на середину прилавка, отделяющего её от посетителей, табличку «Мест нет».

- А у нас – вот... - директор положил перед ней бумагу, на которой красовалось набранное крупными буквами слово «Бронь».

Лишь после этого она посмотрела на него удивлённым усталым взглядом и ворчливо выдавила: «Паспорта давайте... В номере только две кровати, одному придётся на раскладушке...»

- Да мы всего на одну ночь, как-нибудь перебьёмся, - успокоил её бывший партработник.

И тут маленький, тощий мужичонка визгливо выкрикнул:

- Так они блатные, братва! А мы как?!

- Не понял? – пробасил в ответ на этот вопль Шатров и потянулся широкой ладонью к крикуну.

Тот мигом спрятался за чужими спинами. На этом инцидент был исчерпан.

В небольшом номере было так жарко, что они быстро по очереди посетили санузел, умылись, оставили вещи и отправились на Порттовую улицу – в управление торгового порта. Можно было опять пешком – хода минут двадцать пять, но хотелось добраться поскорее с учётом знойного дня и незнакомых улиц. И им посоветовали сесть на автобус.

Жёлтый городской «Икарус», обстоятельно рыча мощным дизелем, довёз, как говорится, с ветерком. С расположенной на возвышении площадки – недалеко от входа в солидную четырёхэтажную контору монументальной постройки – открывался вид на залив с кораблями, на некоторых от машин на палубе ступить негде, на портовые сооружения и заставленные автомобилями причалы, наполненные гудками портовых кранов, хаотично нагроможденные сопки и горы вокруг. Полуденное солнце жарило по-летнему, тени от причудливых облаков чернильными пятнами бежали по акватории порта.

Зато внутри конторы царила прохлада. Бегать по этажам в поисках нужного кабинета в этот раз уже не пришлось, встретивший их вахтёр довёл до нужной двери, осторожно постучал в неё и открыл перед сибиряками.

Внутри просторного уютного кабинета трудились сразу несколько женщин, но начальница отдела легко угадывалась по солидным габаритам рабочего стола и сидящей за ним внушительной фигуре.

- Валентина Ивановна? – безошибочно протянул ей документы Евгений Михайлович. Сесть гостям не предложили, да и некуда было.

- Ага! - строго сказала она низким голосом, посмотрев их бумаги, договор на покупку, платёжки, доверенность. - А мы уже заждались. Ещё день-два, и предъявили бы вам расходы за хранение.

- Так ведь мы искали... - хотел объяснить директор.

- А чего нас искать, - отрезала крупная женщина и оглядела подчинённых. – Вот они мы, сидим! – и громко засмеялась своей шутке.

Остальные работницы сдержанно похихикали, не отрываясь от бумаг.

- Покупатель оборудования Минсредмаш, - водила она толстым пальцем по строчкам документа. – Поэтому процедура выдачи груза упрощается, - она победоносно оглядела посетителей. – Подпишите здесь и здесь, - Валентина Ивановна развернула к директору амбарную книгу.

Потом куда-то звонила, что-то выясняла, уточняла. Наконец, вынесла вердикт:

- Завтра к восьми утра в склад... Самовывозом, со своим транспортом...

На разогретой солнцем улице Шатров радостно потирал руки:

- Ну что, шеф, грандиозное дело совершаем. Тут на «сухую» нельзя! Не дай Бог, сорвётся!

- Где же мы возьмём? – Евгений Михайлович зажал портфель под мышкой. – У них тоже по талонам...

- Давайте, магазин найдём, а там я решу, - пообещал Сергей.

...В местный продмаг они буквально ворвались «на звонке»: до закрытия на перерыв оставалось несколько минут. Суровая пожилая тётя в сером рабочем халате стояла на входе – выпускала покупателей наружу и никого не пускала внутрь. Но перед напором Шатрова ей устоять не удалось: «Мы за пять минут управимся, мать!», - сказал он и решительно отодвинул женщину в сторону.

Магазин в жилом районе Находки был вполне типичным для страны большим гастрономом. В торговом зале сибиряки проскочили мимо штабеля молочных бутылок в ящиках из железных прутьев, мимо трехлитровых банок с томатным и березовым соком, мимо жестянок с томатной пастой, склянок с уксусом, мимо подсолнечного масла, сливового компота и джемов. Зато взяли маринованных огурцов и кабачковой икры, две булки ароматного местного хлеба – пшеничную и ржаную. Купили по баночке консервов с кильками в томате и скумбрией в масле, три сырка «Дружба».

Мясной и ликёроводочный отделы расположились рядом. Егор остановился, чтобы рассмотреть мясной. Здесь в стеклянной холодильной витрине в белом эмалированном металлическом поддоне с чёрной окантовкой лежали бледно-розовые кости неизвестного происхождения. «Мясные продукты только по талонам», - выглянула из подсобки маленькая худенькая продавщица.

- Ага, - кивнул Чурсин. – Понял... То-то продукты заветренные!

- Да что вы говорите! – продавщица подскочила к прилавку, сердито глянула на Егора карим глазом из-под низко надвинутого на лоб белого колпака, как на пришельца из другого мира. – Недели нет, как завезли. Так берёте?

- Стоп! – подошёл Шатров. – Кости брать не будем. А водка у вас свежая? – состриг он и улыбнулся – рот до ушей – самой обаятельной улыбкой.

- Серёга, - тут к прилавку подступил и Евгений Михайлович. – Ты девушке лапшу на уши не вешай. У тебя ж талонов нет.

- Точно, - охотно согласился Шатров. – Поэтому я к ней и подошёл, вижу, что девушка – наша, настоящий советский человек, сибиряков не обидит.

- А вы из Сибири? – продавщица с интересом посмотрела снизу вверх на Шатрова.

- Не просто из Сибири, - ввернул Егор. – Про шахтёрские забастовки слышали? Мы оттуда.

- Даже не верится! – девушка не сводила глаз с довольного лица Серёги.

А тот ловко выхватил из заднего кармана джинсов паспорт, развернул его на странице с синим штампом прописки и протянул ей. Продавщица изучила документ, вернула его владельцу и радостно закричала на весь пустой зал:

- Лида! Иди быстрее сюда!

Из-за соседнего прилавка вывернула её напарница, из глубины зала к ним спешили и другие продавцы, обступали полукругом, внимательно рассматривая троицу.

- Девчонки! Это те самые шахтёры, которые прошлым летом бастовали. Их по телику показывали, помните?

- Вот этого я, Наташка, точно видела – кивнула одна на Евгения Михайловича.

- А я этого видела, - показала Наташа на Шатрова. – Я у него даже паспорт проверила.

- А чего к нам, в Находку? За машинами? – потянула Чурсина за рукав одна из девушек.

- Какое там, - отмахнулся Егор. – У нас другие дела.

- Так выручайте, девчонки? – вернул Шатров разговор в нужное русло. – Мы сегодня такую сделку провернули. Закрепить надо, а нечем. Выручайте!

- Лида, - попросила маленькая Наташа. – Продай шахтёрам бутылку водки. Они ведь за нас всех бастовали.

- Девчонки, - снова вмешался Шатров. – Одна бутылка – это только мне. А нас ведь трое. Лида? - повернулся он к барышне из ликёроводочного.

- Смелый вы народ, шахтёры, - хмыкнула Лида. – Ладно! Деньги-то у вас есть?

- А как же, - Евгений Михайлович запустил руку в портфель в поисках кошелька.

И обед в гостинице, а заодно и ужин вышли на славу...

А утром Чурсина с Шатровым подняли с постели не яркие лучи солнца, косыми полосами высвечивающие комнату, не вставший как обычно ни свет ни заря директор. Егор подскочил на тесной скрипучей раскладушке от удара в дверь.

Поскольку Евгений Михайлович был в ванной, а Шатров лишь всхрапнул в ответ на шум, открывать пришлось Егору. На пороге стоял невысокий здоровяк лет пятидесяти с серебристой копной волос на голове и чёрными, мохнатыми от густой поросли голыми от локтей руками. Его торс срывала светлая, широкого кроя рубаха.

- Их в порту ждут, а они спят... – засмеялся он, качая головой.

- Уже не спим! - вышел из ванной Евгений Михайлович, вытирая полотенцем гладко выбритое лицо. – Пять минут вам на сборы, - ткнул он пальцем в спину приподнявшегося Шатрова.

- Чур, я первый! - кинулся Сергей в ванную мимо растерявшегося Егора.

...Дядя Витя – так просил величать себя крепыш – ловко вёл свой автомобиль. Это была белая «Волга»-универсал с грузопассажирским кузовом. Такой, припомнил Егор, в родном городе работал в качестве «скорой помощи».

- А чего не на японском ездите? – Шатров, севший на этот раз на переднее сиденье, похлопал ладонью по передней панели автомобиля.

- Так мы же горком, нам положено на советском. Япошки не для нас, - дядя Витя презрительно цыкнул через надломанный почерневший передний зуб. – Да моя «лайба» им не уступит, - он ласково погладил рулевое колесо. – Мы с ней полторы сотни тысяч кэмэ заканчиваем, ни разу не подводила. Кормилица! – он символически чмокнул губами свою машину. – Пятидверка, семерых в салоне усадить можно...

У въезда на территорию порта охранник, почти не взглянув на их документы, дал дорогу.

- Знают меня тут! – похвастался водитель, проезжая вдоль больших крытых ангаров, в каждый из которых можно было поместить по паре крупных воздушных лайнеров.

Дядя Вася, осторожно переехав через железнодорожные пути, припарковался возле одного из них и нажал на клаксон. Автомобиль издал суровый, резкий гудок.

Небольшая железная дверь в воротах склада открылась. Оттуда на площадку перед входом выступила необычная фигура: похожее на большой чемодан, лишённое талии, туловище в чёрном халате венчала маленькая голова на куцей толстой шее. Торчащие в разные стороны русые волосы больше походили на клочки пакли, короткие ноги и руки молотобойца завершали этот образ. Толстые линзы очков увеличивали бесцветные глаза до неестественных размеров.

- Чего разбибикался? – ворчливо прозвучавший неожиданно мягкий голос убедил, что перед нашими путешественниками женщина. - Товарно-транспортные документы давай, - протянула она увесистую ладонь к Евгению Михайловичу, который торопливо доставал из портфеля нужные бумаги.

- Вас как зовут-то? – подошёл к ней с другого бока Шатров.

- Ну-ка, отойди вон туда и жди! – резко повысила она на него голос и добавила, - Марья Никаноровна я.

Сергей отступил к машине, а Марья Никаноровна долго и внимательно изучала одну бумагу за другой.

У Чурсина так сильно засосало под ложечкой при мысли: вот сейчас он увидит и даже прикоснётся к «железкам», которые с таким трудом удалось приобрести и которые дома ждали коллеги из телекомпании, – что он поморщился от нетерпения.

- Так, - оторвалась, наконец, от чтения завскладом. – Кто будет принимать товар? – вперёд вышел Егор, преданно глядя на неё так, как собака смотрит на своего хозяина. – Заходим, ничего без разрешения не трогать. Машина пока на улице... Да, - вспомнила вдруг она. – Ваш ящик взломан, так что будьте внимательны, всё проверьте...

- Как взломан?! - хором воскликнули сибиряки.

- Бывает! – отрезала Марья Никаноровна. – Воруют у нас... А в вашей коробке «видики», ну, то есть, магнитофоны. Видно, думали, что они бытовые, а оказалось, профессиональные.

- Да кто ворует-то? У вас же охрана! – волновался Шатров, почесывая затылок.

- Ну, - отвела глаза в сторону завскладом. – Так бывает? – упрямо повторила она.

- А если чего недостаёт? – поинтересовался Евгений Михайлович.

- Напишите претензию. Будем искать... Найдём – пришлём по почте. Не найдём – порт выплатит стоимость. Пусть он всё по описи сверит, - ткнула она толстым пальцем в Егора.

Внутри склада было светло и после уличного тепла прохладно. Слева и справа вдоль бесконечных стен тянулись ряды больших морских контейнеров – один на другом в два этажа. Посередине склада шла одноэтажная сдвоенная шеренга контейнеров поменьше, а сверху на них нагромодили коробки, ящики, мешки. Между контейнерными рядами и в торцевых частях склада имелись широкие проезды.

Заведующая подхватила стоящую у ворот стремянку, безошибочно подошла к одному из контейнеров в среднем ряду, прислонила к нему лестницу и кивнула Егору:

- Полезай. Вон тот ящик ваш, - показала на ящик из фанеры. - Рядом с ним, поменьше, тоже ваш. Инструменты не забудь, - она подала Чурсину пассатижи и гвоздодёр с молотком.

Фанерный ящик представлял собою куб высотой метра полтора. Его боковые стенки были испещрены чёрными цифрами, иероглифами и словами на латинице, обклеены бумажными этикетками. Особенно бросалось в глаза слово «video».

Ступив на крышу контейнера, Егор увидел, что верхняя стенка оторвана от куба и лежит рядом. Дрожащими от волнения руками он потрогал её и заглянул в ящик – тот доверху был заполнен цветными картонными коробками разных размеров с рисунками и без, с надписями на японском.

Егор начал вытаскивать и раскладывать их рядом с кубом. К нему присоединился Шатров, рост у него был выше и руки длиннее. Не вскрывая упаковку, они тщательно сверяли название оборудования по надписям на картонках со своим списком.

Две самые большие коробки оказались вскрытыми, и они вынули их содержимое – видеомэгнитофоны для монтажа. Конечно, профессиональная техника мало походила на домашнюю. Видимо, это и остановило неизвестных похитителей.

Мониторы, видеомонтажные и звуковые пульта, колонки, микрофоны, кабели – всё оказалось на месте. Во втором ящике нетронутыми лежали три видеокамеры. Душа Егора пела от радости: «Да-да-да!» – громко выкрикнул он, хлопнул Шатрова по спине и выдал импровизированную чечётку, неумело притопывая по железной крыше контейнера...

15.

Все коробки поместились внутри необъятного багажника заехавшего внутрь склада «универсала». Дядя Витя попросил Марью Никаноровну спустить на землю и пустой фанерный куб. Водитель выбил у куба днище, а потом вчетверо, как раскладушку, сложил и засунул эту «фанерную лепёшку» внутрь «Волги». Так же поступили и с ящиком поменьше.

- Пригодиться, когда домой всё повезёте, - сказал он, отряхивая руки.

Автомобиль набили доверху. Сразу из порта решили ехать во Владивосток. Немного поспорили насчёт завтрака. Шатров считал, надо перекусить, а Евгений Михайлович и Чурсин, убеждали его, что можно потерпеть, скорее доставить груз. Их поддержал и дядя Витя: ему велено как можно быстрее вернуться назад в Находку. В общем, решили ехать без задержки.

Из порта машина вывезла сибиряков на знакомый проспект. Вскоре пятиэтажки сменились на двух-трёхэтажные дома. А на перекрёстке водитель повернул в сторону сопки.

Ровный асфальт дороги пошёл вверх, мимо небольших строений, похожих на местные дачи, чьи крыши выглядывали из зелени садов. Однако заглядываться на дачи было некогда – «Волга» набрала приличную скорость. Дядя Витя спешил максимально использовать утреннее время.

- Тут меньше двухсот километров, - сообщил он сидящему рядом с ним Евгению Михайловичу. – Часа на три хода... Природа у нас – красота! – хвалился шофёр и через зеркало заднего вида с гордостью поглядывал на сидящих сзади Чурсина и Шатрова, пытаясь понять, какое впечатление на них производят его слова.

Егор сидел возле двери, Сергей – прикорнул рядом, откинув голову спинку. Им было тесновато, ведь часть сиденья была заставлена коробками. В салоне стало душно, и Егор, с трудом покрутив ручку, опустил стекло на двери. Встречный поток ветра приятно трепал волосы, наполнил кабину свежим запахом невидимого моря.

Он заметил, как промелькнула стела-указатель населённого пункта, но не успел прочитать название. Машина покатила вниз, а впереди уже вновь показался длинный подъем на очередную сопку. За очередным поворотом выросла сопка повыше с просекой до самой макушки. Вдоль дороги катила воды быстрая река. «Коробковка, - назвал её дядя Витя. – Сейчас спокойная, а не дай Бог, дожди или весенний паводок...»

Машина вырвалась на равнину, и водитель вновь увеличил скорость. По мосту пересекли речку Литовку, справа от дороги раскинулось большое поселение.

- Новолитовск, - прочитал название Евгений Михайлович.

- Ага, - охотно откликнулся дядя Витя и цыкнул сквозь зуб. – Село человек на семьсот. Вон и церква стоит...

Егор увидел над её острой крышей строгий прямоугольный крест.

- Не православные будто? – спросил он.

- Ага, - снова кивнул дядя Витя. – У них по-особому всё.

- Католики, - уточнил Евгений Михайлович. – Недаром Новолитовским назвали...

Когда поднялись на очередную сопку, Егор заметил впереди целую череду – одна за другой – таких же сопок, покрытых густым лесом. Серая нитка шоссе петляла по склонам...

Вскоре трасса пошла вдоль берега моря. Сквозь стволы и ветви сосен пролетали каменистые бухточки, чуть медленнее проплывали широкие бухты, в воде ярко отблескивали солнечные лучи, заставляя Чурсина щуриться.

Дорога в этот час была не загружена. Они обошли на подъемах несколько фур, потом их обогнал десяток легковушек, изредка проносились встречные «праворульные» машины.

Проехали несколько небольших деревень, на улицах которых виднелись люди. Потом шоссе снова пошло на подъём, забираясь на очередной перевал.

Шатров мирно спал, Евгений Михайлович негромко переговаривался с шофёром, а Егор неотрывно следил за окрестностями. В окнах мелькали деревья, кустарники, запыленные цветы. Вдоль обочины тянулась канава, в которой кое-где поблескивала вода, а чаще росли кусты и трава, но из-за большой скорости всё это сливалось в одну пёструю ленту...

Наконец, дорога снова завилась вдоль береговой линии, вновь замелькали бухты, наполненные ровной гладью тёмно-синей воды.

- Вон, смотрите, корабли! - громко объявил Дядя Витя. – Вертолётоносец! – важно отрекомендовал он огромное судно.

Егор заметил широченную пустую, похожую на футбольное поле, палубу укрывшегося в бухте корабля, высокую белого цвета надстройку на его палубе с блеснувшими стёклами окон командного мостика. И военное судно скрылось за скалистыми нагромождениями морского берега.

С правой стороны дороги тянулся густой лес. Буйство красок деревьев, разных кустов, и травянистых растений изумляло Чурсина.

- Дядя Витя, как в лесу-то красиво! - подбросил Егор «леща» водителю.

- Так я и говорю, красота! – охотно подхватил тот, поглядывая на парня через зеркало. – Я такой природы нигде не встречал! Вот мы сейчас по пяткам сопки едем, - дядя Витя одной рукой крепко держал руль, другой показывал на уходящие верх от обочины заросли густого леса. – Здесь чего только не растёт. И дубы, и березы, и липа с ольхой встречаются! А выше, сами видели, и пихта есть, и лиственница, и ель, и кедр...

- А что это за лианы везде с красными гроздьями? – снова подал голос Чурсин. – На дикий виноград похоже.

- Не, - ухмыльнулся довольный водитель. – Это лимонник, – дядя Витя погладил себя по затылку. – У меня на мичуринском тоже растёт. В нём витаминов немеряно! Бывает, устану на работе как чёрт, а жена чаю с ягодами лимонника

заварит. Не поверите, такой прилив сил! Наши мужики его и при простуде пьют, и от сердца...

Дядю Витю было не остановить. Егор любовался природой за окном и вполуха слушал про ягоду пяти вкусов, про китайскую шизандру, про элеутерококк и про драгоценный корень женьшеня, которые произрастают только здесь. Под этот рассказ задремал и Евгений Михайлович. А дядя Витя всё рассуждал:

- Если в нашем лесу заблудишься, не пропадёшь. У нас только съедобных грибов более двухсот видов...

- Ага, - вспомнил Егор. – В вашем лесу и тигры водятся. Заблудишься, сожрут, нахрен!

- Есть полосатые, а как же! – обрадовался водитель. – Только на людей они редко нападают. Им горалов хватает, пятнистого оленя, изюбря, косуль, кабарги, - загибал пальцы дядя Витя. - А наши леопарды не брезгают лисицей, лесным котом, соболем, колонком, зайцем...

Дорога километр за километром уходила под колёса «Волги». Чурсин один поддерживал разговор с поцыкивающим между фразами шофёром. А тот завёл речь о чудесной приморской рыбалке, пытался разводить руки в стороны, чтобы продемонстрировать размеры пойманных им рыбин. Егор только поддакивал, удивлялся, бросал восхищённые реплики.

- У нас ловят не только в море, - рассказывал дядя Витя. – У нас в реках такое водится! Десятки разных рыб! Десятки, понимаешь?! – убеждал он Егора. – В сезон кета прёт, горбуша. На горных реках можно брать хариуса и ленка. А налим?! Щука в низовьях сама на крючок цепляется! А устера?! Её, кстати, можно с подлещиком спутать. Лещ, язык! А голавль?! – он снова поцыкал через обломанный зуб.

Помолчал, наверное, вспоминая про рыбацкое счастье. И снова начал:

- На озерах мужики берут карася, чебака, сазана. Сомы берут и голяна... - он перевёл дыхание. – В заливах камбалу ловим, скумбрию, пеленгаса. Навагу ловим, минтая... Корюшку с бычками если на сковороде пожарить, как семечки щёлкать можно. Язык проглотить!.. Ты вот, например, угая ел когда-нибудь?

- Не только не ел, даже не знаю такого, - засмеялся Чурсин.

- Вот! – радовался дядя Витя. – Его ещё красноперкой называют. Вкуснота! А водится она в тихих местах, ближе к зарослям. Чтобы её получить, надо повадки знать, - он по очереди быстрыми движениями обтёр о штаны потеющие ладони. – Она считается дневной рыбой. Её лучше рыбалить рано утром или в обеденное время, вечером тоже можно... Лучший сезон для угая – апрель. Зимой он на дно залегает, а в конце весны – начале лета уходит на нерест. Ловить его в это время запрещено.

Егору и говорить-то уже ничего не надо было, водитель, казалось, не обращал внимания на собеседника. С увлечением рассказывал про спиннинги и удилища, про какие-то бортовые удочки и донные снасти. Переходил на наживку из червя и опарыша, со знанием дела рассуждал о том, что хорошей приманкой служит пшенка или картошка, отруби, хлеб, мелкие насекомые.

- А знаешь, что весной можно использовать красного навозного червя? – и лукаво подмигивал в Егору в зеркало. Тот молча качал головой. – А! То-то, а ведь в мутной воде рыбе его лучше видеть...

За разговором и время проходило быстрее. Мелькнул указатель «Шкотово». Населённый пункт раскидал свои домишки в широкой, уткнувшейся в море, долине между зелёными сопками.

- Большой посёлок, - проснулся Евгений Михайлович. – И здесь по Ленина едем...

- А где Ленина нету? – охотно подхватил водитель. – У нас везде есть. Хоть и не бывал он в наших краях, однако же мировой вождь! – дядя Витя погладил пальцами свои несуществующие усы. Зато Пржевальский был... - вспомнил он. - Щас ещё Штыково пройдем, и Артём будет. Отсюда до Владика километров восемьдесят.

Шатров проснулся, когда они въехали на улицы шахтёрского центра Дальнего Востока. Артём показался сибирякам тихим, угрюмым городом, застроенным по большей части двух-трёхэтажками с мрачными, облупленными фасадами. Асфальт на улице Кирова, по которой катила «Волга», покрывали частые трещины, там и сям встречались ямы, тротуары пестрили выбоинами, неухоженными выглядели газоны. Впечатление усугублялось потемневшим от сплошных облаков небом.

После Владивостока и Находки Артём выглядел «плоским», улицы – прямыми. И уже одно это делало его похожим на шахтёрские городки Сибирского региона. Ему представилось, будто вдалеке мелькнули знакомые силуэты чёрных терриконов, тень шахтового копра-подъёмника.

Ближе к центру прибавилось транспорта. Кирова незаметно перешла в улицу Фрунзе. Теперь вдоль дороги потянулись привычные пятиэтажные дома с магазинами, парикмахерскими, сберкассами и почтой в первых этажах. На перекрёстках водители заморских авто терпеливо пропускали пешеходов и уступали дорогу встречным машинам.

«Вежливо ездят», - потягиваясь, заметил Сергей, лишь только улица Фрунзе так же незаметно перетекла в Рабочую.

- Шахтё-ё-ры, - выговорил дядя Витя. – Добродушный народ.

- По себе знаем, - согласился Евгений Михайлович.

- Откуда? – удивился водитель. А когда услышал про Сибирский регион, одобрительно кашлянул:

- Кхы-хры... Уважаю шахтёров! Работа тяжёлая, но почётная... У нас в Артёме знаменитые шахты: «Амурская», «Дальневосточная», «Озёрная», «Приморская», имени Артема – все не помню. Мужики там геройские, им каждый год на День шахтёра награды дают...

- Лучше бы зарплату хорошую давали, - вставил Егор.

- Это правда! – тут же согласился словоохотливый дядя Витя. – Прошлым летом наши шахтёрики тоже забастовку поддержали! На них тут народ напускали, дескать, нечего им на солнышке лежать, пусть идут на работу, страну не раскачивают, - сформулировал он. - Но люди-то знают, что шахтёры для всех требуют хорошей жизни...

Отсюда до Владивостока ехали меньше часа. «Волга» сначала катила под уклон, потом – вверх на подъём, и с каждым километром зелёные сопки с точками домов на склонах становились всё ближе.

Над приморской столицей небо было чистым, ярко светило солнце. Промелькнула роstralная колонна с парусником на макушке, а рядом с ней – огромное слово «Владивосток» на бетонных блоках.

- Куда едем? – водитель скосил глаза на Евгения Михайловича.

- Крайком знаете? Прямо туда, - не раздумывая, откликнулся директор.

...«Волгу» разгрузили в крайкомовском гараже, куда заехали по команде Николая Николаевича. Управляющий делами выделил им в помощь двух рабочих, которые быстро восстановили фанерный куб, сохранённый заботами дяди Вити. В него снова сложили все коробки, в свой ящик вернули видеокамеры. Под бдительным оком Чурсина и Шатрова рабочие тщательно приколотили крышки. После этого дядя Витя распрощался с сибиряками и укатил.

Евгений Михайлович дал парням денег на продукты и отправил в гостиницу, а сам на лифте поехал к Николаю Николаевичу решать проблему доставки груза на родину.

День перевалил на вторую половину, пока Сергей и Егор добрались до своего номера. Но не успели они приготовить обед, как явился директор. Вид у него был довольный, золотистые кудри победно развевались над головой:

- Решил! - доложил он. – Завтра летим домой на военном самолёте.

16.

На этот раз Егор проснулся за мгновение до того, как Евгений Михайлович постучал в дверь их номера. Сквозь сон он уловил тихие шаги директора в гостиничном коридоре и открыл глаза прежде, чем раздался тихий стук. За окном дрожал полумрак, а часы показывали начало шестого утра.

- Вставайте, парни, - тихо позвал их директор. - Машина придёт через пятнадцать минут...

Вещи они уложили ещё с вечера, поэтому времени на утренние сборы хватило с лихвой. Под фонарём у входа в гостиницу стоял автомобиль УАЗ-452, который в народе прозвали «буханкой» или «таблеткой», и негромко урчал мотором. Рядом с машиной курил худой высокий хмурый парень с заспанным лицом.

- Едем? – спросил он сибиряков. – Садитесь, - и полез в кабину, а пассажиры – в салон.

Внутри были четыре пассажирских сиденья, а часть салона заняли фанерные ящики с оборудованием.

Улицы города в предрассветный час были пустынные, светофоры неустанно моргали жёлтыми глазами, и машина беспрепятственно катила за город – снова в сторону Артёма, где в городском районе с названием Угловое располагалась военная база авиации Тихоокеанского флота...

«Уазик» неторопливо катил по широкому ровному шоссе. Рассвело, и сквозь заднее окно автомобиля в салон ударили первые лучи восходящего солнца. Вылет самолёта, сообщил директор, назначен на девять часов, так что они успевают к рейсу при любом раскладе.

На КПП аэродрома офицер, щурясь от солнечного света, проверил у сибиряков паспорта, исследовал документы, которые ему передал Евгений Михайлович, и скомандовал: директор с водителем повезут ящики на погрузку, а Чурсин и Шатров будут ждать посадки возле пропускного пункта.

Шлагбаум подняли, и «Уазик» укатил по разбитой дороге авиачасти. Сибиряки зашли на территорию через будку КПП и решили «приземлиться» на давно не стриженном газоне рядом с одноэтажным строением. Присели на тёплую траву, посидели молча несколько минут, затем прилегли, положив под головы руки и, с удовольствием вдыхая травяные запахи, как по команде задремали.

Вскоре шеф пристроил свои вещи рядом с их сумками и, крестив ноги, сел, приняв позу китайского болванчика.

- Коробки наши забрали, а вот вылет задерживается... - сообщил он приподнявшимся было парням. – Так что, лежите...

- На сколько задерживается? – Егор глянул на свои часы, стрелка показывала начало десятого.

- Кто знает, - пожал плечами директор. – Военные! От них правды не дождёшься. Говорят, мол, тщательно готовимся к серьёзному рейсу. Ведь они через весь Союз в Москву летят с каким-то важным секретным грузом. По дороге нас домой подбросят... Сказали, что к вечеру дома будем.

- Какой у них самолёт? – спросил Шатров.

- Ан-26, - ответил директор. – Они шутят, что лететь будем низко, но долго.

Прошёл ещё час. Издалека доносился гул авиационных двигателей. Сидеть надоело, и Егор решил обследовать территорию, которую от посторонних глаз укрывала плотная зелень кустов и деревьев, но наткнувшись на ограждение из колючей проволоки, вернулся на газон к землякам. С Шатовым они принялись «сверлить» директора умоляющими глазами, ничего не говоря. В конце концов, тот подтянул к себе свою дорожную сумку и вынул из неё газетный свёрток с приготовленными с вечера нехитрыми бутербродами.

- Дам по одному, - вздохнул он, разворачивая бумагу. – Денег больше нет, сколько будем добираться до дома, непонятно. Придётся потерпеть ...

После бутербродов снова легли на траву, сберегая калории. Здесь их и отыскал посыльный в чёрной форме морского лётчика с пилоткой на белёсой макушке и двумя звёздочками вдоль погона. Отслуживший срочную, Чурсин знал, в военно-морском флоте такие погоны полагались мичману, в сухопутных войсках – прапорщику.

- Вот вы где? – выдохнул он, запыхавшись. – Давайте, за мной! Капитан приказал... Через пять минут вылетаем...

Он развернулся и помчал обратно, парни рысцой за ним – впереди Шатров, следом Чурсин, замыкающим стал Евгений Михайлович с сумкой в одной руке и портфелем в другой.

Обогнули поросший травой земляной холм, на котором стояла похожая на высокий газетный киоск диспетчерская будка с большими окнами. За ней простиралась взлётная полоса из плотно подогнанных бетонных плит.

Тёмно-серый «горбатый» транспортник – крылья выше фюзеляжа – находился на стоянке слева от бетонки и разгонял турбовинтовые двигатели, шевелил закрылками и хвостовым оперением, украшенным красной звездой.

По приставной лесенке пассажиры зашли внутрь крылатой машины. Отсек, в котором они оказались, с одной стороны граничил с кабиной экипажа, в неё вела крепкая овальная дверь, с другой – с грузовой частью самолёта, отгороженной металлической стенкой, куда можно попасть тоже через небольшую дверь.

- Располагайтесь, сейчас взлетаем! – сказал им в спину прапорщик и скрылся в кабине пилотов.

Самолёт дернулся и плавно покатил в сторону взлёта. Чтобы не упасть, сибиряки разом присели на протянувшуюся вдоль отсека металлическую лавку, сумки поставили рядом, осмотрелись. Такая же лавка была на противоположной стороне. В закруглённых светлых стенках лайнера было по иллюминатору с каждого бока. Тёмно-зелёный железный пол завершал спартанский дизайн отсека.

Самолёт вырулил на полосу и замер, набирая обороты моторов. Из пилотской кабины выглянул новый знакомый, на его «пустой» голове щетинились короткие волосы:

- На взлёт идём! – прокричал он, перекрывая гул двигателей. - Держитесь, чтобы не упасть!

- Тебя как зовут? – спросил Шатров.

- Константин...

- Погоди, Костя, скажи, сколько времени нам лететь? - не унимался Сергей.

- Не знаю, - пожал тот плечами. – Часа через четыре сядем на заправку на аэродроме Домна под Читой...

- А какая скорость у нашего лайнера? – Егор постучал костяшками пальцев по стенке самолёта.

- Четыреста километров в час, - Константин погладил стриженую макушку и добавил, не дожидаясь нового вопроса. - Наш эшелон шесть тысяч метров.

17.

...Ан-26 развернулся в воздухе и взял курс на запад. Егор увидел, как в окне показалось и «поплыло» назад море, очерченное изломанной линией берега. Глаза вдруг на мгновение ослепли от блеснувшей яркой полосы на воде, потом свет солнца на миг затмила необъятная морская синь. Очарованный Чурсин замер, припав к иллюминатору.

Позади оставался самый край Союза с его Артёмом, Владивостоком, Находкой, с морскими портами, причалами и кораблями, спрятанными от штормов в уникальных заливах и бухтах. Эти порты, увидел за эти дни Егор, были гордостью живущих здесь людей. Отсюда, с борта набирающего высоту самолёта, ему казалось, что Приморье раскинуло паутину морских путей по морям и океанам, и поэтому мало какие суда, выскользнув из этих сетей, могли потеряться в необъятных водных просторах земли.

В пассажирском отсеке стало очень свежо, если не сказать больше: обшивка самолёта, его металлические сиденья сделались холодными. Сибиряки достали из сумок и одели ветровки.

Сергей пересел к противоположному борту, застегнул куртку, поднял воротник, втянул голову в плечи, нахохлившись как большая птица, и закрыл глаза. Евгений Михайлович тоже задремал рядом с Чурсиным, откинувшись на стенку. А Егор не мог оторваться от круглого толстого стекла иллюминатора.

Под крылом доминировал зелёный цвет, до самого безоблачного горизонта простирались контуры многочисленных сопок. Змеились и отблескивали на солнце тонкие русла ручьёв и речушек, петляли очертания более солидных рек,

тут и там виднелись разнообразные пятна озёр. Изредка попадались следы цивилизации – прямые полосы автодорог, просек с высоковольтными линиями.

Егор смотрел сверху вниз на землю, на её контуры, черты и изгибы и ему казалось, что крылатая машина неподвижно висит в воздухе, однако медленная, плавная смена пейзажа опровергала это. Чурсин потерял ощущение расстояний и пропорций, не представлял, над какими местами они пролетают. Начал мысленно вспоминать школьную карту и Дальний Восток на ней, географию его рек.

Впереди по курсу открылась лента реки раз в десять шире тех, что попадались раньше. Он догадался, что это Амур. «Амур-батюшка», - вспомнил Чурсин название прочитанного когда-то романа.

А потом уснул. И увидел во сне полёт. Во сне он летел в облаках и даже воспарял над ними. Это не страшило его, напротив, оторванность от окружающей реальности радовала. Ему казалось, будто летит не над Землей, а над какой-то планетой, и неизвестно, есть ли на ней живые существа. Внезапно появившуюся нитку дороги на открывшейся в разрыве облаков поверхности планеты он принял за доказательство существования другой цивилизации...

В однообразном, ровном движении самолёта что-то изменилось, заставило сибиряков одновременно открыть глаза. Когда они, зевая и зябко потягиваясь, возвращали чувствительность затёкшим ногам и поясницам, в пассажирском отсеке появился Константин.

- Держитесь! - крикнул он. – Идём на посадку.

Егор снова припал к иллюминатору. Внизу увидел окраины большого города с линейками улиц и автомобилями размером с булавочную головку, пригородные прямоугольники дачных участков, полотно автодороги и крутые петли реки, уходящие в бесконечную даль лесов. Самолет снижался, и когда заходил на посадку, Чурсин заметил песочного цвета взлётную полосу, а вдоль неё – рядок серебристых самолётиков.

Винты ещё не завершили свой бег, а экипаж уже покинул машину.

- Вам придётся выйти, - сказал сибирякам прапорщик. – В самолёте нельзя, на стоянке подождёте. Мы быстренько покушаем, заправимся и дальше...

На плохо гнущихся ногах, кряхтя, пассажиры спустились на бетонную площадку. Евгений Михайлович предусмотрительно прихватил с собой свою сумку. Недалеко кружком стояли «летуны», переговаривались и жадно затягивались сигаретами, дым от которых так и клубился над ними. С Константином их было пятеро. Четыре звездочки на погонах одного – коренастого офицера средних лет – выдавали в нём командира. По большей части он и говорил, а остальные согласно кивали головами в фуражках с чёрными околышами. Через минуту к самолёту подкатил старенький «Пазик», раскрашенный бело-сери-зелёными красками камуфляжной маскировки, лихо развернулся у транспортника и распахнул единственную дверь. Экипаж энергично втоптал в бетон окурки сигарет и неспешно разместился в автобусе. Тот рванул было по взлётке, но вдруг резко затормозил, из него выскочил Константин, подбежал к сибирякам:

- Командир напоминает, что возле самолёта находиться нельзя, - выдохнул он. – И курить на взлётке тоже нельзя! Ждите...

Автобус уехал в сторону сопок, которые со всех сторон окружали аэродром. Над Забайкальем было солнечно, небесное светило вместе с самолётом стремилось на запад.

Наши путешественники хмуро добрались до края стоянки с колючей выгоревшей стерней. Сидеть не хотелось, поэтому стоя и молча они сжевали по бутерброду, правда, сытости не почувствовали, но аппетит перебить удалось.

- Пройдёмся, - предложил Евгений Михайлович и пошёл вдоль бетонного края.

- Кто-нибудь знает, сколько здесь времени? – Егор глянул на часы, которые показывали приморское время.

- Часа на два меньше Владивостока, - откликнулся директор.

Они час погуляли, потом присели на скошенную траву. За это время на аэродром один за другим приземлились два самолёта, выпустив позади себя белые купола парашютов. Большой бензовоз и десяток солдат с голубыми погонами заправили транспортник керосином.

- Сколько же они будут обедать? – в третий раз сам у себя спросил Шатров. – Может, они в Читу двинули, в ресторан?!

Ещё минут через тридцать вдалеке возник пятнистый автобус. Когда сибиряки следом за экипажем поднимались в самолёт, Егора уловил дразнящий запах борща.

- Где следующая остановка? – взял прапорщика за локоть Шатров.

- Авиабазы Белая в Иркутской области, - Константин вытер пилоткой вспотевший лоб.

На этот раз перелёт длился около двух часов. Егор поменялся местами с Евгением Михайловичем, чтобы смотреть на землю, сидя к окну другим боком. Бесконечные массивы тайги с крупными каплями озёр вновь расцветались блестящими речными извилинами с широкими безлесыми поймами, протянувшимися в основном с востока на запад. А в распадах между горными хребтами нет-нет, да и возникали многоугольники деревень и посёлков, к которым тянулись ниточки дорог.

Вдруг показалось, будто горные цепочки расступились, и под крылом открылось бескрайнее море - самолёт пересекал гигантский полумесяц Байкала. Изумрудный отсвет воды заколдовывал взгляд, озеро взблескивало и переливалось синими разводами, в которых угадывалось невероятная глубина. С высоты сибиряки видели лишь краешек могучего Байкала в чудесный летний день, когда всё вокруг охвачено покоем и солнцем. Озеро казалось не только кристально чистым, но и застывшее тихим. «С чем можно сравнить его красоту? - размышлял Егор. - Понимаю, - почувствовал он, - почему его называют жемчужиной природы...»

Западное побережье выглядело скалистым, обрывисто уходило в воду. На горизонте было ясно видно, как из озёрного зеркала изливается полноводная Ангара: единственную вытекающую из озера реку невозможно спутать ни с какой другой.

Над одной из излучин Ангары транспортник развернулся и сел на военном аэродроме с названием Белая. Пока приземлялись, погода резко изменилась – небесную голубизну скрыли облака, сопки здесь не было, со стороны гладкой как стол равнины потянуло зябким ветерком.

На земле экипаж действовал по тому же сценарию, что и в прошлый раз: все вышли на бетонку, офицеры, правда, пешком удалились по своим делам, оставив

пассажиров возле самолёта. К нему тут же подъехал бензовоз. И сибирякам, чтобы не замёрзнуть, оставалось только гулять вокруг своего Ан-26.

Внезапно вдалеке раздался глухой рёв, который стремительно усиливался. По взлётной полосе, которая находилась в трёхстах метрах от транспортника, один за другим катили два огромных военных самолёта. Остроносые, со скошенными прямоугольниками воздухозаборников по бокам, они выглядели готовыми к прыжку хищниками. Самолёты остановились напротив Ан-26, и рёв их двигателей усилился, наверное, втрое. Невозможно было спокойно воспринимать мощный, оглушающий звук, заставивший сибиряков беспомощно присесть, испуганно зажать ладонями оглохшие уши.

Самолёты резко рванули по бетону и устремились вверх тонкими как иглы носами. Они стремительно набирали высоту, быстро достигли нижней линии облаков, последовали два странных хлопка, и серебристые машины исчезли в серой облачной пелене.

- Вот это да! – прошептал Егор, и не услышал сам себя. – Я думал, нам капец!

Шатров ковырял мизинцем в заложенном ухе, Евгений Михайлович с жалобной улыбкой смотрел на подчинённых. Оглушённые, выбитые из колеи они не заметили, как вернулся их экипаж.

- Что вы хотели, это же бомбардировщики Туполева! Испугались?! – Константин фамильярно похлопал Шатрова по спине, как только транспортник пошёл на взлёт, и с гордостью поднял вверх большой палец.

- Когда же мы-то домой доберёмся? – недовольно повёл плечом Шатров.

- Следующая ваша, часа через три, - весело ответил прапорщик. – Не пропустите!

Смотреть в окно уже не хотелось, шея ныла от неудобного положения, ведь в расположенный за спиной иллюминатор приходилось смотреть через плечо. Не спалось, сибирякам не терпелось попасть домой. Сергей устало вздыхал, поглядывая то на директора, то на Егора. Чтобы поднять боевой дух, Евгений Михайлович решил выдать парням по последнему бутерброду.

Они уже доедали толстые ломти ржаного владивостокского хлеба, смазанные не то маслом, не то маргарином, когда из пилотской кабины показался прапорщик. Он сочувственно глянул на директора, покачал головой и скрылся за дверью багажного отсека.

Егор дожевывал, вытер губы и икнул раз, другой...

- Могу чаю дать, мужики, - предложил Константин, возвращаясь к пилотам.

Пассажиры дружно согласились. И прапорщик вынес им три картонных стаканчика, которые осторожно удерживал на крохотном пластиковом подносе. Напиток был горячим, густым, с ароматом приморских трав.

После чаепития Егор решил заглянуть в грузовой отсек. Железная дверь подалась легко – он оказался в трубообразной хвостовой части самолёта.

Здесь рядом стояли два красивых японских автомобиля. Чурсин присвистнул от удивления: «Важный секретный груз!» - вспомнил слова директора. Одна машина была белой, другая чёрной. Чурсин подошёл и наклонился над первой: руль справа, кожаный салон, интересная панель, - судя по всему, авто были дорогими. Их колёса зафиксировали колодками и металлическими тросами. Хромированные детали поблескивали в свете уходящего дня, который проникал через иллюминаторы.

Сразу за машинами, ещё ближе к заднему люку расположились два фанерных ящика с их оборудованием. Весь груз отделяла от хвостового выхода ровная стенка из белых картонных – в два ряда – коробок, похожих на те, в которых продают обувь. «Их тут штук пятьсот», - прикинул Егор. Он взял одну картонку, на этикетке из всех иностранных слов разобрал смысл лишь одного – «pharmaceutics».

В грузовой части оказалось холоднее, чем в пассажирском отсеке. Поёживаясь от низкой температуры, Чурсин заглянул за коробки с лекарствами – на створки грузового люка. Заметил, что по потолку фюзеляжа идёт монорельс с тельфером для погрузки и разгрузки.

- Машины они везут в Москву! – сообщил сибирякам Чурсин. – Через всю страну самолёт гонят.

- Какие машины? – не понял Шатров.

- Японские! Дорогие! – завёлся Егор. – Вот тебе и армия!

- Им командир приказал везти, они и везут, - заступился за «летунов» Евгений Михайлович. – Может, генералы оплатили перевоз...

18.

В пассажирском отсеке вновь возник прапорщик:

- Будем садиться в Новосибирске! – сказал он Евгению Михайловичу. – Командир просил передать, ваш город не принимает... В аэропорту какой-то ремонт ведут на взлётке...

- Как?! – подскочил Евгений Михайлович, его лицо вспыхнуло пурпуром. – Что мы будем делать в этом Новосибирске? Где ночевать? Как до дома доберёмся? Где денег возьмём? – сыпал он вопросами.

- Я не знаю, - оторопел Константин. – У нас там ночёвка. Командир сказал, я передаю, - и он ретировался в свою кабину.

Парни растерянно смотрели на директора, а тот раздосадовано ворчал, но шум двигателей заглушал его бормотание. Потом подтянул к себе портфель и начал рыться внутри, достал записную книжку в красном переплёте, полистал её, довольно хмыкнул и громко сообщил:

- Пойду спасать ситуацию! Какой Новосибирск?! Нам домой надо!

Он попробовал сходу открыть дверь к пилотам, та не поддавалась. Тогда директор вежливо постучал по ней костяшками пальцев – результат тот же. Он несколько раз стукнул по железу кулаком, но и это не имело ответа. Только когда он попинал её ногой, из-за двери выглянул Константин. С места, где сидел Егор, не было слышно, что Евгений Михайлович объяснял прапорщику, подсовывая к его лицу пурпурную книжку. Прапорщик кивнул головой и снова исчез, закрывшись.

Казалось, вход в кабину пилотов больше не откроется, - так долго тянулись эти несколько минут. Но, видимо, командир решил выслушать аргументы пассажиров: Константин широко распахнул дверь и пригласил директора внутрь. Чурсин только сейчас заметил, чтобы попасть к пилотам, надо шагнуть на одну ступеньку вниз. На этот раз дверь за директором осталась приоткрытой.

Егору не терпелось заглянуть внутрь и несмотря на то, что Шатров пытался удержать его, Чурсин отмахнулся, осторожно приблизился к щели и сверху вниз заглянул внутрь.

От огромного количества круглых и полукруглых приборов, рукояток, рычагов и светящихся огоньков зарябило в глазах. В тесной кабине спиной к Чурсину сидели командир экипажа и второй пилот, в креслах за ними расположились ещё двое. А по бокам кабины стояли прапорщик с директором. На кудрявом рыжевatom затылке Евгения Михайловича красовались наушники. Судя по всему, он вёл с кем-то переговоры, энергично кивая головой в такт своим словам. Потом он снял наушники и передал их Константину.

Егор мигом вернулся на своё место и замер, как ни в чём не бывало. Лицо директора светилось от счастья. Он попросил Шатрова пересестъ на их лавку, обнял парней за плечи:

- Сегодня дома спать будем, мужики! Посадку нам дали, я с начальником аэропорта по радио договорился... Ну их со своим Новосибирском!

Командир принял решение всего на полчаса приземлиться в их городе, рассказал Евгений Михайлович. День завершается, и лететь на ночёвку в Новосибирск в темноте ему не хочется. Поэтому просит нас помочь с выгрузкой. Сначала придётся коробки с лекарствами выгрузить, только потом – их оборудование. Затем надо снова вернуть лекарства на борт... «Зачем грузили в таком порядке? Может, он заранее знал, что у нас посадки не будет?» - вопрос Шатрова остался без ответа.

- На всё – полчаса! – довольно потёр ладони директор. – Кстати, я заодно из обкомовского гаража в порт вызвал грузовик и легковушку.

...Сумерки опустились на аэродром, когда фанерные ящики с телевизионным оборудованием с помощью лебёдки по монорельсу перекочевали из брюха транспортника в кузов «ЗИЛа».

Дома стояла хорошая погода. В ясном небе зажигались первые звёзды, показался яркий серп нарастающей луны. Последние лучи заходящего солнца отражались малиновым цветом в редких полосках высоких облаков.

И экипаж, и сибиряки как угорелые носились по грузовому трапу и буквально закидывали в самолёт коробки с лекарствами. Надрывно гудели двигатели транспортника.

- Быстрее! Быстрее! – покрикивал на всех капитан, покуривая в сторонке.

Вскоре грузовик укатил, грузовой люк закрыли, а экипаж исчез в самолёте. Возле него остались только капитан и его теперь уже бывшие пассажиры. Капитан докуривал сигарету и, показалось Чурсину, всё «тянул» с последней затяжкой. Евгений Михайлович, наверное, тоже это почувствовал.

- Подойдём, - позвал он и направился к лётчику. - Спасибо, товарищ командир! - протянул ему раскрытую ладонь. – Довезли в целости и сохранности.

- Да, мужики! Да! – первый раз за весь длинный день улыбнулся им капитан, пожимая по очереди руки. – Двадцать лет по Союзу летаю, а в вашем городе в первый раз, - кивнул на Евгения Михайловича. – Благодаря вашему начальнику Он у вас тут портами командует.

Евгений Михайлович довольно крикнул.

- У вас воздушный каботаж получается, - Чурсин вспомнил недавний разговор в морском порту.

- Именно так! – согласился командир. – Возим грузы по стране. Теперь и автотехнику под заказ доставляем! – он посмотрел на каждого изучающим

взглядом. - Возим всё, куда нам деваться. Жизнь теперь пошла такая... Мне сказали, вы с телевидения? – парни кивнули. – Если что не так, извиняйте. Но, не сомневайтесь, про родину мы помним! Так что, не судите строго.

- Да мы не собираемся никого судить... - Чурсин хотел сказать что-то ещё.

Капитан не дослушал, резко крутанулся на каблуках и пошёл к самолёту. Егор отметил, что идёт он вразвалочку, как настоящий моряк. А тот уже из двери самолёта снова повернулся к ним:

- Меня зовут Леонид! Лёня! – прокричал и помахал рукой.

Дверь за ним закрылась, в ту же секунду Ан-26 покати́л к огням взлётной полосы. Там невидимая железная птица взревела двигателями и улетела в звёздное небо.

Партийный хит сезона

1.

Они довольно быстро нашли дом номер семь дробь четыре на Кутузовском проспекте. Огромное длинное здание высотой этажей в десять из светлого кирпича, с просторными высокими квартирами, про архитектуру таких московских застроек говорят «сталинская». Чтобы попасть во двор, надо миновать препятствие в виде шлагбаума со стеклянной будкой, где мордастый охранник лениво потребовал у них документы, потом долго и придирчиво сравнивал фото на паспорте с оригиналами и только после этого спросил, кривя в сторону свои полные губы: «К кому?».

- Нам в корпункт газеты «Майнити», - кивнул внутрь двора Олег Иванов. – Кажется, первый подъезд, - добавил он неуверенно.

- Вас там ждут? – равнодушно уточнил сторож порядка.

- Да, конечно, у нас их визитка есть, - Олег достал из нагрудного кармана кусочек картона. – Вот, здесь их телефон есть, можете позвонить...

Охранник усмехнулся, вынул откуда-то из-под прилавка своей будки телефонную трубку на шнуре, нажал невидимые кнопки и сказал невидимому собеседнику: «К вам посетители, - вздохнул, окинул взглядом гостей. – Фамилии назовите? – и после того, как Олег и Александр представились, повторил в трубку, - Иванов и Сашин, - ещё послушал невидимый голос, спрятал трубку и кивнул, - проходите...

Из-за угла дома навстречу им уже шёл невысокий черноволосый парень в тёмных джинсах и светлой футболке. На вид ему было лет тридцать – тридцать пять. Его полноватое лицо озаряла широкая добродушная улыбка, отчего узкие глаза превратились в почти невидимые щелочки.

Примерно за три шага до гостей он остановился, опустил руки по швам и поклонился, потом приблизился.

- Зыдыраствуйте, Алек-сан, - радостно произнёс он и принялся трясти протянутую в ответ Олегом руку.

- Коничи ва, Танака-сан, - вспомнил Олег выученное в их прошлую встречу японское приветствие.

- Привет, привет, - радостно закивал в ответ Танака. А Олег выдал ещё:

- Огенки десу ка?

Японские глаза расширились от удивления, они оказались тёмно-лилового цвета, и тут же снова сузились от улыбки:

- Карашо! А как ваше задаровье, Алек-сан?

Тут Олег нахмурился, вспоминая нужные слова, дурашливо хлопнув себя по лбу, воскликнул:

- Ли десу йо! – замер, напрягая мозги и добавил. – Аригато...

- Карашо! – торжественно изрёк Танака. И повернулся, наконец, к Олегову спутнику, снова вытянув руки по швам и склонив голову.

- А это – Александр Сашин, - представил его Иванов. – Мой коллега и товарищ.

Александр, если и улыбнулся в ответ, то незаметно для окружающих, только одними глазами. С серьёзным выражением он взирал на этот диалог чуть с

высоты своего роста, необычно прямо держа спину и развернув плечи. В его осанке угадывалась выправка профессионального танцора.

- Саша Сашин, как карашо! - восхитился на свой манер встречающий. - Зыдыраствуйте, - ещё более радостно повторил он. И с таким же энтузиазмом принялся трясти руку Сашину.

Так в один из жарких июльских дней 1990 года наши друзья оказались в просторных московских апартаментах одной из самых крупных в Японии газет «Майнити Симбунся».

Был выходной, и в работе явно затянувшегося съезда делегаты решили объявить перерыв. Поэтому сегодня не работал и пресс-центр этого грандиозного форума в Кремлёвском дворце съездов, где проводили все дни московской командировки наши герои. Следили со специального балкона для прессы за жаркими дискуссиями участников, заносили в блокноты цитаты спикера или очередного выступающего, снимали на видео пленарные заседания, записывали в перерывах комментарии и мнения людей, известных на весь Советский Союз.

2.

Эта командировка для руководителя пресс-службы обкома КПСС шахтёрского региона Олега Иванова стала внеплановой. Вообще-то в июле он собирался в очередной отпуск, который планировал провести с семьёй на морском берегу. Ему уже и заявление подписали. Но в один из летних дней его вызвали в управление делами обкома. Мудрый от многолетнего опыта работы управляющий делами Алексей Петрович, хитро прищурившись, сообщил:

- Оформляй командировку в Москву. На неделю. С отпуском придётся повременить...

- Зачем? – упавшим голосом начал уточнять Олег.

- Поедешь на партийный съезд! Представляешь?! Такая удача выпадает, может, раз в жизни, да и то не каждому! Кто-то мечтает, да не судьба, - торжественно произнёс Алексей Петрович. – Решение по тебе принял сам первый секретарь. Ты же знаешь, он от области делегацию возглавляет, и – немалую. А в ЦК есть мнение, что про этот съезд надо широко рассказывать людям, пусть знают, какие решения партия принимает. Там создают большой пресс-центр. Будешь оттуда для областной газеты и для телевидения репортажи делать. Так что иди, командировку выписывай, суточные получай... Словом, готовься.

Спорить бесполезно, понял Иванов. Отпуск откладывается, но одному с задачей не справиться, прикинул он. Если брать с собой видеокамеру, надо при ней и помощника иметь.

- Так не пойдёт, Алексей Петрович, - побарабанил он пальцами по крышке стола управляющего делами.

- Ты что, поручение «первого» будешь саботировать?! – в голосе того зазвучали жёсткие нотки.

- Ни, Боже мой! – засмеялся Олег. – Наоборот, предлагаю, как лучше задачу решить.

- Ну-ну, и как? – снова прищурился управляющий.

- Чтобы всё сделать на «пять», мне помощник нужен. Вы же понимаете, я знаю, что говорю.

К этому времени Иванов уже сумел наработать авторитет среди местных партфункционеров. Журналист, бывший главный редактор известной городской газеты, он работал в обкоме уже пятый год. Когда его позвали в областной центр, предложили возглавить сектор печати в обкомовском идеологическом отделе, первые года три он часто мотался по городам и районам, улаживал конфликты, которые всё чаще возникали между горкома и райкома партии и коллективами местных газет, решал многочисленные проблемы редакций и журналистов региона.

Потом, когда в конце 1980-х в их области начались шахтёрские забастовки, которые потрясли и едва не развалили огромное государство, поставив его на грань кризиса: экономика страны работала всё хуже, дефицит был буквально во всём, - Москва решила создать в обкомах пресс-службы. Хотели сделать более прозрачной работу партии, у которой как снежный ком нарастали серьёзные проблемы. Резко увеличили выпуск центральных газет: выросли тиражи «Правды», она стала выходить ещё на французском, испанском, немецком и других языках, «Комсомольской правды», «Труда», «Известий».

А в начале лета 1990-го вышел закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», и новые издания стали появляться буквально ежедневно, как грибы после дождя. Многие из них заявили о своей независимости. Объявленные генсеком КПСС Горбачёвым «гласность», «перестройка», «демократия» и «ускорение» не просто пребывали на слуху, они стали главной надеждой ожидаемых людьми перемен. А инструментом этих перемен сделали официальную прессу. Использовали её по полной, чтобы «вбить» в головы граждан новые идеи.

Организовать в обкоме пресс-службу поручили Иванову. И скоро её сотрудники начали готовить статьи, комментарии партийных руководителей области для телевидения и радио, рассказывать людям о задачах «перестройки» и обновления. На областном гостелеканале даже передачу для обкомовского пресс-центра придумали со странным названием «Десять плюс двадцать». Чтобы сделать её еженедельной и интересной, Иванов позвал к себе на работу двух знакомых журналистов, одним из них и был Александр Сашин.

3.

...Олег с Александром прилетели в Москву в воскресенье 1 июля и поселились в уютном номере гостиницы «Россия» - самом большом отеле СССР. Это было удобно во всех отношениях: всего в двух шагах Красная площадь, а делегатам и аккредитованным журналистам разрешалось проходить во Дворец съездов через ворота Спасской башни Кремля. В многочисленных столовых, ресторанах и кафе «России» для делегатов и их с ними организовали спецобслуживание, здесь можно было не только дёшево позавтракать и поужинать, но пообедать во время больших дневных перерывов. Это приводило в восторг наших героев, ведь еда в командировках часто была на последнем месте. А тут – на тебе!

Олег ещё во Внуково заметил, как изменилась Москва. Его, провинциала, шокировало, как на выходящих из зала прилёта пассажиров нагло накинулась толпа таксистов, буквально сумки из рук вырывали, не боясь, как бывало в иные годы, ни милиции, ни ГАИ. В переходах метро и в многочисленных переулках открыто торговали всякой всячиной – шмотками, сувенирами, едой, напитками. Зато в продовольственных магазинах было либо совсем пусто, либо толпились длинные очереди.

На афишах кинотеатра в их гостинице названия фильмов были как на подбор: «Взбесившийся автобус», «Волки в зоне», «Место убийцы вакантно», «Палач», «Сатана», «Семья вурдалаков», «Стервятники на дорогах», «Сукины дети»...

В первый же московский вечер Олег с Александром, прогуливаясь по Тверской, которая ещё в прошлый приезд – хорошо помнил Олег – называлась улицей Горького, обратили внимание на многочисленных совершенно недвусмысленных, симпатичных девушек в коротких юбочках.

На экране нового московского городского телеканала не реже генсека партии в новостях «мелькал» такой же лысый, коренастый, словоохотливый исполняющий обязанности председателя Мосгорисполкома Юрий Лужков.

Но больше всего сибиряков поражал палаточный лагерь, разбитый непосредственно между Васильевским спуском и гостиницей «Россия». Кого только здесь не было, настоящая сборная солянка! И беженцы из Карабаха, и попрошайки, и диссиденты, и ходоки к Горбачеву. Не было единого лозунга, у всех висели собственные плакаты.

Когда Олег и Александр с кем-нибудь из делегатов проходили вдоль палаток – в Кремль или обратно – из палаток к ним тянулись руки с исписанными неровными почерком картонками: «Товарищи! Помогите ребёнку... Больному... Ветерану...». Жители этого живописного городка ели и спали тут же. Почти из каждой палатки выглядывали ноги в мятых штанах, или давно немые и нечёсанные головы, лозунги гласили: «Требуем гласного расследования!», «Перспектив террора КПСС», «Требую суда!», «Дайте правды!». «Палаточники» охотно вступали в разговор, но у каждого была своя тема. Они лежали или сидели на прогретом июльским солнцем асфальте, громко обсуждали с прохожими свои проблемы. Милицейские патрули не обращали внимания на палаточных обитателей.

А совсем рядом с Красной площадью был стихийный рынок. Чего только не продавали здесь с лотков и ящиков - кооперативные тапки и сумки, бананы, крупу, тряпки, сигареты, даже водку из-под полы.

Конечно, нашим сибирякам всё это казалось необычным. Хотя и на родине после шахтёрских забастовок творились иногда вещи и похлеще, и в магазинах тоже было пусто, казалось, что порядка в Сибири больше, чем в столице. Здесь даже в разгорячённом июльском воздухе витала какая-то напряжённость.

4.

Перед отъездом делегацию сибиряков инструктировали не на шутку: чтобы сохранить страну и спокойствие, надо сохранить партию, поддержать на съезде генерального секретаря партии Михаила Сергеевича, которого, к тому же недавно избрали на съезде народных депутатов СССР первым президентом Советского Союза...

- Да, многие из нас им недовольны! Это он перестройку затеял, раскачал лодку, - напутствовал делегатов секретарь обкома. – «Вы давите «снизу», а мы – «сверху», - процитировал он любимое высказывание генсека. – Это же надо – партийные фракции создавать начали! По большому счёту, с него за это спросить надо... Но, всему своё время, когда надо – спросим! А сейчас – поддержим...

Такие же накачки, размышляли Олег с Александром, получили и другие делегации, но съезд, в работе которого участвовали 4683 делегата, с самого начала пошёл по иному сценарию.

Его открытие началось со скандала: один из делегатов – толи от демократической платформы партии, толи от марксистской, - взявши слово по вопросам повестки дня, предложил съезду немедленно отправить генсека в отставку. Это, конечно, вызвало шок у некоторых журналистов. Иванов видел, как с балкона прессы коллеги рванули к телефонам, чтобы первыми прокричать в трубку эту сенсацию.

У высокой трибуны буквально столпилась очередь из московских делегатов, повестку дня долго и нудно «обсасывали» со всех сторон так, что у Олега сложилось впечатление, что съезд не начнёт работать...

Наснимали они с Александром в этот день, конечно, воз и маленькую тележку. Особо гордились, что взяли комментарии у министра обороны СССР, у председателя Верховного Совета СССР. Раньше об этих людях только в газетах читали или по телевизору видели... А тут – живьём!

В перерыве председатель союзного парламента одиноко стоял в огромном холле первого этажа дворца съездов и о чём-то раздумывал. Мимо текли людские ручейки – в буфеты, на улицу. Наши парни тоже двигались в сторону выхода, чтобы глотнуть летнего московского воздуха. Заметив Лукьянова, Олег толкнул Александра в бок: «Подойдём?»

- Давай, - живо откликнулся напарник. – Только, чур, я снимаю, вопросы задаёшь ты.

Иванов на ходу передал ему камеру. Александр быстро включил её, кивнул: «Готов».

- Анатолий Иванович, - шагнул Олег к третьему лицу в государстве, - разрешите, – тот кивнул задумчиво, но согласно. - Несколько вопросов от сибирского телевидения... Как вы оцениваете начало съезда с толкучкой у высокой трибуны?

- Нормально оцениваю, - пожал плечами спикер всесоюзного парламента. - Мой принцип таков: на форуме, тем более, на партийном съезде нужно столкновение умов, но не лбов. Мне было чертовски интересно следить за заседанием. Люди спорили, люди заводились. Без полемики нет нужного... Жалко, что у нас об этом забыли. А сейчас традиция возрождается. Конечно, важно с водой не выплеснуть ребёнка – о судьбе страны не забыть...

Они подробно обсудили сенсационное начало съезда, немного поговорили о проблемах экономики, о требованиях шахтёрских забастовок, которые Лукьянов назвал справедливыми. А потом Олег вспомнил о творческом увлечении спикера и повернул разговор на личное:

- Анатолий Иванович, а вы стихи ещё пишете?

Тот усмехнулся, смущённо кивнул:

- Пишу, да...

- А прочтите нам что-нибудь из вашего! – Иванов тронул собеседника за рукав.

- Зачем это вашему телевидению? - заупрямился Лукьянов, его смугловатое лицо стало ещё смуглее.

- А вы прочтите, людям же интересно...

Анатолий Иванович на несколько секунд задумался, вздохнул:

- Ладно, вот одно из стихотворений, - и он начал монотонным, глуховатым голосом:

- Мне снятся голоса поэтов,
Которых нет уже в живых.
Неповторимые приметы,
Особый ритм, чеканный стих.
По этим голосам негромким
С пластинок старых и кассет
Узнают дальние потомки
Наш трудный век, приметы лет.
Мне снятся голоса поэтов,
Которых нет уже в живых.
Я слышу, слышу до рассвета
Неровное дыханье их.
И просыпаюсь. Тихо в доме,
Упрямый дождь в окно стучит.
И в дробном капель перезвоне
Стиха мелодия звучит.

- Зачем тебе его стихи, - ворчал потом Александр. – Куда мы это вставим? Только человека зря смутил.

- Не знаю, накатило что-то, - оправдывался Олег. – Представил, как председатель Верховного Совета свои стихи с экрана читает!

5.

...Проблему оперативной пересылки отснятых материалов в редакцию региона помог решить управляющий делами обкома Алексей Петрович. «Надо к этому делу фельдсвязь подключить», - подал он идею в ответ на вопрос Иванова: как быть?

- Офицеры фельдсвязи квартируют прямо рядом с нашей гостиницей, - управляющий делами тоже был в эти дни в столице, выполнял бесконечные задания и поручения своего первого секретаря. – Выйдешь из «России», повернёшь направо, по улице Разина пройдёшь мимо Китай-города. Выйдешь на Солянку. Снова свернёшь направо. Там в самом начале улицы увидишь большое здание фельдъегерской связи. Через дежурного вызови офицера, который наш город обслуживает. Всё ему объяснишь, кассету отдашь. Он сегодня вечером из Москвы вылетает к нам. И завтра утром твоя кассета уже в редакции...

Олег с Александром так и сделали. Вечером на тихой Солянке из мрачного на вид дома фельдсвязи, похожего больше на солдатскую казарму, к ним вышел заспанный молодой старший лейтенант с всклокоченной короткой армейской стрижкой.

- Адрес написали? – зевая, перебил он педантичные инструкции Александра. Взял завернутую в газету видеокассету, внимательно прочёл адрес на приклеенном к ней листке. – Доставлю, не сомневайтесь, понимаю, съезд... Всё, идите, парни, дайте поспать! Мне скоро на самолёт.

А парни пошли ужинать. В огромном обеденном зале на втором этаже «России», где специально обслуживали только делегатов и гостей партийного съезда, свободных мест было немного. Строгого вида администратор придирчиво проверил у них карточки аккредитации, талоны на питание и провёл на свободные места. За накрытым на шесть персон столом три места уже были заняты. Молодые женщины что-то весело и энергично обсуждали, но сразу же притихли, когда к ним посадили наших сибиряков, с интересом поглядели на них.

- Добрый вечер всем! - объявил Олег. – Как сегодня ужин? Вкусный?

- Борщ был отменный! – нажимая на букву «о», протараторила в ответ полненькая брюнетка с высокой укладкой на симпатичной головке. – Ждём котлету по-киевски. А вам сейчас салатик овощной подадут...

Она переглянулась с худенькой блондинкой с длинными локонами и яркой, спортивного вида шатенкой, с короткой стрижкой и шаловливыми тёмными глазами. Соседки сдержанно захихикали.

Олег почувствовал, как Александр толкнул его ногой под столом. Он посмотрел на товарища, тот расправил плечи, приосанился, на серьёзном обычно лице заиграла приветливая улыбка.

- А вы, девушки, – делегаты? А из какого региона?

- Делегатки мы! – опять быстро ответила за всех брюнетка. – С Урала, а чо? А вы, мальчики, откуда?

- Мы журналисты, из Сибири, - улыбался Александр. – Как вам съезд? Интересно? За кого голосовать будете?

- А-а, - разочаровано протянула брюнетка. – Съезд, как съезд. Орут все... Не понять, чего хотят... Голосовать, сказали, за Михаила Сергеевича... А нам какая разница?! - она говорила быстрыми «очередями» коротких фраз. – Неинтересно пока...

Тут подошла официантка с большим подносом, и они замолчали. Парни принялись за салат из помидоров и огурцов, а делегатки – за котлеты, неловко орудуя столовыми приборами, прихлёбывая компот из высоких стаканов. Разговор явно не клеился. Александр не нашёлся, что ещё спросить, кроме как: «Чем будете заниматься вечером?»

- Хотим магазин в гостинице найти, - брюнетка не поднимала глаз от тарелки. - Там должно быть спецобслуживание для делегатов. Надо гостинцы домой взять. А чо? – она мельком глянула на соседей и снова уткнулась в котлету.

- Да, ни чо! – быстро встрял Олег и толкнул локтём товарища...

Когда их соседки быстро завершили ужин и торопливо вышли из-за стола, парни нахихикались вволю.

- Вот так, мы им неинтересны, товарищ журналист, - ехидничал Олег.

- Бог с ними! – согласился Александр.

6.

Первая неделя съезда пролетела в бурных дебатах, накал которых, казалось, не снизится до самого конца. Из президиума то и дело предлагали обсуждать новую программу КПСС, но большинство выступающих или «не слышали», или делали вид, что обсуждают документ, а сами...

Чего только не узнали о партии и о будущем страны наши сибирские посланцы. Чаще других под сводами дворца звучало слово «реформы». Олег и Александр узнали в лицо всех оппонентов генсека, разобрались в предложениях «демократической платформы» партии, её «большевистского» крыла и даже отчасти – крыла «марксистского».

Вечерами Алексей Петрович «разжёвывал» им, что партии сегодня выгодно, а что – нет. В этих разговорах с разбором ситуации «генеральному» доставалось по полной: «Раскачали страну, шахтёров с толку сбили. Вся экономика пошла кувырком! – досадовал партийный ветеран, подливая парням армянского коньяку. – В партии раскол. А всё он...»

- Но сейчас надо за него голосовать, а то придёт неизвестно кто. Конец партии наступит! А там и стране... – размышлял опытный функционер. – Противников у него много, и это сейчас на пользу. Ведь они сидят по платформам, слава Богу, объединиться не могут... А Михал Сергеич между ними лавирует. Да вот только для самой КПСС тревожная ситуация... В любой момент может произойти...

Они подняли бокалы с ароматным янтарным напитком, молча чокнулись и выпили. Закусили тонкими ломтиками сервелата. Алексей Петрович снова взялся за бутылку.

- Про ректора Московской высшей партшколы Шостаковского слышали? – спросил он у парней.

- Так мы у Вячеслав Николаевича даже интервью взяли, - похвастался Александр. – Он про свою «демплатформу» рассказал и про то, что будут из КПСС выходить и новую партию создадут...

- Не вздумайте это по телевизору показать! – встревоженно вскинулся Алексей Петрович. – Слышишь, Иванов? Иначе «первому» доложу про ваши художества!

- Да что вы, Алексей Петрович! – Олег незаметно показал кулак Сашину. – Это мы так... Конечно, не покажем!

7.

...Выходной надо было чем-то занять. И накануне этого дня Олег предложил созвониться со своими знакомыми из корпункта японской газеты «Майнити». Он порылся в своём тощем бумажнике и достал белую визитную карточку с золотистыми иероглифами на одной стороне и чёрным, строгим английским шрифтом – на другой. «Танака, собственный корреспондент в Москве», - прочитал он Александру.

Они стояли возле почтамта на Тверской улице.

- Ну что, звоним, просимся в гости? – спросил Иванов.

- Может, неудобно? – замялся Сашин.

- Брось, отличные ребята, я-то знаю...

Действительно, Олег знал, о чём говорил. Он познакомился с Танакой и его напарником – фотокорреспондентом, когда те прибыли в столицу Сибирского региона год назад, в начале осени 1989-го.

Шахтёрские забастовки уже сошли на нет. Каких только журналистов не перебивало в Сибирском регионе за время горняцких волнений – со всех концов света и со всех континентов – больше всех, конечно, было европейских и американских, приезжали даже из Австралии и из Африки. Само собой – из Азии.

Всем хотелось узнать, что же произошло вдруг с недостроенным социализмом, тем более что Советский Союз распахнул для них двери «железного занавеса».

В те месяцы Иванову не раз приходилось ездить с зарубежными коллегами по шахтёрским городам, помогая собирать материал и осваивать азы советской жизни. Японские журналисты не были исключением в этом разноязыком сообществе.

Танака дозвонился до пресс-службы обкома КПСС по телефону и попросил, чтобы Олег встретил их в сибирском аэропорту непременно на микроавтобусе. «Для двух журналистов – и автобус?!» - удивился про себя Олег, но виду не подал. Но когда похожие, как два родных брата-брюнета, гости в несколько приёмов загрузили в белоснежную обкомовскую «Тойоту» несколько огромных пластиковых чемоданов, для троих пассажиров места осталось совсем немного.

Им предстояло проехать километров двести по гладкому, широкому шоссе – до одного из южных городов, который называли «угольной жемчужиной» региона, где шахтёры наиболее яростно отстаивали свои интересы.

Гости болтали на своём языке. Иногда Танака переводил Олегу, что его коллега восхищается сибирской природой. Напарник Танаки то и дело прикладывался к видоискателю своего чудо-«Никона» с огромным объективом и нажимал на спуск. Раздавалась короткая очередь щелчков, фотограф одобрительно цокал языком, с восторгом произносил пару отрывистых фраз, выцеливая новый кадр. Время от времени он извлекал из фотоаппарата кассету с отснятой плёнкой, укладывал её в пластиковую баночку, делал на ней пометку синим фломастером, прятал в свою сумку и вставлял в аппарат другую кассету.

Когда фотограф изрёк очередную замысловатую «порцию» восхищения, Олег снова спросил у Танаки:

- Что он сказал?

- Сказал, карашо! – заулыбался японский гость, его узкие сливовые глаза добродушно поблёскивали

- Да что хорошо-то? – уточнил Иванов.

- Всё-всё карашо! - радостно закивал Танака. Он растолковал, что Аки впервые приехал в Союз, ему здесь всё интересно.

Удивлённый Олег снова посмотрел в окно. Стояло тёплое, безветренное солнечное утро. За стеклом проплывал обычный пейзаж: вдоль дороги тянулись лесопосадки, которые то и дело прерывались, и тогда открывались бесконечные поля, дальние перелески, подступали к шоссе тронутые осенней желтизной берёзовые рощи.

Потом вдали возникли железобетонные коробки городских кварталов, и снова последовали щелчки фотоспуска. Олег внимательнее пригляделся к ландшафту, и сразу понял, что в этот раз привлекло внимание фотографа. Над домами, словно указующий перст, возвышалась кирпичная труба котельной, чёрный дым из неё длинным вычурным хвостом уходил в высокое бледно-голубое небо...

В город они прибыли около полудня. Здесь водитель сбросил скорость, и автобус неторопливо повёз их мимо невзрачных деревянных домов частного сектора, мимо почерневших от времени одно- и двухэтажных бараков, мимо кирпичных и бетонных «хрущёвок». Прокатили по немногочисленным для трёхсоттысячного города улицам, на которых машин тоже было «не густо».

- Народ на работе, - ответил Иванов на удивление Танаки.

С правой стороны промелькнули серый куб конторы, откуда управляли всеми городскими шахтами, красно-белые вагоны трамвая, слева –сквозь листву тополей блестели рельсы железной дороги, неторопливо вращались колёса на чёрных стволах шахты.

Японцы заахали, увидев благородное здание театра с колоннами, площадь перед которым украшали два высоких дома с красивыми башенками-беседками вместо крыш и острыми шпилями, увенчанными звёздами. Потом показался стадион с большими буквами названия – «Шахтёр» и пустыми трибунами.

8.

Фотограф не отрывался от своего «Никона» и без остановки лопотал, пока они не остановились у главной городской гостиницы с названием «Заря».

Это был довольно внушительный восьмиэтажный прямоугольный параллелепипед, установленный на боковую грань и с четырёхэтажной пристройкой, в которой был ресторан и номера. Олег много раз бывал в этом городе, но ночевать здесь ни разу не приходилось.

В огромном мрачном холле первого этажа было неуютно и очень свежо. Стойка администратора располагалась на втором этаже. Хмурая женщина с полоской седины на неровном проборе неухоженной головы долго всматривалась в паспорта иностранцев.

- Мы вас предупреждали о наших гостях, - Олег протянул ей своё обкомовское удостоверение. – Их надо расселить по одному. Ну, и меня с водителем, соответственно...

- Вода только холодная, - сердито предупредила его неприветливая хозяйка. – Удобства только общие, в коридоре.

- Карашо! Аригато, сапасибо! – казалось, Танаку это сообщение только обрадовало. Он сказал что-то своему напарнику. Тот в ответ заулыбался и тоже произнёс: «Аригато» или японское «спасибо».

Следующие сорок минут они вчетвером, кряхтя и отдуваясь, перетаскивали тяжеленные японские чемоданы в номера на четвёртом этаже. Гости пытались отказаться от добровольной помощи, но Иванов настоял. Тем более, лифта в гостинице не было.

«Интересно, что у них там? - спросил Олега молодой водитель Серёга. - Не кирпичи же они с собой привезли?!

Олег лишь пожал плечами: «Откуда мне знать? Там видно будет...»

Когда он вкатил чемодан в номер Танаки, тот с любопытством изучал свою комнату. Правда, особо любоваться было нечем. Толстый слой краски на деревянном полу местами растрескался и облупился. У входа стоял ободранный шкаф для одежды, дверцы которого не думали закрываться и громко скрипели при каждом прикосновении. Две узкие деревянные кровати, застеленные пёстрыми покрывалами, располагались вдоль стен напротив друг друга. Возле каждой кровати – потемневшие от времени тумбочки и стулья с матерчатыми засаленными сиденьями. У окна, завешенного застиранным тюлем и тёмными шторами, стоял широкий раздвижной стол с исцарапанной и потрескавшейся лакированной столешницей. На нём гордо возвышался чёрно-белый телевизор «Рекорд» с заляпанным экраном. От закрытого окна тянуло сквозняком, но даже

он не мог перебить сложного запаха в номере, основу которого составлял запах сигарет, впитавшийся в серо-жёлтые бумажные обои стен.

Остальные номера мало чем отличались от этого.

...Олег открыл свой номер, оставил в нём скромный саквояж и снова пошёл к Танаке, предложил ему подумать о еде: пойти в ресторан или поискать столовую в городе. Но Танака не согласился. Он открыл пару своих чемоданов и под изумлённым взглядом Иванова быстро стал извлекать оттуда и ставить на стол двухлитровые пластиковые бутылки с питьевой водой, ложки, вилки, тарелки, банки с консервами, упакованные в прозрачные контейнеры небольшие золотистые булки хлеба, который Танака называл «Хоккайдо», и много другой снеди. Появилась на свет и бутылка белого вина.

- Будем кушать еду ниппон, карашо? – улыбался Танака. – Другую кушать не будем.

Он достал из чемодана рулончики туалетной бумаги и бумажных полотенец, мыло, зубную пасту и щётку, сложил всё это в пакет, добавив в него бутылку с водой и пластиковый стакан, и пошёл искать умывальник. Олег двинулся за ним, с завистью думая, что к автономному проживанию эти парни подготовлены капитально.

Умывальную комнату они нашли в самом конце длинного коридора. Танака открыл входную дверь и так резко замер на пороге, что шагавший сзади Олег налетел на него и заглянул внутрь через его плечо. Пол в комнате по щиколотку был залит водой. От порога до стены с вереницей фаянсовых раковин и латунных кранов тянулась цепочка кирпичей.

Осторожно ступая по ним, Танака добрался до ближайшей раковины, кое-как пристроил на ней свои вещи, почистил зубы и умылся, поливая себе из стакана. Олег, конечно, обошёлся холодной водой из крана...

Потом в комнате у Танаки они переставили телевизор на окно, придвинули стол к кровати и основательно пообедали.

- Это Аки, - представил им Танака своего напарника.

- Доузо ёрощику, ёкатта, – вытянув руки по швам, поклонился им фотограф.

- Рад познакомиться, карашо, - перевёл его слова Танака.

Олег в ответ представил им Серёгу

- Кампай – ваше здоровье! – поднял стакан Танака.

И они выпили за знакомство и за приезд.

Всю вторую половину дня гуляли по городу. Японцы тщательно обследовали тенистую улочку с памятником-солдатом, зашли на стадион, фотографировались на фоне театра...

9.

На следующий день пошли на шахту «Центральная». Журналисты спускались под землю, там взяли интервью у шахтеров. Часа через четыре, уставшие от длинных подземных переходов, отмытые от угольной пыли, пили чай в кабинете директора. Танака долго мучил дотошными вопросами директора шахты и председателя профсоюзного комитета.

Олег наблюдал за работой гостей со стороны, пытался их глазами взглянуть на работу и быт шахтёров, представить, какой материал в результате этой командировки выйдет в японской газете. По всему выходило, что ничего хорошего Танака не напишет.

Предприятие было сложное, как, пожалуй, и все шахты в этом районе – труд только ручной, немеханизированный, очень травмоопасный. Ведь пласты угля залегают почти под углом 90 градусов, и горное давление «выдавливает» из угольного забоя любую технику. На вопрос: стоит ли так рисковать жизнью людей? – директор, высокий полноватый мужчина лет пятидесяти, тщательно подбирая слова, разъяснял:

- Поймите, мы добываем коксующийся уголь, который высоко ценится в металлургии... А для безопасности придумали щитовую систему добычи. Устанавливаем над угольным забоем тяжёлый щит из брёвен в несколько накатов. Под него закладываем взрывчатку, взрываем, щит от взрыва опускается и выдавливает отбитый уголь. Он высыпается через специальные печи на нижнюю выработку, там грузим его в вагонетки и выдаём на-гора. Директор показывал на чертеже, как это происходит.

Не понимаю, почему не придумали технику, улыбался в ответ Танака, позовите наших специалистов, они механизуют...

- Да нет же, - горячился директор, откидывая пятернёй со лба сидящие русые волосы и ослабляя широкий галстук в бордовую полоску. – Нет в мире опыта механизации угледобычи на таком крутом падении пластов. Наша шахта – родина мировых рекордов добычи из-под щита. Потому что бригады у нас опытные, слаженные. Наш рекорд по сей день никем не побит!

- В шахте одному не справиться, - вторил директору низкорослый щуплый на вид лидер профсоюза. - Уголь не добудешь в одиночку, нужен сработанный коллектив. Люди притираются, знают, кто на что способен, поддерживают друг друга. И всё получается. А если каждый за себя – быть беде.

Расспрашивали японцы и о забастовках. Однако руководство говорило о них неохотно, кивало на забастовочный комитет, дескать, с ним пообщайтесь...

Директор вообще старался не произносить слово «забастовка», будто боялся сглазить. Сказал негромко, уставившись в столешницу своего внушительного стола:

- Мы с этими стачками едва шахту не потеряли...

Председателем шахтного комитета забастовщиков был молодой, коренастый, не улыбочивый парень. Его руки от запястий и выше покрывала ажурная синева наколок.

- Юрий, - коротко представился он.

На вопросы Танаки отвечал охотно. Рассказал, как горняки шахты сразу присоединились к общей забастовке, поддержали единые требования угольщиков региона, выбрали комитет, который добавил свои предложения. Основные из них – ликвидировать в городе производственное угольное объединение, как ненужную надстройку, предоставить предприятию полную экономическую и юридическую самостоятельность.

Он был уверен, что шахте такой подход очень выгоден: сами будут продавать уголь на рынках, сами получают и распределяют выручку. И тогда горняки заживут лучше. А если шахтёрам установят продолжительность отпусков в 60 дней, а

всем, кто трудится на поверхности шахты, – 45, то престиж профессии вырастет в разы...

Олег слушал Юрия с интересом: как же – настоящий забастовщик! Чего уже говорить о Танаке?! Тот всё записывал на миниатюрный диктофон, делал пометки в блокноте.

Ещё говорили о зарплате. Юрий доходчиво объяснил, что такое «копытные» – это, когда в заработок включают и время, которое горняки тратят, чтобы добраться до своего рабочего места.

- Шахтёру надо платить за все время пребывания в шахте, - был уверен забастовочный лидер.

Вечером за ужином в номере Танаки японцы всё удивлялись, почему же на шахте нет механизации? Крутые пласты – это не причина, а отговорки. Беды остаются, а люди рискуют здоровьем и даже жизнью. Техника шагнула вперёд, есть отличные комплексы, комбайны, системы безопасности. Если этого не хватает, пусть инженеры придумают что-то ещё. В конце концов, такие опасные шахты надо просто закрыть!

Олег возражал, приводил аргументы в защиту здешних шахт. Улыбающиеся гости кивали, вроде соглашаясь с его доводами, но скорее всего, остались при своём мнении.

Когда через несколько дней Олег провожал гостей на московский рейс, Танака вручил ему визитку:

- В Москве будешь гостем «Майнити Симбунся», Алек-сан, - сказал он, пожимая ладонь Иванова. – Звони, дозо, вернее, пожалуйста.

А его напарник спросил у него что-то по-японски.

- Спрашивает, как выразить по-русски огромную благодарность? – перевёл Танака.

- Пусть скажет «большое спасибо»...

Со словом «спасибо» Аки справился. А вот словечко «большое» ему никак не давалось.

Олег пришёл на помощь:

- Можно смешать русский с английским, типа, «биг спасибо»...

Танака понимающе рассмеялся. Улыбающийся во весь белозубый рот, Аки повторял «биг сапасибо» даже тогда, когда они оказались уже по разную сторону паспортного контроля в аэропорту. Ему явно понравилось это двуязычное выражение.

10.

...Утром в день визита в корпункт Олег с Александром поспорили – какую выбрать форму одежды? Иванов предлагал одеть джинсы с футболками, но верх одержал Сашин: это же вроде как официальный визит. Решили, что оденутся так, как ходят на заседания съезда.

Вторая проблема – в гости с пустыми руками не ходят. Никаких сувениров в Москву они не привезли. Решили пройтись по магазинчикам и буфетам гостиницы. Сувениры отвергли сразу – цены кусаются, да и, наверняка, жившие в советской столице уже не первый год, японские журналисты сувениров уже набрали. Зато в

буфете парни увидели бутылочное пиво «Ячменный колос»! У сибиряков аж слюнки потекли при виде дефицитного пенного московского напитка. Не сговариваясь, решили, что лучшего подарка не придумать. Взяли шесть штук по пол-литра прямо из холодильника. Вместе с пивом уложили в сумку и видеокамеру – вдруг коллеги согласятся дать им интервью.

По улице Разина они добрались до станции метро «Китай-город» и с пересадкой доехали до «Киевской». Нужный адрес на Кутузовском нашли быстро. И в начале пятого часа Танака представил их радостно улыбающемуся руководителю московского корпункта господину Сугио, высокому и стройному, с короткой иссиня-чёрной шевелюрой, который говорил по-русски почти без акцента.

Знакомство происходило в просторном холле. Хозяева, будто сговорившись, были в простых тёмно-синих джинсах и светлых футболках. Усадив гостей на большой кожаный диван, сами исчезли в глубине большого помещения. Смущенные радушным приёмом, парни сдержанно осматривались. Разглядывали выполненные тушью небольшие гравюры с изображением растений и рыб, развешенные на окрашенных светлым колером стенах.

На журнальном столике высилась стопка газет с непривычными столбцами иероглифов. Александр сдвинул их на край и выставил на стол запотевшие бутылки с пивом и видеокамеру. Тут же из коридора возник Танака, он взял одну бутылку, повертел в руках и поставил на место.

- Может, нашего пива хотите? – заулыбался он.

- Нет! - твёрдо ответил Олег. – Это вам, от нас...

- А камеру не надо. Карашо? Отдыхать будем, поговорим, покушаем.

Александр убрал камеру в сумку.

К Танаке присоединился Сугио, он нёс высокую узкую бутылку с красивой этикеткой и две рюмочки на тонких ножках.

- Аперитив, - он протянул бутылку гостям. – Надо выпить по рюмке для аппетита. Олег, Александр, прошу вас. Обед почти готов, скоро будем кушать, – и они опять ретировались внутрь апартаментов, откуда доносились вкусные запахи.

Олег наполнил рюмки и выпил свою, почувствовал горьковатый сложный вкус настоянных трав. Александр долго вертел рюмку в руке, принюхивался к содержимому.

- Слушай, а если они хотят нас спить? – кивнул он на бутылку.

- Не выдумывай, зачем им это!? – хмыкнул Иванов. – Какие секреты ты им можешь разболтать?

- Всё же, надо осторожнее, - предупредил Сашин.

- Не хочешь, не пей!

- Нет уж, - Александр тоже выпил и поморщился. – Зря пришли что ли...

Вскоре Танака по коридорам и переходам привёл их в просторную столовую, где большой обеденный стол ломился от непривычных сибирскому вкусу яств.

Светились прозрачной синевой тончайшие ломтики слабосоленой сельди, в разных видах зеленела морская капуста, свежие и обжаренные овощи возвышались горками на тарелках. Куски тунца перед обжаркой обвалили в чём-то желтовато-остром. Кучкой стояли на тарелке рисовые трубочки, начинённые

красной икрой, кусочками красной рыбы или креветками. «Суши», - показал на них Танака. Рисовые шарики с начинкой из грибов Танака назвал «онигири». А серо-розовые, аккуратно выложенные на овальном блюде кругляши, напоминающие нарезанную докторскую колбасу, он представил как соевый продукт. Ко всему этому был целый набор сладких и острых соусов, зелёной горчицы, других специй и знакомые уже Олегу небольшие золотистые булочки хлеба.

Гостей усадили спиной к стене, хозяева сели напротив, начали передвигать закуски. Ничего не евшие с утра, парни набрали в свои огромные тарелки всякой всячины и стали пробовать всё понемногу, споро орудуя столовыми приборами. Хозяева тоже ели по-европейски.

Сугио на правах начальника руководил застольем.

- Предлагаю выпить sake – рисовой водки, - торжественно произнёс Сугио. Гости согласились, как откажешься при такой-то закуске...

Он кивнул Танаке, тот сорвался с места и принёс на небольшом подносе фарфоровую бутылочку и четыре фарфоровых стаканчика. Разлили японский напиток и выпили за встречу. Олегу sake показалось слишком тёплым, горьким и некрепким.

Зато Александр, прожевывая закуску,

вдруг в первый раз улыбнулся:

- Хочу ещё sake!

- Канешна, - обрадовался Танака и снова наполнил его фарфоровый стаканчик. – А тебе Алек-сан?

- Есть датская водка, скотч, - присоединился к нему Сугио, демонстрируя бутылки.

- Можно, водки? – кивнул Олег.

И они перешли на водку из Дании.

«Надо бы разговор начать», - уголком рта шепнул Олег напарнику, когда хозяева чуть отвлечлись. «Давай», - ответил тот.

- Как дела в вашей газете? – осторожно спросил Иванов.

- О, спасибо! Очень хорошо! – склонил голову Сугио. – Ежедневно выходит два выпуска.

Он начал рассказывать удивлённым гостям о работе. Японская национальная газета «Майнити» – одна из крупнейших в стране – появилась в начале 1872 года. Утренний тираж – четыре миллиона, вечерний – полтора. Имеется более двадцати зарубежных бюро. А этот московский корпункт был первым и много лет единственным в СССР представительством иностранного средства массовой информации.

- У нас нет ярлыков в освещении новостей. Это девиз нашей редакции! - гордо отметил Сугио.

В это время Танака подал глубокие тарелки с чем-то вроде супа:

- Называется рамен, - сказал он, зачерпывая ложкой мясной бульон из курицы. В нём плавала широкая лапша, приправленная рублеными яйцами, зеленым луком и водорослями.

Бутылка водки подошла к концу. И под суп решили выпить виски. Сугио разлил его в широкие стаканы, добавил кубики льда из серебряного ведёрка и поинтересовался:

- Как дела у ваших шахтёров? – Олег тут же почувствовал, как Александр толкнул его ногу под столом.

- Сложно, но терпимо, - коротко ответил он. Потом добавил, – кто о рыночных отношениях мечтает. Кто критикует правительство. Но уголь добывают, куда без этого?

В это время Танака принёс и положил перед начальником стопку белых листов с мелким печатным текстом. Сугио начал быстро просматривать их, одновременно кивая Иванову.

- Телетайп? – предположил Александр, и Олег с удивлением уловил в его голосе нетрезвую интонацию.

- Телетайп у нас тоже есть, - пояснил Танака. – Но мы им давно не пользуемся. Новости получаем из интернета через компьютер.

- А нам пока не до этого... - Олег почесал затылок. – Всё обещают компьютеры купить...

Танака успевал раскладывать по тарелкам жареные кусочки говяжьей печени с рисовым гарниром и разными соусами и участвовать в разговоре о японской программе всеобщей компьютеризации семей.

- Каждая новая семья после свадьбы получает в подарок от государства компьютер, - Сугио не забывал подливать в стаканы гостей.

- И что молодые с ним д-делают? – голос Александра слегка заплетался.

- Как что? – улыбался Сугио. – Захочет жена курицу приготовить. Будет думать, где её купить? Магазинов много, цены разные, курицы разные: одна хуже, другая лучше. Как выбрать? Пока магазины обойдёшь... Она сядет за компьютер, интернет включит и выберет то, что ей надо. Заказ может по интернету сделать, чтобы курицу прямо домой доставили.

- Чудеса! – восхитился Олег. – Когда-нибудь и мы доживём... - и снова получил толчок коленом от Александра.

Потом они долго разбирали проблемы школьного образования – японского и советского. Сошлись во мнении, что компьютеры и калькуляторы, конечно, хорошо. Только дети от этого знают и умеют всё меньше. «Правила учить не надо, - рассуждал Сугио. – Зашёл в интернет, нашёл подсказку». Танака с гостями согласно кивали.

- Наши дети считать не умеют, - приводил свои доводы начальник корпункта. – Калькулятор есть. Для них настоящим открытием нового закона математики станет, если узнают, что, оказывается, умножать, делить или складывать, вычитать можно в столбик, на бумаге. Ваши-то дети это умеют! А наши...

Они выпили за детей. Потом выпили за дружбу и ещё за что-то. Олег потерял контроль над временем. Хозяева нравились ему всё больше, бесконечный разговор перескакивал с одной темы на другую. Говорили о перспективах Советского Союза, о том, чья экономика сильнее, удержится или нет Михаил Сергеевич в кресле генсека...

Хозяева были бодры и веселы, Олег – тоже. Только Александр сидел молча и лишь понимающе улыбался.

За окнами давно уже стемнело. В одну из коротких пауз Сугио критически осмотрел стол и бросил короткую фразу своему напарнику.

- Я сейчас, - откликнулся Танака и торопливо покинул столовую.

Он вернулся через пару минут и торжественно приблизил к Олегу деревянную разделочную доску, на которой поблёскивали влагой два довольно толстых, больших куса сырого красного мяса.

- Стейк... мраморный телятина...

И это – после того, как они уже столько съели! Однако Иванов не мог устоять перед таким предложением:

- Я – не прочь! Только его жарить надо целый час...– вид у Олега был слегка ошарашенный.

- Нет, всего пять минут, - обрадовался Танака.

- Прожарь хорошо! – напутствовал его начальник.

Не успели Олег с Сугио завести разговор о перспективах выборов генсека на съезде, Танака уже вернулся в столовую. В каждой руке у него было по тарелке с дымящимися тёмно-коричневыми кусками мяса и пиалами с ярко-красным соусом. Он поставил их перед гостями, разложил ножи и вилки.

- Предлагаю к мясу сухого красного вина, - Сугио вопросительно посмотрел на Олега.

- Нет возражений, - Иванов толкнул локтем Сашина. – Ты как?

Тот неопределённо хмыкнул.

- У нас есть хорошее вино из Германии. Покажи, - повернулся Сугио к Танаке.

- Пойдёт! – кивнул Олег, делая вид, что внимательно рассмотрел розово-белую этикетку.

Танака откупорил бутылку, наполнил высокие узкие фужеры.

Олег с удовольствием отрезал, обмакивал в соус и жевал маленькие кусочки вкусного, ароматного мяса.

- Не пойму, - наконец, оторвался он от блюда. – Как за пять минут можно приготовить такую вкуснятину? Или вы нас разыгрываете?

- Пайдём, пасмотрим, - потянул его за рукав Танака.

Они вышли в коридор, миновали две плотно закрытые двери, свернули в третью – приоткрытую. Яркая белизна кухни ослепила Олега. Здесь всё блестело под ярким неоновым светом – белый кафель, белые столы, белые шкафы с хромированными вставками на дверцах, никелированные краны и металлические раковины. Вдоль одной из стен стоял ряд двухдверных холодильников из матового металла.

- Это посудомойка, - Танака открыл дверцу под одной из двух раковин.

Олег заглянул внутрь, пытаясь понять принцип работы агрегата, который раньше не приходилось видеть.

- А вот, - показал Танака на средних размеров белый ящик на одном из столов. – Микравальнофка.

Он начал подробно объяснять, как радиоволны высокой частоты воздействуют на пищу, но его лекцию прервал спешно появившийся на кухне Сугио:

- Там Александр... - взволнованно произнёс он.

...Голова Александра лежала на столе возле тарелки с начатым стейком и пустым бокалом, руки беспомощно свешивались, почти касаясь пола. Олег встряхнул его за плечи, и Сашин в ответ громко всхрипнул. Иванов потряс его сильнее и позвал: «Вставай, Санёк! Ну, ты даёшь!» Александр приподнял голову, открыл глаза, пытаясь сфокусировать взгляд.

- Пора идти? - пробормотал он тихо. – Хорошо посидели.

Хозяева радостно улыбались его словам.

Олег только сейчас обратил внимание на часы – шёл первый час ночи. «Метро-то до часа работает! - испуганно вспомнил он. – Надо торопиться». Он потянул товарища за руку из-за стола:

– Быстро выходим. Метро через полчаса закроется!

И, не обращая внимания на хозяев, они побрели к выходу. Сугио с Танакой шли за ними по коридору. В дверях случилась заминка: Александр долго не мог попасть ногами в свои штиблеты, а Танака всё рвался проводить их на улицу. Наконец, они обулись, Олегу удалось убедить японцев, что они не заблудятся.

- Спасибо! – повернулся он к ним. – Большое спасибо, Сугио. Биг спасибо, Танака, помнишь? – тот усмехался во весь белозубый рот. Японцы вытянули руки по швам и кивали головами:

- Домо аригато, Алек-сан, - попрощался Танака.

- Бальшая сапасибо вам, - сказал Сугио.

- Всё было замечательно, - поблагодарил Олег. - Если что не так, вы уж извините.

- Сумимасэн... Нет нам прощения... - оправдывались хозяева.

11.

...Наутро Олег плохо помнил, как им удалось добраться до гостиницы. Память сохранила лишь, как он брёл по ночной, безлюдной улице, на одном плече висела сумка с камерой, о второе опирался Александр, едва переставляя ноги.

После душа Олег пришёл в себя. А Александру стало немного лучше только после кофе в буфете. От завтрака они решили отказаться...

А страсти на съезде продолжали кипеть всё сильнее. Слово «кризис» звучало здесь ещё чаще, чем слово «перестройка». От выступающих доставалось и Центральному комитету, и генеральному секретарю. Казалось, что консерваторы на съезде оказались в меньшинстве, а либералы требовали реформ и не хотели быть с КПСС.

Иванов с Сашиним уже в открытую обсуждали с коллегами из прессы, может ли партия уцелеть в такой обстановке, когда под одной партийной крышей были люди с противоположными взглядами.

Наши сибиряки «отрабатывали» заседания, что называется, по полной. Снимали разные, но чаще консервативные, комментарии. Пару раз подходили к своему

первому секретарю, предлагали записать его мнение. «Ещё не время...», - охлаждал тот их рвение.

Ежедневно фельдсвязью передавали домой очередную кассету. Но за пару дней до финала съезда произошла осечка.

В тот вечер они, как обычно, через дежурного по вахте вызвали фельдъегеря и прогуливались в ожидании возле мрачного центра на Солянке. Свёрток с кассетой Сашин держал в руках. Они громко обсуждали события прошедшего дня и не обратили внимания на невысокого полковника с тонким кожаным портфелем, который прошёл мимо и свернул к входу в здание. Заметили его только тогда, когда он круто развернулся, подошёл к ним, смерил каждого внимательным взглядом из-под козырька надвинутой на лоб фуражки:

- А что вы здесь делаете, молодые люди?

- Ждём, - отмахнулся от него Александр и снова обратился к Олегу...

- Кого? – не отставал офицер.

- Знакомого, - опять коротко ответил Сашин.

- Из какого региона? – после этого вопроса у Олега засосало под ложечкой от неприятного предчувствия.

- Да мы просто гуляем, - он подхватил Александра под локоть и потащил по улице подальше от места встречи.

Краем глаза он видел, как офицер ещё постоял, глядя им вслед, потом быстро вошёл в здание.

- Кажется, мы лоханулись, - Олег быстро повернул назад, Александр торопливо шёл следом.

Навстречу им из входной двери выскочил взъерошенный дежурный лейтенант:

- Уходите, парни! – замахал он руками. – У нас скандал, вашего егеря «вычислили». Им ведь запрещено брать чужие посылки. Уходите, может, обойдётся...

В общем, пришлось ехать в аэропорт и передавать отснятый материал с пассажирами самолёта, который ночью вылетал в столицу их региона.

12.

...Съезд близился к завершению. Делегаты приняли новый устав КПСС и начали формировать руководящие органы партии. Кандидатом в члены Центрального комитета предложили и Бориса Николаевича Ельцина.

Он уже был членом ЦК, где за ним закрепилась слава непредсказуемости. Его большой популярности тех дней можно было завидовать. Бывший «первый» в Свердловском обкоме и Московском горкоме приобрёл её разными путями. Одним нравился его необузданный характер и бесстрашная критика партийной верхушки за медленные темпы перестройки, за зарождение «культа личности» Михаила Сергеевича. Он и здесь, на съезде раскритиковал и реформы, и Горбачева, и партию. Другим пришлось по душе его умение вовремя покаяться и признать свои ошибки. Многие слышали о «любви» к крепким напиткам, из-за которых он стал героем нескольких скандальных происшествий и которые в глазах простых людей только придавали авторитета.

Весной 1990 года народ избрал Ельцина депутатом РСФСР. А после этого уже сами депутаты выбрали его председателем Верховного Совета России.

- Ставлю рубль к пяти, что Михаил Сергеевич перестрахуется и не даст ему слова... - начал заводить коллег кто-то из московских журналистов. И будто подслушав его слова, Ельцин поднял руку, прося слова. А Михаил Сергеевич объявил: «Самоотвод, я вижу, у Бориса Николаевича или отвод, я не знаю... Пожалуйста, Борис Николаевич».

Зал зашумел. На галёрке прессы началось невероятное движение: операторы рванулись к камерам, газетчики схватились за блокноты и авторучки, радищики придвинули диктофоны поближе к звуковым колонкам.

- Вставай за камеру, - приказал Сашину Олег, а сам приготовил карандаш и бумагу. Он сверху хорошо видел, как Ельцин, не торопясь, вышел на трибуну, оглядел зал, вынул из внутреннего кармана своего серого пиджака сложенный вчетверо лист. Его голос зазвучал над притихшим залом с расстановкой, твёрдо и уверенно:

- Долго раздумывал я и пришёл к выводу. И о своём решении хотел заявить после 28 съезда партии. Но учитывая сегодняшнее выдвижение моей кандидатуры в состав Центрального комитета партии, я должен сделать следующее заявление. В связи с избранием меня председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народами России, с учётом перехода общества на многопартийность, я и не могу выполнять только решения КПСС, - дословно выводил Олег в блокноте. - Как глава высшей законодательной власти Республики, я должен подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Поэтому я, в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявляю о своём выходе из КПСС. Чтобы иметь больше возможностей эффективно влиять на деятельность Советов, готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями Республики.

Что тут началось! Пока он, высокий, прямой, шёл по проходу на выход из зала, одни делегаты топали ногами, другие хлопали в ладоши, свистели, орали: «Предатель!» и «Молодец!».

Тут в ложе прессы объявили:

- Борис Николаевич прямо сейчас приглашает всех на пресс-конференцию в Дом советов, ...

На это скандальное randevу засобирались многие.

- Пойдём! – подхватился и Александр.

Олег попытался отговорить его, ведь опубликовать этот материал вряд ли удастся. Однако, подумав, согласился: может, и стоит сходить, когда ещё получишь такое приглашение.

Бегом они спустились на станцию метро «Библиотека имени Ленина», доехали до «Смоленской», перескакивая через две ступеньки эскалатора, выскочили на улицу и помчались на Набережную...

Белый дом горделиво возвышался над Москвой-рекой. Сибиряков удивило, что подход к нему был совершенно свободным, никакого ограждения не было и в помине. По широкой лестнице они дошли до центрального входа, в огромном фойе здания было прохладно, тихо и безлюдно. «Мы на пресс-конференцию Ельцина», - сообщил Александр дежурному. Тот проверил их документы, содержимое сумки.

- С видеокамерой не пущу! - заявил он.- Телевидение пропускать не велено.
- Да мы – не телевидение, - начал доказывать Олег. – Мы – пресс-служба обкома. Они препирались минут пять, клялись, что не будут доставать камеру из сумки.
- С видеотехникой не велено, - твердил своё охранник.

Олег уже готов был отказаться от затеи, но Александр упорствовал:

- А давайте, мы сумку здесь у вас оставим? – предложил он.

Охранник неожиданно согласился, объяснил парням дорогу в зал. И они помчались по коридору.

Средних размеров зал, где шла пресс-конференция, имел форму амфитеатра, окруженного с трёх сторон галёркой с колоннами, и был полон журналистов. Сибиряки пристроились на галёрке. За столом президиума сидел Борис Николаевич и медленно ронял слова:

- Я глава высшей законодательной власти России, избранной народом. Поэтому обязан подчиняться воле народа и его депутатов. В ближайшее время у нас должна быть сформирована многопартийность. Поэтому мне нельзя быть в какой-либо из партий. И я принял твёрдое решение о выходе из КПСС...
- Думаете, многопартийность что-то изменит? – прозвучал вопрос из зала.
- Экономическая реформа буксует, потому что она создает угрозу полновластию партии, – размышлял Борис Николаевич. Как он полагал, что выход из кризиса - это переход к многопартийности. Он неизбежен в демократическом государстве. Различные политические партии в стране постепенно формируются. Не надо препятствовать этому процессу. Страной больше нельзя командовать. Её не усыпишь демагогией, не испугаешь угрозами...
- А что, по-вашему, делать с КПСС?

Её надо реформировать, был уверен спикер российского парламента. Партия должна освободить себя от любых государственных функций. Необходимо ликвидировать первичные парторганизации в армии, в органах госбезопасности, в госучреждениях. Это должна быть партия демократического социализма, партия парламентского типа...

Олегу трудно было понять, все ли в зале разделяют эти взгляды. «Вот ведь как, прозрел!» - думал он, внимательно слушая недавнего партийного функционера.

А тот вдруг резко свернул пресс-конференцию, сказав, что, мол, хватит вопросов, что прямо сейчас напишет и подарит желающим свою книгу «Исповедь на заданную тему» и придвинул к себе стопку книг.

Александр рванул к столу президиума одним из первых, Олег – за ним. Они вскочили на возвышение и оказались с внешней стороны стола – прямо напротив сидящего Бориса Николаевича, которого журналисты уже обступали со всех сторон. Председатель парламента открывал обложку очередной книги, торопливо писал несколько слов и убирал с неё руки. Книга тут же переходила к счастливчику. И вся процедура повторялась снова.

Пока Александр пытался стать обладателем подарка, Олег во все глаза рассматривал политика. Его здоровая фигура нависала над столом, крупную голову украшали аккуратная грива седых волос, светлые брови, голубые глаза. Но особенно выделялись большие руки – в правой он держал авторучку с серебристым пером, а левой придерживал раскрытую книгу. И тут Олег заметил,

что у Бориса Николаевича не было большого и указательного пальцев на левой руке. Эта картинка была так неожиданна, он так тщательно её рассматривал, что упустил момент, когда книги у Ельцина кончились, и он быстро встал со стула, начал прощаться. Тут возле него возник Александр:

- Борис Николаевич, пожалуйста, подпишите вашу книгу для наших шахтёров-сибиряков!

- Хорошо, - сказал политик. – Если подождёте здесь, книгу вам вынесут, – и он быстро скрылся за дверью в задней части зала. Следом за ним вышли и два больших, крепких, коротко стриженных молодца в одинаковых чёрных пиджаках.

Зал постепенно опустел. Наши парни терпеливо ждали пять, десять, пятнадцать минут - никакого движения из заветной двери не было.

- Пойдём, забыли про нас, - позвал Олег.

- Не может быть... - не поверил Сашин. – Он же обещал. Давай войдём туда, спросим, - он толкнул дверь, та открылась, пропуская их в неширокий длинный коридор.

Они успели сделать несколько несмелых шагов, как в конце коридора показался один из молодцев в чёрном пиджаке. Он подозрительно смотрел на незваных гостей, из-за его спины выглядывал второй.

- Вам чего? – строго спросил их первый.

- Нам... Борис Николаевич... книгу обещал передать... - выдохнул Александр. – Мы вот ждём...

- Не ждите! - коротко отрезал охранник. – Идите по своим делам, - второй ядовито улыбался и согласно кивал головой.

- Он же пообещал, - настаивал Сашин.

- Кажется, я ясно сказал, идите по своим делам, - приближаясь к ним, повторил стриженный.

- Поняли, уходим, - Олег потянул Александра за рукав к выходу...

13.

...На съезде с грехом пополам утвердили членов ЦК КПСС. Пришло время прямых выборов генерального секретаря.

Конечно, сразу предложили кандидатуру Михаила Сергеевича. Олег считал, что на этом список претендентов и завершится. Но не тут-то было. Интрига образовалась не то чтобы внезапно, но элемент неожиданности в ней явно присутствовал. Именно в их сибирской делегации «родился» второй кандидат в генсеки – оппонент Михаила Сергеевича – Теймураз Авалиани. Наши парни его знали. И когда коллеги начали их расспрашивать про нового кандидата, Иванов с Сашиним охотно вспоминали:

- Первый секретарь городского комитета КПСС...

- Народный депутат СССР...

- Был председателем областного забастовочного комитета...

- Из шахтёров он... С рядовых горняцких профессий поднялся до руководителя производственного объединения...

- Он на съезде депутатов СССР, когда Михаил Сергеевич президентом Союза выбирали, выступил против, - напомнил Олег.

В ложе прессы начали гадать, кто победит в этих выборах? Большинство сошлось на том, что чудес не бывает...

В результате, Михаил Сергеевич набрал в семь раз больше голосов и продолжил руководить и компартией, да и всей страной.

Уставшие за две недели непрерывных дебатов, делегаты закрыли съезд под пение «Интернационала».

- Пресс-конференции не будет – я узнавал в пресс-центре, - громко, чтобы слышали коллеги, объявил Александр. А Олегу тихо шепнул: «Пойдём на улицу, говорят, там Михаил Сергеевич к камерам подойдёт...» Он схватил микрофон, Иванов подхватил камеру и выскользнул из зала следом за Сашиным.

Но об этом секрете, вероятно, знали не они одни. По огромному холлу дворца торопливо сновали съёмочные группы, сотрудники службы охраны придерживали на выходе из дворца наиболее ретивых журналистов. Здесь образовался небольшой затор из людских разноязыких тел. Поэтому, когда сибиряки выбрались на площадку перед дворцом, генсек уже был здесь, толпа вокруг него продолжала расти.

Александр воткнул штекер микрофона в гнездо видеокамеры.

- Включай камеру и не отставай, - решительно бросил он Иванову и ввинтился в толпу, расталкивая коллег.

Олег успел на ходу пристроить на плечо и включить камеру, подсоединить к ней небольшие наушники, чтобы контролировать звук.

Они приближались к центру этой оравы. Олег видел, что отовсюду торчали длинные «удочки» с микрофонами. Операторы стояли на специальных лесенках, заботливо поддерживаемые помощниками. У Олега же свернули на сторону видеоискатель, который теперь болтался на проводках, поэтому картинку он уже не мог видеть, шнур микрофона мотался где-то у ног, но звук выдавал исправно, Иванов слышал его через наушники, значит, аппаратура работала.

Наконец, они уткнулись в стену из спин охраны. За ней была небольшая свободная площадка, где Михаил Сергеевич, отвечая на вопрос корреспондента главного канала страны, подводил итоги: «Тот, кто рассчитывал, что это последний съезд и на нем состоятся похороны КПСС, он опять просчитался. КПСС жива и будет жить...». Он ответил ещё на несколько вопросов и на этом завершил общение с прессой. Толпа загалдела, зашевелилась, спины охранников пришли в движение. Снять сибирякам ничего не удалось...

И тут Олег услышал перекрывающий гул толпы, срывающийся на фальцет крик Александра:

- Михаил Сергеевич, шахтёры, Сибирь!

- Ну-ка, пропустите сюда сибиряков, - тут же среагировал генеральный.

Охрана перед Сашиним и Ивановым расступилась, и они оказались нос к носу с лидером страны.

Александр оглянулся на Иванова: готов? Олег «вслепую» направил объектив камеры на Михаила Сергеевича и кивнул Сашину – давай...

Севшим от волнения голосом Александр спросил, как Михаил Сергеевич оценивает выполнение требований шахтёров, которые они выдвинули в ходе забастовок летом прошлого года. Экономические требования были справедливыми, ответил руководитель КПСС и СССР, правительство страны сделало немало, чтобы выполнить их. Ещё он немного поразмышлял о шахтерском труде, об усилении роли угольной отрасли в экономических реформах.

- Михаил Сергеевич, - уже нормальным голосом спросил Александр. – А у вас нет планов побывать в нашем регионе?

- Передайте шахтёрам, я обязательно к ним приеду, - ответил тот и, повернувшись, в окружении охраны и толпы двинулся в сторону Троицких ворот.

- Какая удача! – восхищался Сашин. – Ну?! – начал наседавать он на Олега. – Ты всё записал?

- погоди, дай проверю картинку, – Иванов включил встроенный в камеру магнитофон.

Но Александр нетерпеливо забрал у него камеру и наушники и сам стал отсматривать запись на крохотном экране магнитофона...

- Уф! – выдохнул, наконец, он. – Всё записалось. Вот удача! Вот жирная точка в нашей работе! Не зря мы в Москву съездили! Предлагаю обмыть мой успех...

Так они и сделали. Ведь сегодня не надо вести кассету в аэропорт. Вечерним рейсом они сами возвращались домой.

- Надо предупредить наше начальство, чтобы готовились к визиту Горбачёва, - размышлял Александр, сидя в небольшом кафе-столовой в Никольском переулке, где они заказали графинчик водки и по овощному салату. – А то приедет неожиданно, как нег на голову.

- Думаешь, приедет? – недоверчиво спрашивал Олег.

- Так пообещал же! На камеру сказал! Я за язык не тянул...

- Обещанного, сам знаешь... - развёл руками Иванов и разлил остатки напитка по гранёным стаканам.

А через раскрытое окно с улицы доносилась хит этого лета - разухабистая песня от новой группы под названием «Любэ»:

«Расцвела буйным цветом малина,

Разухабилась разная тварь.

Хлеба нет, а полно гуталина,

Да глумится горбатый главарь.

Атас, веселей рабочий класс.

Атас, танцуйте мальчики, любите девочек.

Атас, пускай запомнят нынче нас.

Малина ягода, атас!»

- Атас! - громко орали на улице пьяные голоса, подпевая магнитофону.

- Атас, атас, атас! – негромко начали вторить им Иванов с Сашиним...

Городские деревенские

Алёна осторожно приподнялась на скрипучей кровати, поморщилась от боли в спине и глянула в узкое окно спальни. Прямо у оконного стекла трепетала золотисто-красными тонкими зубчатыми листочками ветка рябины, растущей возле стены их деревенского дома. Оранжевая кисть рябиновых плодов под лёгким дыханием утреннего ветерка едва слышно постукивала по деревянной раме. Взгляд притягивал тёмно-зелёный хвойный лес, который высокой плотной стеной возвышался невдалеке. Ещё за окном на все лады пели птицы, изредка раздавался хриплый лай собаки.

«Сосна здесь растёт корабельная, - говорил Алёне муж Василий, когда они только примеривались к покупке этого дома. – Воздух от неё лечебный, как на курорте». Это довод и стал последней каплей, которая перевесила чашу весов в пользу покупки большого участка с домом под семейную дачу.

От вчерашнего субботнего дачного дня у Алёны с непривычки болели руки и ноги, ныла поясница. Василий мирно посапывал на своём краю кровати. В пятницу они впервые вырвались из своей квартиры и городской суеты ночевать в деревню. Вчера до поздна проводили в своём деревенском доме генеральную уборку, раскладывали привезённые на автоприцепе вещи и разбирали накопившийся от бывших хозяев усадьбы хлам. Устали неимоверно, ужинали уже около полуночи, «вспрыснув» новоселье красным сухим вином. И мгновенно уснули на новом месте...

Чтобы не потревожить мужа, Алёна осторожно закуталась в халат, сунула ноги в мягкие тапочки и неслышно сошла на первый этаж, на кухню, чтобы приготовить нехитрый завтрак.

Старенький будильник показывал начало седьмого. Большая печь посреди кухни остыла ещё с вечера, и в помещении было прохладно. В кухонное окно была видна часть деревенской улицы, за которой вспыхивали в лучах невидимого за лесом небесного светила макушки деревьев.

Алёне всегда нравились сентябрьские дни бабьего лета. В такую пору на улицах их старинного областного центра, раскинувшегося в полтора-два километрах от Москвы, вместе с жёлтой листвой в прозрачном воздухе парков и скверов носились сотни белёсых паутинок.

А вчера она с удивлением и радостью обнаружила мириады паутинок на деревенской улице, во дворе. Чем бы ни занималась, краем глаза ловила движение очередной паутинки: вот она опускается с высоты. Протянула руку: неудача, конец нити вдруг приподнялся, и вся она улетела вверх, словно убежала от протянутой руки. Поймала одну – пустая, тронула другую – на ней крохотный паучок.

Паутина кружила всюду, лежала на кустах, изгороди, траве – везде встречались отдельные или сбившиеся в хлопья тонюсенькие пряди. Иногда целые клетчатые облачка паутины проплывали по ветру, переливаясь в солнечных лучах, заставляя жмуриться от ярких отблесков световых зайчиков. «Осень... Утренних слёз паутина», - вспомнила строчку.

...За спиной Алёны дрогнули ступени – по крутой лестнице спускался вниз Василий. Она с удовольствием смотрела на мужа, на его крепкую, высокую фигуру, облачённую в ночную пижаму в крупную серую клетку, на его

всклокоченные светлые волосы на голове, на улыбку до ушей на круглом заспанном лице.

- Привет, родная, - обнял он Алёну и чмокнул в щёку. – Извини, проспал, не слышал, как ты встала... Чего-то вкусненького напекла?

- Ничего особенного, - повела плечом Алёна, выключая электроплитку со скворчащей на сковороде порцией сырников.

Они уселись на табуретки за деревянный стол, накрытый просто: посредине на белой скатерти – баночка с букетиком полевых цветов. Тут же в глубоком голубом блюде со слегка выщербленным краем высилась горка крохотных ароматных сырников, стояли расписные чашки и блюдца. Алёна привезла сюда давно забытую посуду, которая уж много лет пылилась в кладовой городской квартиры. Василий взял в руки чайную чашку и посмотрел на просвет:

- Смотри-ка! - зацокал языком. – Я думал, мы от них лет сто назад избавились. Ан, нет! Вот что значит хозяйственная жена...

- Ешь, давай! – зарделась довольная Алёна.

- Устал вчера как собака,- рассуждал Василий, с аппетитом уплетая один сырник за другим. - Согласись, и ты не ожидала, что на нашей даче дел невпроворот?! Зато погода отличная! Буду сегодня дрова колоть, ведь зима впереди, холода. Сколько дровишек надо, чтоб печку натопить?!

- Да уж поняла вечером, - отозвалась жена, пробуя горячий чай.

Идея – занять дом в деревне, как осенняя паутина, давно носилась в их семье. У компанейской Алёны немало семейных подруг на всё лето перебирались из пропахшего асфальтом города в свои загородные резиденции. Часто приглашали в гости её с Василием. Почти каждые выходные они ездили гащивать к друзьям на дачи, где жарили шашлыки, жарились на солнышке, купались в прогретых прудах или речках, рыбачили, вечерами пили вино, отмечая бесконечные дни рождения или просто так, пели под караоке и танцевали на траве или на застеклённых верандах. А на расспросы гостей про грядки, посадки, сорняки и урожай хозяева отмахивались, отделивались шутками, типа «своя ноша не тянет».

Наконец, прошлой весной Алёне так сильно захотелось, чтобы и у них в семье, было как у всех, то есть – свой дачный участок, и лучше сразу с готовым домом, что она начала методично собирать информацию – где и что в сельской местности продают. И с лёгким на подъём мужем стала объезжать окрестные селения. Они побывали в десятке сёл и деревень, тщательно осматривая торгуемые усадьбы, подолгу беседовали и с хозяевами, и с их соседями, ведь хорошее соседство в деревенской жизни для щепетильной Алёны тоже было немаловажно.

Однако, как говорится, «не срасталось». Не лежала душа к появляющимся вариантам: то не нравился покосившийся от времени старый домишко из почерневших от неумолимого времени брёвен, то участок был настолько мал, что, казалось, не развернёшься с настоящим огородом. А то не внушали доверия соседи, крепко «закладывающие» за воротник или деревня была неустроенной – ни магазина, ни фонаря, а дорога в населённый пункт навевала тоску ямами да ухабами...

Василий молча соглашался с женой. За годы совместной жизни привык доверять и полагаться на её вкус, молча заводил семейный «паркетник», чтобы вернуться в городскую квартиру и начать поиск сначала.

На сразу приглянувшийся вариант наткнулись, как это часто бывает, случайно. Алёна увидела в интернете скромное объявление: двухэтажный деревянный дом с большим участком в тридцати километрах от города, хорошая дорога с асфальтовым покрытием. Внимание привлекла и строчка, что тамошние поэты даже стихи о посёлке сложили. В общем, решили съездить и посмотреть.

И сразу влюбились в Асерхово...

По хорошей погоде, да по ровному асфальту доехали быстро и без особого напряжения. Василий всю дорогу был непривычно возбуждён и разговорчив. «Я в компьютере смотрел, - вспоминал он. - Сначала идёт подъём перед Радужным, потом спуск после Федурново. А какая отличная дорога!» - нахваливал он, радуясь, что асфальт привёл их в посёлок и не закончился на ухоженных поселковых улицах.

Большое поселение со всех сторон обступал вековой хвойный лес. Несмотря на частокол огромных сосен и елей, он не казался мрачным и угрюмым, напротив, был ясен и приветлив, весь пронизан светом, а редкая травка в песчаном грунте из окна автомобиля смотрелась мягкой подстилкой, манившей прогуляться по ней босиком.

По широкому мосту пересекли окружённую зарослями тихую речку. И вскоре въехали на прямую как стрела, длинную центральную улицу, застроенную двухэтажными жилыми домами с аккуратными фасадами. «Лесной проспект», - высмотрела Алёна вывеску с названием.

- Давай прокатимся, осмотримся, что тут есть, - предложил Василий, сбросив скорость.

- Клуб-то! - показывал Алёне муж на другой улице. – Целый дворец культуры...

На улицах, проложенных будто по линейке, было довольнолюдно. У многих домов стояли автомобили, бегали ребятишки, спешили с сумками хозяйки, неторопливо прогуливались с детскими колясками молодые мамы. Октябрьская, Школьная, Молодёжная – уличные названия, конечно, не отличались от других российских селений. Однако проезды здесь были просторней и благоустроенней, чем у иных.

- Смотри, магазин, да большой! – подал голос Василий.

На автобусной остановке посреди посёлка толпилась кучка местного народа, внимательными взглядами проводившего их джип...

На Школьной просторное здание школы соседствовало с красивой деревянной церковью с зелёной крышей и небольшим шатром под золотой главой купола, по бокам крышу украшали «луковки» крохотных куполочков, тоже поблёскивающих позолотой. Поражал оригинальностью и строгостью памятник героям Великой Отечественной: в узкий, высокий постамент «воткнули» что-то вроде длинного отполированного куска арматуры с пятиконечной звездой на конце.

Голубые, красные, зелёные кровли добротных частных домов и коттеджей радовали глаз, в открытых окнах плескались на сквозняке светлые занавески, в палисадниках за невысокими заборами буйно «полыхали» яркие цветочные клумбы, сочной зеленью просвечивали кусты.

Они развернулись на Лесном проспекте, свернули на Заводскую улицу, выехали на Садовую. Медленно двинулись мимо ряда одноэтажных двухквартирных домов. Усадьба, которую искали, была на улице последней – за ней начинался лес. Нужный дом возвышался гордо, но стоял не на «красной линии», как

соседние жилые постройки, а прятался внутри участка в окружении рябин. Зато на этой самой линии расположилась баня.

Джип проехал вдоль ровного забора, трава у которого была скошена, притормозил рядом с калиткой. Василий заглушил двигатель и опустил передние стёкла, чтобы лучше рассмотреть недвижимость. В салон машины ворвались птичьи голоса, собачий лай. Двухуровневый деревянный рубленый дом отсюда выглядел симпатичным высоким теремом, с узковатыми, правда, окнами.

- А что! - сказала Алёна, - Мне пока нравится...

Василий выждал ещё несколько секунд и нажал на клаксон. И в тот же миг калитка распахнулась, на улицу вышел худой невысокий мужчина лет сорока пяти, тёмноволосый, в застиранной футболке цвета мандарина, чёрном трико и растоптанных башмаках. Живые сливовые глаза светились неподдельной радостью.

- Здрасьте! – кинулся он к машине. – Вы же из города? Покупатели? Это вы мне звонили? Алёна? – сыпал он вопросами, помогая госте выйти из авто. – А мы ждём вас, ждём, думаем, задерживаетесь... - повернулся он к Василию и уважительно поглядел на него снизу вверх. – Меня Павлом зовут, Пашей, - протянул гостю сложенную лодочкой узловатую ладонь. – Асановы мы...

Из калитки выглянули два коротко стриженных пацана – одному на вид лет двенадцать, другой поменьше.

- Пап, - позвал тот, что старше, - Мамка спрашивает, почему во двор не заходите? Она стол накрывает...

- Скажи, идём, - Павел отступил в сторону, пропуская приезжих. – Заходите.

Палисадник перед домом больше напоминал травяную лужайку, где чего только не было: валялись напиленные чурбаки, детские игрушки, сломанные стулья и останки ещё какой-то мебели, от наполовину разваленной поленицы тянулся беспорядочный «шлейф» дров.

Посреди двора стояла высокая полная женщина неопределённого возраста в цветастом длинном халате и добродушно улыбалась гостям, ветерок шевелил выбившуюся из-под газовой косынки золотистую прядь волос. Стройная, выше среднего роста, светленькая Алёна рядом с ней казалась вчерашней выпускницей школы. Возле хозяйки вертелась ладная девочка-подросток, лицом и голубыми глазами – вылитая мать, а за подол женщины держался и испуганно смотрел на гостей кудрявый малыш.

- Здрасьте, - тягучим низким голосом произнесла Пашина благоверная, потом представилась, – Василина, – и пригласила гостей обедать.

Василий вопросительно глянул на жену, та категорично произнесла: «Нет! Сначала давайте всё посмотрим».

Ну, посмотрим, так посмотрим, согласились хозяева. Решили начать с земельного участка. Земли за домом, показалось Алёне, немеряно. Причём, на одной – ухоженной – половине аккуратные ровные грядки полнились урожаем, поблёскивала стёклами теплица, тянулись стройные ряды отцветшей виктории, а на ягодных кустах и яблонях урожай, напротив, ещё только наливался. Вдоль дорожек кустились розы, их жёлтые, розовые, красновато-коричневые, оранжевые головки радовали глаз.

На задах, на тщательно прополотых и окученных картофельных шеренгах – соток на восемь – с ботвы осыпались сиреневые и белые соцветия. Вдоль забора на этой стороне огорода росли долговязые, усыпанные красными и недоспелыми бело-жёлтыми ягодами кусты малины.

Зато примыкающий к этому оазису отрезок земли затянул высокий непроходимый бурьян.

Как заправский экскурсовод, Павел уверенно водил гостей, демонстрируя каждый кустик, каждое дерево.

– Тут по улице казённые дома настроены, все – на два хозяина, и всем хозяевам нарезали по пятнадцать соток. На нашем месте такой же дом стоял, да сгорел в одночасье... Когда мы место под дом с огородом выкупили, построились, хотели и брошенный соседний участок присоединить. Только у нас с Васей руки так и не дошли. А! Нам хватает... - деловито почёсывая то затылок, то загорелую шею, оглянулся он на жену, идущую следом за ними по доскам тротуарчика между грядок, следом за ней семенил малой, крепко держась за руку. За ними – мальчишки, их сестра замыкала процессию.

- Нам и этого не съисть, - подтвердила Василиса и, округлив глаза, выразительно посмотрела на Алёну. – Тут хоть и песок, а всё так и прёт, только не ленись полоть да поливать...

- Как же вы со всем этим справляетесь? – недоверчиво покачала головой Алёна. Жительнице города, ей трудно было представить, сколько труда требует такой огород.

- А, не бойтесь, - понимающе усмехнулась Василина, легонько разглаживая руками складки халата на груди. – Мы справляемся, люди справляются, и вы справитесь...

- У нас свой водопровод, - молвил Павел и потрогал ногой торчащую из земли возле яблони трубу с водопроводным краном, снабжённым круглым «барашком». – А воздух-то прямо целебный, на хвое настоян! - прибавил он, тоже глядя на Алёну.

- Так и есть! – согласился Василий. – Не могу надышаться... - и умолк от того, что жена незаметно ткнула локтем в бок.

По протоптанной в высокой траве тропинке дошли до бани с летней верандой. Алёна удивилась, что в ней нет даже предбанника: и раздевались, и мылись, и даже парились – всё в общем пространстве. «Не по-русски как-то...», - отметила она, но вслух ничего не сказала.

Ну а потом они ходили по дому. Хозяева дотошно демонстрировали каждый угол. И они обследовали сени, так назвал прихожую Павел, заглядывали в кладовую, под лестницу, рассматривали вид из окон, действительно оказавшихся узкими: «Чтобы зимой было теплее», - объяснил хозяин.

Внутри дом был устроен намного проще, чем хотелось бы покупателям. Первый этаж представлял собой одно общее помещение, посреди которого упёрлась в потолок широкая, выкрашенная известью, русская печь. У одного окна – длинный обеденный стол, у другого – накрытая покрывалом железная койка, недалеко от неё – разложенная диван-кровать с горкой разноцветных подушек и подушечек. Большой неразгороженной комнатой был и второй этаж, где тоже стояли двуспальная кровать и диван, на комод – старенький телевизор, было много разных других мелочей, без которых не обходится ни одна семья, тем более,

многодетная. На верхнем этаже было устроено продолжение печи – что-то вроде камина. «Подтопка, - пояснил Павел. – Зимой с ней теплее».

Василина настряпала пирогов. «Эти с картошкой, – пододвигала она гостям тарелку со стряпнёй. – Вот – с капустой, с моркошкой. А эти с малиной, ребятишки их любят», – и она ласково потрепала самого маленького по кудрявой макушке. Малыш макал пирожок в блюдце со сметаной и деловито жевал. Молча ели и остальные дети, пироги запивали чаем, изредка поглядывали на городских.

В начале обеда Павел предложил попробовать ягодной наливки, поднял тост «за то, чтобы мечты сбывались». Василий отказался: «За рулём...». Алёна отпила из гранёного стакана и отставила его. Василина свой тоже отодвинула, а глава местного семейства всё подливал себе из трёхлитровой банки ароматную хмельную жидкость, раскраснелся и разговорился...

- Мы ведь сюда из Киргизии перебрались, - он вытер губы тыльной стороной ладони. – Как Союз затрещал по швам, там такое началось! Они сначала всё с узбеками в Ошской области разбирались, митинговали, дрались до смерти, землю делили. А потом в 91-м независимость объявили, из Союза вышли и за русских принялись. Никакой жизни не стало... С работы увольняйся, квартиру отдай! Чужаки, мол! Хотя мы там десятки лет прожили, на местном заводе с Васей вкалывали. Их у нас уже трое было, - кивнул Павел на ребятишек. - Мал мала меньше. Вот и решили в Россию уехать. Всю карту изрисовали, место хорошее искали. Я вам так скажу, - понизил он голос, - нету места лучше Асерхова... Места здесь чудные, хоть рыбалку возьми, хоть грибы, хоть ягоды. С работой, правда, туговато становится. Но вы же не на работу сюда собираетесь? – он отхлебнул из стакана.

- Какая работа! – воскликнул доедавший четвёртый пирожок Василий. – Нам под дачу... - и осёкся, почувствовав, как жена толкнула ногой под столом.

- Да лучшего варианта не найдёте! - хозяин пристукнул по столешнице кулаком. - Народ тут интернациональный, со всей России, потому и добродушный. Любых возьмите. Солдатовы, в посёлке живут, Куликовы, Ореховы, Бирюковы, Косолаповы. Рядом с нами соседи – одни из Красноярска прибыли, другие – из Костромы. Слышь, собака их тявкает? Люди сюда на заработки ехали, опять же за природой. Ведь посёлок, считай, новый, его строить начали в начале «пятидесятых», когда торфопредприятие появилось. Здесь на болотах торфа немеряно, вот и решили добывать...

На всю страну объявили: требуются рабочие руки, жильё гарантируется. Вместе с торфоперерабатывающим заводом в Асерхово построили многоквартирные дома, школу, детсад, медпункт, почту, клуб, поселковую баню. Дорогу проложили, и не только асфальтовую, была и железнодорожная узкоколейка – до станции с романтическим названием Улыбышево – для вывозки торфа.

- Народу понаехало! Тыщи полторы, - со знанием дела рассказывал Павел.

К концу «семидесятых» торфа и торфобрикетов выпускали до ста тысяч тонн в год. Все ближние болота в лесу перекопали, а выемки заполнила вода, отстоялась, очистилась. Кто-то запустил в эти рукотворные озера рыбу-ротана, и кроме удовольствия от купания местные мужики стали получать радость и от рыбалки.

- У нас эту рыбу головешками называют, - хозяин, встав, снова наполнил свой стакан из банки. – У неё башка здоровая, а тело короткое, сантиметров на двадцать. На бычка похожа, если знаете. Мороза не боится... И наши пацаны её

рыбалют, - старшие мальчишки заулыбались, закивали головами. – Я её вялю, а Вася жарит... Вкусно!

- Тут в трёх километрах в лесной глухомани обалденное озеро Исихра, - продолжал нахваливать Павел. – Большущее, карстовое. На машине к нему не проедешь. Там в выходные вся наша деревня: гуляют, купаются, рыбачат, на лодках катаются. Да-да, лодки люди на озере держат! Красота, чистота, воду пить можно!

Он основательно глотнул и продолжил «водную» тему:

- Как в посёлок въезжали, нашу речку-то видели? А через дорогу от нашего дома пожарный пруд? Не заметили за травой? – Василий отрицательно покачал головой. – Увидите. Я в него как-то ведро мальков карася запустил. Теперь он подрос... Во! – отмерил он одной ладонью другую. – Мы его тоже рабалим для интереса. Так что, если рыбалку любишь, не заскучаешь, - он панибратски похлопал по плечу жующего очередной пирог Василия.

Василиса потянулась за чайником и долила в чашки гостям и ребятишкам ароматного чая, Павел плеснул себе ещё настойки.

- Чем сейчас жители занимаются? – не утерпела Алёна.

- Щас всё расскажу! – вскинул подбородок Павел.

В 1980-х годах добыча торфа начала снижаться, пошли «вниз» и перевозки по узкоколейке. А потом и вовсе люди начали растаскивать железную дорогу по своим дворам. И чтобы народ не разъехался, власти решили устроить лесопильное производство – лесхоз.

- А как же?! – хозяин вытер кулаком губы. – Леса-то навалом... Местные рассказывали, что дело пошло хорошо. Дома на нашей улице именно лесхоз настроил для своих работников. Она и называлась Лесхозовской. Это потом её Садовой назвали. А народ до сих пор всё Лесхозовской называет...

Но к началу 2000-х, когда семья Павла в Асерхово перебралась, лесхоз тоже начал «сдуваться» под натиском рыночной экономики. Пошли увольнения, люди стали уезжать из посёлка. При всем при том местные умные головы снова нашли выход: привлекли частный бизнес и открыли на базе бывшего торфопредприятия завод автозапчастей.

- Я ведь тоже там работаю! Нас на заводе больше ста человек, – в чуть заплетающемся голосе Павла звучала такая гордость, будто, как минимум, производством руководил он. - Автоприборы делаем, комплектующие выпускаем для «мазов», «пазиков», «газиков». Разные термостаты, тахометры для легковушек... Я же слесарь, - определил, наконец, он своё место в заводской цепочке.

Павел, казалось, забыл, зачем приехали гости, с увлечением рассказывал про спидометры и стеклоочистители...

– Эх, жить бы, да работать... - вздохнул он, внимательно изучая свои мозолистые ладони.

- Почему же решили уехать? – поинтересовался Василий.

- Так беда у нас, климат малому не подходит, - он потянулся к малышу. – Нашему Паше, Пал Палычу. Аллергия у него. Врач советует срочно переехать в степную зону...

- И куда решили? – Василий примерился к очередному пирожку.
- В Белгородскую область, - приласкал затылок малыша Павел. – Нашли хорошую деревню, племзавод. Строиться будем.

Василина всё подкладываластряпню, Алёна скромно пила чай, да помалкивала. Пауза стала затягиваться...

- Спасибо вам! – поднялась Алёна. – Поедем мы...
- А как же... - растерялся Павел. – Что надумали-то?
- Пока не знаем, - потянула гостя мужа за рукав. – Подумаем... А за сколько продаёте? – как бы между прочим спросила она хозяина, и когда он назвал сумму, округлила глаза, - Дорого! Нам не потянуть...
- Дак, как же!? – всплеснул тот руками. – А дом-то! А огород! А воздух тут, не надышишься! Тут черничные ягодники прямо за околицей, в лесу полно брусники на полянах, на старых торфяниках клюкву собираем, - торопился он от волнения, приводя гостям всё новые выгоды.

Но Алёна снова твёрдо повторила: «Подумаем!» - и они с Василием уехали.

Однако думали недолго. И усадьба, и посёлок в лесу им понравились. Поэтому приступили к торгу, ещё несколько раз побывав в Асерхове. Павел немного сбавил цену, хотя всё равно вышло недёшево, и пришлось брать кредит. С документами на покупку тоже повозиться довелось – не так всё просто оказалось в местном сельсовете. Да и Алёне как говорится «загорелось» объединить ухоженный участок Павла и бесхозный соседний. «Представляешь? У нас будут свои тридцать соток! – мечтательно закрывала она глаза. – Соединим их, сад разобьём с лужайкой...» «Представляю!» - кивал Василий...

В конце концов, сделка состоялась, бывшие хозяева съехали, и новосёлы вознамерились полностью вступить в права деревенских собственников.

Взяли небольшой отпуск. Василий занял у знакомых автоприцеп для джипа, который они с Алёной доверху набили частями разобранной мебели, стародавними ковриками и коробками с постельным бельём, полотенцами и посудой, шторами, одеждой и обувью, порошками и мылом, тапками и ведрами, купленными лопатами и граблями, кулёчками и пакетами с семенами, набором инструментов и – на всякий случай – лекарств, гвоздями и шурупами, бывшими в употреблении бытовыми приборами. Среди прочего были телевизор, утюг, электроплитка, чайник. И много ещё чего, что годами копится в квартире запасливой хозяйки, которая пользоваться этим уже не хочет, а избавиться не хватает духу, зато отвезти старые вещи на дачу – в самый раз. Багажник и задние сиденья тоже набили коробками.

Сентябрь выдался тёплый и сухой, как и всё только что прошедшее лето.

Пока ехали в деревню, Алёна с удовольствием разглядывала в окно, как березы играют яркой желтизной листьев в осенних лучах солнца, любовалась на кудрявые кроны деревьев, покрытые свежей позолотой.

В свои деревенские хоромы они заехали в пятницу вечером. Василий снял со столбов одно из звеньев забора, загнал машину прямо на лужайку перед домом и вернул изгородь на место. Торопливо разгрузили прицеп, сложив его содержимое на первом этаже.

Прошлые владельцы оставили новосёлам кое-что из обстановки. На кухне ожидал слегка расшатанный, но исправный небольшой стол и пара табуреток, а наверху –

скрипучая деревянная кровать, которую Павел решил не трогать, иначе развалится.

Василий с хозяйской неторопливостью обходил дом и двор, прикидывая фронт предстоящих переустройств усадьбы на свой лад. Алёна вначале тоже ходила за ним, на ходу раскладывая по местам кое-какие вещи, выдавала мужу ценные женские советы. А потом принялась колдовать над ужином из бутербродов, салата из припасённых в городе овощей. Чай разливали в стеклянную баночку и колпачок от термоса. «Сегодня как-нибудь перебьёмся, - успокаивала она. - Завтра всё распакую, заживём...»

В сентябре в этих краях темнеет рано. А в окружённом лесом посёлке смеркаться начало, как только солнечный диск скрылся за макушками сосен, и едва лишь закатные лучи выкрасили чистую небесную высоту в розовый цвет, на улицах воцарились мрачные сумерки. Но темнота продержалась недолго, прошло несколько минут, и на улицах, во дворах, усадьбах, на фасадах домов, площадках у школы, клуба и в других местах привычных деревенских тусовок разом вспыхнули электрические огни и рассеяли мрак, сделали уютным внешний вид посёлка. Даже собачий лай с соседнего участка стал радостней.

Наши новосёлы тоже включили лампочки в доме и во дворе – света оказалось маловато, но стало гораздо веселее – сидели на табуретках, мечтательно попивая остывший уже чай, и вели тихий, неторопливый разговор о том, как хорошо им будет жить в деревне. Решили завтра навести в доме и во дворе элементарный порядок, а в воскресенье погулять по лесу, разведать дорогу на ближайший водоём.

Между тем в приоткрытое окно потянуло прохладой, а в доме и днём-то не было особого тепла, ведь печь не протапливали со дня отъезда старых хозяев.

- Холодновато! – зябко повела плечами Алёна и плотнее закуталась в любимую шерстяную чёрную кофту.

- Давай затопим печь, - предложил Василий, встал, закрыл окно и обнял жену за плечи.

- Давай, - согласилась Алёна. – Только я не умею, топи сам.

- А я... - запнулся муж, - тоже не умею. Но надо же как-то начинать... Учиться будем.

Печь была знатной. Большая, кирпичная, выбеленная известью, она стояла посреди первого этажа, её широкая и толстая задняя стена уходила в потолок. Создатель этого сооружения сложил нечто среднее между старинной русской печью и теми печками, которые сегодня кладут современные печники. В её нижней части, у самого пола, было устроено широкое округлое подпечье, где держат запас дров, можно и обувь посушить. Чуть выше располагалось прямоугольное углубление – шесток для посуды, печного чайника, разных банок-склянок, там же лежал коробок спичек. Ещё выше была устроена топка с поддувалом. Вход в неё закрывала квадратная чугунная дверца побольше, а в поддувало – узкая дверца поменьше.

Сверху топку нарывала чугунная плита с двумя отверстиями, накрытыми металлическими кружками.

Василий с интересом изучал всю эту непростую конструкцию. Открыл топку, и на него дохнуло запахом сгоревших дров, на пол сыпанулись взметенные печным сквозняком крупинки древесной золы, он испуганно вернул дверцу на место.

Обошёл кругом этот «агрегат» по производству тепла, обнаружил на его задней стене – на уровне груди – неглубокие ниши для лучшей теплоотдачи. Выше них увидел маленькую дверцу, что называют вьюшкой. А у самого потолка из кирпичной стенки печи торчал плоский металлический лист с рукояткой. «Задвижка», - догадался Василий и тут же пожалел, что не расспросил Павла, как управляться с печным хозяйством.

Алёна сидела на табурете и как замороженная наблюдала за мужем. Тот принёс с улицы большую охапку крупных берёзовых поленьев, с шумом ссыпал их перед печью. Набил ими топку, вытащил из кармана куртки старую газету, развернул, скомкал и засунул этот бумажный ком под поленья. Чиркнул спичкой, но не успел поднести к бумаге – огонёк задуло печной тягой. Тогда он сложил вместе несколько спичек, поджёг, подождал, когда разгорятся и, прикрывая ладонью, поднёс к газете, та нехотя занялась пламенем, которое поползло узкой полоской по бумаге, высвечивая внутренности топки. Василий осторожно прикрыл дверцу и, сидя на корточках перед печкой, принялся ждать.

Алёна смотрела на него с умилением, удивляясь про себя, откуда он, родившийся и выросший в коммунальной квартире Санкт-Петербурга, среди брусчатки, асфальта и поребрика, умеет всё это? «Смотрите, аккуратнее там, - вспомнила она, как напутствовала её по телефону из Северной Пальмиры свекровь. – Мой Вася никогда в деревне не жил. Городской до последней жилочки», - то ли с сожалением, то ли с гордостью говорила она снохе.

Между тем, печь не считала нужным разгораться. Василий с удивлением обнаружил это, когда вначале приоткрыл, а потом и распахнул дверцу тёмной топки – газета превратилась в пепел, однако поленья не подожгла.

- Ну вот! - раздосадовано развела руками Алёна. – Подожди, - вспомнила она и кинулась в прихожку. – Вот, - вернулась и подала мужу бутылочку с жидкостью для розжига. – Только смотри, осторожней...

Василий плеснул жидкости на дрова, чиркнул спичку и только приблизил её к топке. Полыхнуло так, что он едва успел захлопнуть дверцу и затряс опалённой рукой. В печи затрещало. А Алёна, охнув, быстро намочила чаем вафельное полотенце и наспех обмотала мужу руку.

- Да не больно, - с виноватым видом говорил он. – Заживёт... - потом наклонился к затихшей печи. - А ведь опять не разгорелась!

Дрова, действительно, лишь почернели с краю.

- Давай по-другому попробуем, - потёр шею Василий. – Наверное, я много дров набил.

Он выгрузил их из печи, выбрал три полешка, прикинул и уложил в топке крест-накрест. С других поленьев содрал берёзовую кору и тоже засунул в печь. Нашёл в прихожей ещё одну старую газету, разорвал на куски, каждый скомкал – и туда же. Посидел на полу, задумчиво глядя на творение своих рук, и прикрыл дверцу поддувала. Лишь потом осторожно поджёг газету, завитушки коры и оставил топку приоткрытой. Огонь занялся сразу, поленья разгорелись, защёлкали, разбрасывая искры по печной серёдке. Василий сунул ещё дров – в печи загудело.

- Научимся! - с победным видом поглядывая на жену, заявил он. – А как же иначе!

Печные бока потеплели, а с ними теплее стало и на кухне. Виктор всё подкладывал и подкладывал дрова, пока не закончилась вся охапка.

- Наверху ещё холодновато, - сообщила ему с лестницы Алёна и прикрыла ладошкой широкий зевок. – Может, спать пойдём?

В топке ещё потрескивало. Василий потрогал нагретый печной бок:

- Слышал, если заслонку закрыть, в печи тепло будет дольше... Только не знаю, дрова ещё должны гореть, когда её закрывают, или надо ждать, чтобы совсем прогорели...

Они подумали и решили: раз уж не знают точно, лучше не рисковать, ничего не предпринимать. И улеглись спать. Невидимый поселковый морфей в сочетании с чистым воздухом, переполненным фитонцидами, в считанные минуты разрешил забыть о суете большого города, растворил во сне все их тревоги и волнения.

Спать пришлось в прохладе, зато спали крепко.

...А в субботу утром солнце так же взошло над землёй, радуя бесконечный, звучный хор птиц.

За этот первый деревенский день они «чёрту голову свернули», такой итог подвела потом за субботним ужином Алёна.

Вначале утром они съели остатки вечернего скромного пиршества. И началось. Алёна мыла и мыла – до обеда верхний этаж. Скребла углы, сметала паутинки со стен и пыль с камина, а муж выносил во двор ненужный хлам от бывших хозяев. Раскрыла настежь окна с пыльными разводами на стёклах и долго с удовольствием вглядывалась в сосны, желтеющие кусты, бесконечно мелькавшие всюду паутинки. После перетряхнула с Василием всю кровать, тщательно вымыла окна, дверь и дверные ручки.

Василий собрал из привезённых запчастей тумбочку, установил на неё и подключил телевизор, очистил от золы каминное нутро, помог Алёне повесить шторы. За первую половину дня он раз двадцать сбегал по лестнице вниз и поднимался на второй этаж то по собственной инициативе, то по просьбе жены – за «деревяшками», инструментом, телевизором, постельным бельём, шторами, ковриками и половичками, выплёскивал на траву грязную воду и наполнял ведро из кухонного крана чистой. Прилаживал к стенам вешалки для одежды, полки для белья и другой всякой всячины.

В перерывах между просьбами жены о подмоге успевал на дворовой лужайке собирать и укладывать в поленницу у забора раскиданные перед домом дрова, «сгонял» в кучу берёзовые чурбаки, которые дети раскатали по двору, «выколупывал» из травы потерянные или забытые ими игрушки и другую мелочь. Он и пыльный чердак обследовал. Дневной свет туда проникал через небольшое прямоугольное окно, занавешенное куском старой простыни. Разного хлама там хранилось навалом, но он решил оставить его на потом.

Заглянул Василий и в сад-огород. Урожай с грядок прежние владельцы убрали, и на месте моркови, помидоров, картошки и рано срезанных вилок капусты тут и там из серо-желтой земли повылезли сорняки. Заметил необрунный картофельный рядок, который, по всей видимости, оставили новосёлам.

Кусты смородины и крыжовника обвисли под тяжестью ягод, частые красные ягодные точки проглядывали и среди листьев малины. Деревья едва удерживали на ветвях обилие яблок. Зато на другой половине земли, которая теперь тоже принадлежала им, по пояс высился сплошной травяной сухостой. Землевладения казались необъятными. Протяжное: «Да-а-а...» - прозвучало у Василия

растерянно и даже жалостно. Но он решил сегодня ничего не говорить жене про эту, ожидающую их, сторону «прелести» новой сельской жизни.

- ...Надо нам здесь холодильник завести, - сказала Алёна, когда они покончили с обедом, и муж, сыто икнув, прислонился спиной к стене.

На обед она разогрела борщ и тушёную картошку с мясом, приготовленные ещё дома. Для этого Василий установил двухкомфорочную плитку. Он же принёс с огорода пучок свежих перьев лука-батуна, стебельков кресс-салата, укропа, нарезал хлеб. Запили обед минералкой. «Чай будет вечером», - предложила Алёна.

Первый этаж напоминал им городскую квартиру-студию, где кухня безо всяких перегородок совмещена с гостиной. Железную койку, диван-кровать с разноцветными подушками и длинный обеденный стол бывшие хозяева забрали с собой.

И пока Алёна мыла на кухне окна, Василий укрепил расшатанные ножки старого квадратного стола, который Павел оставил им «на первое время», и садиться за него теперь можно было без опаски. Потом жена убиралась за печью, оттирала пятна на полу и на стенах, а муж приводил в порядок раковину в кухонном углу и водопроводный кран над ней. Он собрал и приладил на стену шкаф для посуды, закрепил простенький светильник на потолке, ввернул в него новые лампочки и включил верхний свет – с улицы уже неумолимо надвигался сентябрьский вечер.

- Занавески не успеваю сегодня повесить, - пожаловалась Алёна. – Их ведь ещё погладить надо. Ну, да с улицы не видно... Завтра сделаю. – И она оставила в покое на печном шестке электрический утюг, за который было взялась.

Ещё часа три они провели в суете. Раскладывали вещи, одежду, распаковывали коробки. В одной отыскался старый будильник с механическим заводом и тихо, по-домашнему затикал на краю стола. С печи просто смахнули пыль, решив при случае побелить её бока свежей извёстью. Алёна сложила в шкаф посуду, застелила стол белой скатертью.

Уже в сумерках Василий сорвал несколько цветов, что росли на улице вдоль забора, вручил этот нехитрый букет жене и поцеловал в щёку: «С новосельем, родная!» «У, небритый! – дурашливо отстранилась Алёна. И пока она расставляла тарелки, крошила и резала продукты, он осторожно брился у раковины с холодной водой, заглядывая в небольшое зеркальце.

Поздний ужин у новосёлов вышел хоть и скромным, но праздничным. Жена установила в центр стола банку с цветами, Василий ловко откупорил бутылку сухого красного вина. Чудесные котлеты и овощной салат Алёна тоже приготовила ещё в городе, здесь только разогрела еду.

За окном была непривычная для городских тихая сельская ночь, по всей видимости, задремала даже соседская собака.

- Наверное, завтра в лес гулять не пойдём, - сказала Алёна, убирая со стола. - Мы ведь ещё даже в огород не заходили...

- Почему же, - устало потягиваясь на табурете, ответил Василий. – Я заходил. Поле необъятное... Работы там!

- Ничего, - откликнулась жена. – Ты же знаешь, как говорят: глаза боятся, а руки...

- Да, знаю... - улыбнулся он. – Всё переделаем. А сейчас спать...

Печь этим вечером решили не трогать, памятуя о вчерашних хлопотах с ней, лишь теплее оделись на ночь...

Воскресным утром пили чай с сырниками – первым блюдом, которое Алёна испекла в этом доме, иначе городской творог грозил «не дожить» до нового вечера. «Устал вчера как собака, - рассуждал Василий, уплетая один сырник за другим. - Согласись, и ты не ожидала, что на нашей даче дел невпроворот?!»

Прихлёбывая чаёк, говорили, о погоде – пока стоит отличная, о гостях – если приедут сюда, надо подумать о спальнях местах, о том, что хоть тут лес да болота – комаров они ещё не видели.

Однако сколько не сиди за утреним столом – время идёт, а работа стоит. «Мне папа в детстве говорил, - вспомнила Алёна, - трусливые у нас только глаза, зато руки значительно смелее... Пойду на огород, - поднялась она и медленно потянулась, разминая ноющие с непривычки мышцы. – Надо с ним что-то делать.

Муж настроился колоть дрова, чтобы во время зимних наездов в деревню было чем топить печь. Крепкий увесистый колун он обнаружил в кладовой.

...Алёна бродила по земельному участку: на руках – хлопчатобумажные перчатки, в руках – непривычная лопата, – разглядывала ягодные кусты, урожай которых ждал новых хозяев, трогала ветви, склонившиеся под весом яблок, их тоже предстояло снять, иначе поломают ветки, любовалась розами, и они дожидались предзимней обрезки. Прикидывала, что в теплице надо повывернуть разросшиеся огуречные плети и голые кусты помидоров. А на дальних грядках, говорили ей более опытные в огородных делах подруги, надо посадить в зиму чеснок, можно и лук, и даже морковь, чтобы всё это весной раньше проросло – да на стол.

«А травы-то! - возмущалась про себя Алёна. – Будто специально посеяли». Она то и дело нагибалась и обрывала стебли полевого вьюнка, пытавшегося опутать гибкими побегами с белыми цветами-колокольчиками куст крыжовника, а то выдергивала из мягкой земли жёсткие стебли пастушьей сумки с крохотными треугольными листьями и мелкими соцветиями на верхушке растения. Осот с колючками розоватыми шишечками приходилось тянуть из земли двумя руками – иначе его длиннющий корень не вытащить. Зато короткие суховатые кустики мятлика поддавались нетрудно, да и мясистые корни припозднившихся одуванчиков обрывались легко, сразу увлажняясь белым соком на месте срыва.

Алёна остановилась у клубничной поляны. Многочисленные усы растений крест-накрест переплели пересохшие без дождей земляные дорожки между грядками. Одни ягодные кустики успели обрасти свежей зеленью. На других были только засохшие и больные листья, которые надо удалять, размышляла хозяйка, рыхля лопатой тропинки и перерубая острым штыком земляничные усы. «Да и полить надо бы всё как следует, - мозговала начинающая огородница. – Нужно Васе сказать...», - она прислушалась к методичным ударам топора, которые раздавались за домом.

Работы, видела Алёна, действительно, был непочатый край. И безветренное утро с ярким солнцем, чистым воздухом и бесконечным щебетом птиц уже не казалось безмятежным.

В самом углу огорода она заглянула в компостную яму, забитую старыми листьями, небольшими ветками и хвоей. Ещё раз обошла эту, ухоженную, часть их большого теперь участка и направилась, наконец, туда, где землю покрывал плотный многолетний сухостой.

Эти заросли высотой в пояс состояли из осота с тысячами пушистых головок, похожих на мелкие одуванчики, и прилипчивого репейника. В беспорядке стояли шеренги шершавых ребристых стеблей и осыпавшихся колосьев куриного просо и овсюга, пересохших нитей вьюнка, серых пустых «пикулей» мышиного горошка, серебристых метёлок полыни. Здесь туго переплелись мириады сорняков, и если к ним притронуться, издавали тихий шелест, напоминающий шуршание перелистываемых страниц книги.

Алёна оставила лопату, ткнув её в землю, прикинула, как удобнее рвать сухие сорняки, и обеими руками ухватила их столько, сколько уместили ладони в перчатках. Из всех сил потянула на себя – одни стебли ломались, другие обрывались, третьи выдёргивались с корнями. Отбрасывала сухие пучки за спину и снова наклонялась за очередной порцией давно умерших растений. Устав, распрямилась, подперев кулаком ноющую поясницу, и безрадостно посмотрела на необъятный фронт работы. Казалось, этому сухостою нет конца и края. «Что же делать? – уныло думала она. – Тут траву за год не выдергать...»

И вдруг мелькнула шальная мысль: надо поджечь затянутое сухими сорняками пространство, размером едва ли не с треть футбольного поля! Совсем не опасно, размышляла она, ветра-то нет, до леса огонь не дойдёт – до ближних сосен далеко, ну, а баня... баня стоит в самом конце поляны. Да и баню от сухостою отделяет тропинка в метр шириной – пламя не должно перескочить через неё... А что?! Проблему нужно решать быстро и кардинально. Как говорится, лучшая таблетка от головной боли – гильотина... «Сгорит враз, зато участок чистым станет, – тряхнула головой Алёна, отбрасывая последние сомнения. – Вася мне ещё спасибо скажет».

Она бегом направилась к дому, прошмыгнула мимо мужа, который со всего маха бухал колуном по очередному чурбаку, стоящему на крепкой старой колоде. Он их одним махом разваливал на две половины, потом каждую колол пополам, а четвертушки чурбака – еще на три полена. Вокруг него уже валялось немало свежих полешек. Он лишь кивнул жене, не останавливая работы.

Алёна нашла в прихожей пачку старых газет и выдернула одну, с печного шестка взяла коробок спичек – и снова бегом на участок.

Там разорвала газету, сунула куски в край сухотравья, зажгла спичку и поднесла к бумаге. Однако огонь потух, будто задутый невидимым дыханием. «Надо же, – усмехнулась она. – Газету поджечь не умею...» И снова чиркнула спичкой о коробок – опять неудача: крохотный язычок пламени бессильно колыхнулся и превратился в серый дымок. «Незадача! – чертыхнулась хозяйка, ей вдруг показалось, что по траве прошелестел ниоткуда взявшийся ветерок. – Да и Бог с ним, – подумала Алёна. – Если и подул, так не в сторону бани, нечего бояться».

Воспламенила третью спичку, дала ей разгореться, прикрывая ладонями, и осторожно двинула руку к газете, но, видно, передержала: спичинка успела прогореть и превратиться в чёрную закорючку, прежде чем коснулась бумажки. Погасла и четвёртая, не подожгла траву и пятая. Алёна занервничала, от внезапно охватившего волнения задрожали руки: «Что же это?! Так и до обеда ничего не сделаю...» Она мотнула головой, откидывая прядь волос с взмокшего лба, несколько раз глубоко вздохнула, успокаивая себя, и снова взялась за коробок.

На этот раз газета сразу занялась: как порох вспыхнул обрывок бумаги, за ним – стебель, сухая травинка, другая, огонь взялся за траву мигом, заплясал рыжей

волной, взвился кверху дымом, подхваченным резким порывом сквозняка, который подул, уже не скрываясь...

На Алёну словно столбняк напал: замерев, она заврожено смотрела на дело своих рук.

- Алёна! – она вздрогнула от резкого мужниного окрика. – Ты что делаешь? Там горит что ли?! – Василий резво мчался к ней, на ходу подхватил одной рукой прислоненные к стене грабли, другой стаскивал с себя футболку. – Эй! – бежал и кричал он. – Горим! Ай! Пожар!

А огонь всё шире раздвигал полукруг на сухой траве, мгновенно превращая в пепел листья, стебли, головки цветов. Василий подскочил к горящему краю, принялся с ходу отчаянно молотить по пламени и граблями, и влажной от пота футболкой.

- Что стоишь?! Туши. Сгорит, нахрен, баня! А по забору и до дома доберётся! – орал он в голос. – Или за водой беги!

Она очнулась от его воплей, стремглав метнулась к дому, схватила с земли пустое ведро. Ворвалась на кухню, с грохотом сунула ведро в раковину, открыла кран. От страха и нетерпения притопывала об пол подошвами кроссовок. «Господи! Что я наделала! Дура! – стучала кулаком по крану. – Сгорим ведь...» - истово шептала она.

А вода текла тонкой струйкой – напор был небольшой. «Как там Вася? Вот же дура я! – думала в отчаянии. – Господи, помоги! – молила покаянно.

Увидела в углу большую тряпку – вчера ею мыла пол, запихнула в ведро, вынула и, не выжимая, с полупустым ведром и мокрой тряпкой помчалась на подмогу мужу, оставляя за собой тонкую влажную полосу. Увидела клубы дыма, углядела, что Василий как заведённый лупит по горящей траве, подала ему ведро, сама с остервенением ударила по огню тряпкой. К чести перемазанного сажей Василия успела отметить, что брать верх над пожаром у него получается.

Жаркая битва длилась не больше четверти часа, а показалось, гораздо дольше. Открытого огня уже не было, дым, правда, ещё вырывался из сухой травы то тут, то там, но Алёна с мужем тут же яростно наваливались на него, отчаянно колошматили тряпьем по опасному месту, рвали тлеющие стебли и отбрасывали на чёрный выгоревший полукруг земли.

Кажется, на едва не разгоревшийся пожар в посёлке никто не обратил внимания, лишь в соседнем дворе взволнованно и глухо лаяла собака.

- ...Прости меня, Вася! – уже в сотый раз просила мужа Алёна. – Я же хотела, как лучше... Глупость сделала, но, правда, не специально. Штаны твои... Вот...

- Да, ладно, чуть пол посёлка не сожгли, а ты про штаны, - великодушно отмахивался Василий. – Обошлось, - говорил он, почёсывая обгоревшие брови и лишившиеся ресниц веки, поглаживая красные пятна на коленях, просвечивающих через дырки на прогоревших штанах. – Успокойся, хозяйка ты моя. Это наша деревенская жизнь налаживается... Хорошо, что баню сохранили, давай-ка сегодня её растопим, отмоемся.

Они были на кухне: он устало сидел на табурете и морщился от боли, когда Алёна мазала ожоги мазью Вишневского. Потом она хлопотала у плитки, готовила обед. Снова и снова прокручивая в голове случившееся, теперь она отчётливо понимала, что едва не спалила свою усадьбу, а с ней, может, и пол посёлка, что

по её глупости засушливые лето и осень едва не сыграли с ними трагическую шутку. Поджилки дрожали от этих мыслей.

- Прости меня, Вася! – вымаливала она...

А он, тихо усмехаясь, уже в третий раз рассказывал, что уберечь от беды помогло его шестое чувство. Управляясь с колуном, он же краем глаза видел, как она зашла в дом, как быстро вышла назад с газетой в руках. «Я ещё подумал: зачем ей газета? Потом топор положил, думаю, устал, отдохнуть надо. Заодно посмотрю, что там Алёна делает. Будто подсказал кто-то... Только из-за дома вывернул, и вот оно – горит!»

За обедом допили остатки вина. Делать сегодня уже ничего не хотелось. Ещё посидели за столом, повздыхали, окончательно успокаиваясь, даже посмеялись над своей городской неприспособленностью к деревенской жизни, в которой, оказывается, вместо отдыха на каждом шагу их поджидала работа, да всякие неожиданности.

- Ничего, ничего, - успокоил Василий. – Втянемся... - и отправился носить в баню воду, растапливать железную печку с каменкой.

- Ага, приспособимся, - вздыхала Алёна, складывая в поленницу нарубленные дрова, а после этого наводила в бане порядок.

На улице гомонила местная ребятня, гоняя мяч. Алёна видела, что они бросают любопытные взгляды в сторону их дома. Забеспокоилась: «Уйдём мыться, залезут сюда. Хотя, что тут брать? – она пробежала глазами по кухне, увидела утюг. – Разве что, утюг сопрут, - и решила его спрятать.

Куда? Взяла утюг, обмотала шнур вокруг его подошвы, походила по первому этажу, не найдя надёжного потаённого места, поднялась на второй этаж и сунула утюг под свою подушку...

Баня вышла на славу! Хотя, конечно, раздеваться, мыться и, плеснув на каменку воды из ковша, хлестать себя веником, который Василий обнаружил на чердаке, потом натягивать одежду на влажное тело – и всё это в едином банном пространстве – было не очень-то удобно. Но, в общем, им понравилось.

- Ничего, - пообещал Василий. – Дай время, я её перестрою.

Снова пили чай на вечерней кухне, капнув в него коньяку, плоскую бутылку которого Алёна привезла в одной из коробок. На улице искрилось усеянное звёздами небо. Начинающие дачники так устали за этих два выходных-рабочих дня, что Алёна молча клевала носом, тихо вздыхая, а муж отчаянно зевал и тёр кулаками глаза.

- Чего мучиться, айда спать, - позвал он.

Она поплелась за ним вверх по лестнице, и, едва голова коснулась подушки, уснула мертвецким сном.

...Весь следующий день опять провели в саду-огороде. Правда, вначале с утра прокатились по посёлку, съездили в местный магазин – пора было пополнить запасы еды.

- Смотри-ка, какой цивильный магазинчик у них! – Василий лихо притормозил на площадке возле одноэтажного здания из красного кирпича.

Народу внутри не было. Продавщица – полненькая молодая брюнетка, назвавшаяся Анжелой, разложила перед Алёной на прилавке на выбор батоны копчёной колбасы.

- Любую берите, не пожалеете, - нахваливала она. - Все свежие.

- А вы к нам жить приехали или проездом? – поинтересовалась Анжела, стрельнув на Василия заинтересованным карим глазом.

- Жить, - хмуро ответила Алёна. - А что?

- Жить – это хорошо! – обрадовалась продавщица. – А то в последнее время из посёлка всё больше уезжают, да уезжают, - улыбалась она. - А если жить будете, значит, постоянно будете покупать ...

Они взяли колбасы, сыра, рыбных и овощных консервов, хлеба, молока с кефиром, соли. Сахару взяли – Алёна намеревалась поднатореть в варке домашнего варенья.

...Возились на огороде. Василий – в одной лёгкой футболке и шортах под тёплым солнцем – перекапывал грядки. Алёна собирала ягоду – до половины обобрала один из пяти больших кустов смородины, ссыпая крупные чёрные смородиновые горошины в картонную коробку, следом сюда же потом складывала полосато-зелёные, похожие на маленькие арбузики, плоды крыжовника. «Попробую их вместе сварить, - строила она планы. – Должно быть вкусно».

Пора было готовить обед, и она решила сварить картофельный суп. Благо картошку, морковку и разную зелень брала не на полках городского супермаркета, а на собственных грядках. Это новое обстоятельство и умиляло, и радовало. Алёна, подкапывая куст картошки, отчётливо вспомнила свою студенческую молодость: осенью студентов возили на колхозные поля – на помощь селянам в уборке. А ведь и грязь в поле, и дожди, и холод, размышляла она, зато как весело и легко было им, молодым, преодолевать всё эти трудности, не роптать, а распевать во всё горло вечерами у костра. «Ничего, - успокаивала себя. – У нас с Васей всё получится...»

Суп, сваренный из собственных овощей, вышел на славу. Василий ел и нахваливал: «Вкусно! Чувствую, отъемся я здесь».

- Ага! – в тон ему пошутила Алёна. – Сильно-то губу не раскатывай! - и дурашливо хлопнула по его спине кухонным полотенцем.

Почаёвничали, и Василий пошёл в огород – там было ещё копать не перекопать. А Алёна решила, наконец-то, повесить на кухне занавески. Порывшись в одной из коробок, достала их, светлые с весёлым рисунком, но мятые-перемятые после долгой лёжки в городской квартире. Надо погладить – она посмотрела на печь, куда поставила утюг, – его там не было. «Стоп, - окинула взглядом кухню в поисках прибора. – Да где же? Ведь помню, здесь была железка чёртова!» Сбегала на огород, спросила мужа: не видал ли? Тот пожал плечами: «Ищи! Кому он нужен?! Не пацанам же с улицы... - не успел договорить Василий, как Алёна хлопнула себя ладонью по лбу и зашлась от смеха, опустившись на землю.

- Ха-ха-ха! Вспомнила, Вася! Вспомнила! Пойдём, покажу, – потянула его за руку в дом, на второй этаж.

Здесь подошла к кровати со своей стороны, откинула подушку – утюг так и стоял тут, спрятанный от посторонних.

- Представляешь! – веселилась Алёна. - На утюге всю ночь спала и даже не почувствовала. Во, дела!

- Да, - усмехался Василий. – Дела! Отдыхаем мы на нашей даче так, что ни ног, ни рук, ни головы не чуем!

...А сентябрьские деньки между тем проходили своей чередой, становясь всё короче, вечера – всё темнее. По ночам, под утро, на зелёную ещё траву падал иней первых заморозков. Однако солнце не сдавалось, снова нагревало воздух, казалось, бабьему лету в этот год не будет конца.

Только птичий хор всё редел: не стало чивканья скворцов – по утрам, как в воду канули трели соловья – по вечерам. Над лесом день-два со звонким гамом кружили стаи каких-то мелких птах, потом исчезали, направляясь в южные края, а им на смену начинали «табуниться» новые птичьи косяки. В лесу становилось всё тише, кустарники окончательно пожелтели или покраснели, берёзовый лист теперь непрерывно сыпался на землю. И только гордые сосны и ели зеленели, не признавая времён года.

Наши дачники работали на усадьбе, как говорится, не разгибаясь. Спешили подготовиться к зиме как положено. Понемногу знакомились с ближними соседями по улице, расспрашивая и выслушивая советы по уходу за почвой и растениями.

Василий всё копал земельные уголья, рвал сорняки, подрезал присохшие или надломившиеся ветви деревьев, кустов, белил извёсткой стволы. Руками они сняли яблоки с ветвей, что пониже, а чтобы достать с тех, что повыше, Василий осторожно тряс крепкие стволы. Алёна резала яблочки и раскладывала на сквозняке желтоватые ломтики для сушки. Собирала ягоду, варила варенье. Обиходила всё ещё цветущие розы. Посадила в зиму чеснок и лук, поглубже «утопив» в мягкую почву семена, и обозначила эти грядки сухими прутиками, как научила соседка «для лучшего снегозадержания». Обработала клубничную поляну и каждый день поливала её водой из крашенной железной лейки. Василий проредил малину, связал пучками её зелёные ещё высокие стебли и пригнул к земле – так, сказал ему сосед, они лучше переживут морозы.

Наводили порядок и в теплице: повырвали ботву, перекопали там. Компостную кучу наполнили до самых краёв, скидывая в неё растительные остатки. Предавать их огню на костре, упаси Боже, боялись.

В лесу за это время побывали лишь раз. И то не для того, чтобы полюбоваться прекрасными пейзажами осенней природы, хотя не заметить лесной красоты было невозможно, даже если пришёл сюда с намерением набрать хвои и лапника – закрыть и присыпать ими озимые посадки и клубнику.

Разве думали они, мечтая в духоте городского жилища о даче, что их сельская жизнь будет такой неромантической?! Ежедневно выяснялось, что работы здесь бесконечно много. А ведь до конца и не представляли, сколько её ещё впереди, когда время от времени окидывали свои владения хозяйским взором. Не привыкший к нагрузкам, городской организм особенно по утрам нещадно отзывался то прихватившей поясницей, то ломотой во всем теле.

«Вот тебе и удовольствие... Да тут адовой работы немеряно! Может, бросить всё, продать к чёртовой бабушке?!» – едва сдерживая слёзы, думала про себя иной раз Алёна. «Да, - с молчаливой грустью размышлял сам с собой и Василий. – Таких отпусков у меня ещё не бывало!» Но, к чести начинающих дачников, вслух эти мысли они почти не произносили, наоборот, как могли, поддерживали и подбадривали друг друга.

После недели сельской жизни завели правило: при первых признаках усталости или боли в спине – остановиться, отдышаться, сделать перерыв или вообще отложить дело на завтра.

- Как говорит моя мама, надо и на завтра работы оставить, иначе всё не успеем, - шутил в такие минуты Василий и ласково обнимал жену за талию. – Айда лучше домой, чайку попьём...

- Берегите себя, не перетруждайтесь, - советовали им и их ближайшие соседи Шипуновы – крепкие ещё старики, поселковые старожилы – Андрей Иванович, светлый как лунь от благородной седины, неторопливый в движениях и рассуждениях, и маленькая, подвижная как ртуть, его жена Наталья Петровна, короткая причёска которой была выкрашена хной в каштановый цвет. - Оставьте себе время для общения, получите удовольствие от нашего воздуха. В мире такого нет! – и они обменивались между собой многозначительными взглядами.

- Так пахоты немеряно! - возражал Василий.

- Вот увидишь, - уверял его сосед. – Дай срок, полюбишь Асерхово. Ждать будете каждую поездку сюда, - его супруга согласно кивала головой.

- Про Асерхово даже стихи сочинили, - привела гостям и свой довод Наталья Петровна и с выражением продекламировала несколько четверостиший.

Знакомство с Шипуновыми состоялось как-то само собой. Однажды Василий через забор спросил у ковыряющегося на своём участке соседа, чем обработать на яблоне место срезанной ветки?

- Погоди, - кивнул тот и скрылся в глубине сада.

Его не было минут пять, и Василий уже начал думать, что ждёт напрасно, но седая голова возникла возле изгороди. В одной руке сосед держал жестянку из-под консервов с жидкостью тёмно-вишнёвого цвета, в другой – маслянистый коричневатый комок.

- Вот марганцовка с купоросом, - подал он Василию банку. – Этим сегодня место спила обрабатываешь. А назавтра, - протянул содержимое второй руки, - замазываешь его садовым варом. Я его сам делаю из воска, жира и канифоли...

- Я ж на своем участке и садовод, и бригадир, и агроном, и пахарь, - с самодовольным видом произнёс он и представился более конкретно. - Между прочим, меня Андреем Ивановичем зовут.

- Василий, - отрекомендовался Василий.

- А мы знаем, - добродушно усмехнулся сосед, скривив короткую белёсую щётчку усов. – А жена у тебя – Алёна. В деревне далеко слышать... Если надо чего, обращайтесь запросто, по-соседски. Всегда рады помочь.

Этим же вечером Василий с Алёной пили чай на широкой, уютной кухне Шипуновых. Наталья Петровна то и дело вскакивала из-за стола, подкладывала гостям варенье, джем, стряпню.

Мужчины молчали недолго – завели разговор о тонкостях садоводства, а хозяйка повела Алёну по дому, показывая расположение и обстановку комнат. Потом женщины вышли на крыльцо.

Чистый, ухоженный двор посередине – прямо по земле – пересекала толстая, тугая как стрела стальная проволока, вдоль неё на цепи бегал большой чёрный

лохматый пёс и громко радостно погавкивал. Когда Алёна с мужем ещё только пришли к соседям, Андрей Иванович на всякий случай закрыл собаку в дощатой будке в углу двора. Теперь же её выпустили.

- Какая большая, - удивилась Алёна. – Злая, наверное?

- Пупсик-то? Да нет, это он только с виду грозный, – махнула ладошкой Наталья Петровна и подошла к псу, который, встав на задние лапы и виляя хвостом, пытался положить передние ей на плечи и лизнуть в лицо.

- Фу, Пупсик! - хозяйка приземлила его на четыре ноги и почесала довольную псину за ухом. – Можно погладить, - позвала она Алёну.

Та боязливо притронулась к косматому боку и тут же отдернула руку: собака повернула к ней голову и напряглась.

- Тебе надо его покормить, - предложила Наталья Петровна. – Я сейчас...

Она быстро принесла из дома говяжье ребро и незаметно сунула его гостю: «Дай ему... Да не бойся!»

Алёна с безопасного расстояния робко протянула лохматому кость. Пёс крепко ухватил зубами угощение и, гремя цепью, умчался на другой конец двора.

С того дня Алёна начала каждый день носить грозной на вид животине какие-нибудь угощения со своего стола. И, кажется, они подружились. Ведь всякий раз, как только она подходила к соседской калитке, Пупсик, почуяв гостью, весело гавкал и подвывал, а завидев её, радостно скакал по двору.

...Заросшую травой часть участка начинающие дачники решили оставить в покое – до следующей весны.

- Хорошо бы купить мотоблок, - мечтал вечерами Василий. – А что?! Так по весне и сделаем! С ним я мигом всё перекопаю.

К ночи холодало всё сильнее, и Василий теперь каждый вечер топил печь. Научился разжигать её пусть не с первой, то, максимум, со второй спички. Теперь он безошибочно знал, если дрова сгорали до мелкой золы и больше не чадили сизым дымом, пришло время закрывать заслонку в трубе, и тогда кирпичные стенки печи дольше сохраняют тепло.

И всё-таки понемногу они продолжали знакомиться с поселковыми достопримечательностями. Однажды под вечер съездили на речку Даниловку, неслышно протекающую по окраине Асерхово, посмотрели на серебристо-прозрачные воды и на берега, заросшие где-то густой высокой травой, а где – кустарником и жёлтолистыми осенними берёзами.

А однажды посетили местную общественную баню, которая по деревенским меркам считалась просто шикарной. Тут выдавали ослепительно белые простыни и большие махровые полотенца. В будний вечер посетителей было немного. Мылись Василий и Алёна отдельно, ведь мужское и женское отделения, как положено, были раздельными. Природное недоверие к подобным заведениям у Алёны победил чистый моечный зал с шайками, скамейками и врезанными в кафельную стену кранами: из одного – лишь поверни рукоять – тугой струёй бил кипяток, из другого шла ледяная вода.

По залу с хозяйским видом расхаживала дородная рыжая банщица неопределённого возраста в большом сероватом клеенчатом фартуке поверх тела. «Тётя Саша», - радушно представилась она Алёне.

– Попарю, коли пожелаешь! – предложила банщица слегка оторопевшей новенькой посетительнице. – Пойдём, девка, похлещу веничком, не пожалеешь...
- улыбнулась тётя Саша, показав крупные желтоватые зубы.

«Была не была», - тряхнула Алёна мокрыми волосами и вслед за рыжеволосой нырнула в распахнувшуюся настежь дверь парной. Оттуда навстречу им «выкатились» две разругавшиеся женщины немалого телосложения.

В парилке было так жарко, что Алёна тут же пригнулась пониже и села на нижнюю ступеньку полка.

- Нет! - решительно вдохновила её банщица. – Наверх полезай и ложись на живот... Расслабься, я сейчас.

Алёна услышала шипение воды на раскаленных камнях, её обдало густым духмяным паром. Женщина извлекла из таза с водой сразу два берёзовых веника и склонилась над клиенткой, белое тело которой сплошь покрылось капельками влаги.

- Веник все недуги выгонит, - негромко произнесла она над алёниным ухом и, держа по венику в каждой руке, начала легонько поглаживать ими свою клиентку. Та почувствовала, как горячие листья приятно скользят по ней: от головы – по спине, ногам, до самых пяток и обратно – по бокам к голове. Эти невесомые движения вызвали лёгкую дрожь. Минуту спустя тётя Саша приложила веники к алёниной пояснице, прижав их на несколько секунд, затем переместила на лопатки, на подколенные суставы.

- Как ты, де-е-вонька? – вопросительно пропела она.

- Замечательно! – выдохнула Алёна.

А берёзовые ветки уже легко постегивали по бедрам, спине, икрам ног. Сначала били легко, потом всё сильнее. Банщица останавливалась, переставала хлестать, и, стремясь побольше захватить горячего воздуха, помахивала над дачницей вениками, вновь опускала их на распаренное тело. И после двух-трёх сильных шлепков прижимала веники к мышцам спины, к пояснице, ступням.

- Я всех, кто пожелает, в парной пользую, - отдуваясь, говорила она, но, расслабленная до полусна, Алёна почти не слушала. - К нам сюда ездят даже из соседних деревень, из города, - не обращая внимания на молчание клиентки, тётя Саша продолжала рекламировать баню. - Компаниями моются! Так, ещё бы...

Она свела веники на алёниной пояснице, затем с силой медленно повела их в стороны: один скользил по телу в направлении головы, второй – к ступням, будто пытаясь растянуть лежащее туловище. Наконец, снова начала легко массировать и поглаживать вениками Алёну по багрово-розовой спине.

- Задремала? – тетя Саша потрясла её за плечо, возвращая в жаркую действительность. – Сейчас сделаем так: я хорошенько поддам, а ты полежи, сколько сможешь, и выходи.

Банщица трижды плеснула на раскалённую каменку из маленькой металлической кружки на длинной деревянной ручке, и быстро вышла из парной. Алёну обдала волна такого немыслимо горячего влажного пара, что перехватило дыхание. Секунд через пять она уже была в моечной...

- Ну, как тебе? – спросил Василий, когда, расслабленные и раскрасневшиеся, они сидели в мягких, слегка потёртых креслах комнаты отдыха и прихлёбывали горячий, ароматный чай из небольших гранёных стаканов.

- Это чудо какое-то! Деревенское волшебство! – Алёна откинулась на спинку кресла. – И всего за сто рублей.

...Вот и к ним во двор пришли чистота и порядок: сорняки повывергивали, все чурбаки порубили на дрова и сложили в ровную поленницу, мебельные обломки, старые игрушки и прочую рухлядь и мусор сожгли в печи. Немало сделали в саду-огороде – там, правда, работе не было конца-края, однако и здесь наши дачники с основным осенним объёмом справились.

Налаживался уют и в доме. Дошло до того, что Алёна пробовала стряпать блины на ловкой чугунной сковороде, раскаляя её на печной плите. Василий ел их с нескрываемым удовольствием и нахваливал, цокал языком от наслаждения и одобрительно кивал головой.

Лёжа перед сном в кровати, они уже начинали строить планы своего дачного будущего: обговаривали перестройку жилища и бани, переустройство сада.

- Может, мы с тобой уже в деревенских превращаемся? - поглаживая уставшую поясницу, спрашивал у Алёны муж.

- Ага, деревенские горожане, вот мы кто, – ехидничала та в ответ. – Или может, городские деревенские...

Вторая неделя в Асерхово подходила к концу, а, значит, подходил к концу их первый дачный «отдых». По ночам холодало ещё сильнее, днём солнце пыталось брать своё. А дождей всё так и не было.

В последнюю пятницу отпуска Алёна начала упаковывать вещи, которые надлежало везти в город. Конечно, коробок теперь получалось меньше: они не заполнили и половины крытого брезентом прицепа. Вечером Шипуновы позвали их на прощальный ужин. Кроме того, Наталье Петровне не терпелось похвастать перед соседями цыплятами, купленными Андреем Ивановичем на откорм.

Василий «сгонял» на машине в магазин, взял бутылочку коньяка: «Кажется, неплохой, - продемонстрировал он жене этикетку трёхзвёздочного напитка известной марки. – Хотя, как говорится, пока не попробуем, не узнаем».

Алёна собрала «подарок» для своего любимца – Пупсика: завернула в тряпицу суповую косточку, вчерашний блинчик, колбасные обрезки. А пес, словно в предчувствии лакомства, заливисто лаял и призывно завывал.

Поэтому, как только они с Василием зашли в соседский двор и поздоровались с хозяевами, Алёна сразу начала осторожно раскладывать угощение на земле перед собакой. Несмотря на вроде бы установившуюся дружбу с Пупсиком, она по-прежнему побаивалась лохматого, приближалась к нему лишь на расстояние вытянутой руки.

Пёс замер, ожидая, когда она закончит ритуальные движения, склонив набок большую голову, он внимательно следил за её действиями, смачно облизываясь. Она отступила в сторону, и собака тут же подскочила к угощениям. Первым в её пасти мгновенно исчез блинчик, он был съеден так быстро, что глотательного движения не удалось заметить ни гостям, ни хозяевам. Мигом исчезла и колбаса. Потом Пупсик ухватил кость и уискал с нею в будку.

- Балуешь собаку, - добродушно пожурил Андрей Иванович. – Так он сторожить нас перестанет...

- Не ворчи, ворчун, - оборвала его Наталья Петровна. – Пойдёмте-ка лучше в курятник, цыплят посмотрим. Такие они красивые, потешные!

- Чего на них смотреть? – хозяин незаметно подмигнул Василию. – Вы идите, а мы с Васей пока коньячку попробуем, - мужчины скрылись за дверями веранды.

А женщины, разговаривая, двинулись через двор туда, откуда доносилось энергичное попискивание птенцов. Курятник находился в том же углу усадьбы, что и собачья будка. И только хозяйка взялась за дверную ручку, потянула дверь и отступила в сторону, пропуская гостью вперёд, как из будки внезапно выскочил Пупсик, зло рыкнул – шерсть на загривке встала дыбом – и, клацнув зубами, вцепился сзади в икру правой алёниной ноги, прокусив клыками мягкие ткани.

- Ой-ой-ой! – громко закричала Алёна от боли и неожиданности.

Обернувшись на крик Наталья Петровна, мигом подскочила к зверюге, всем телом навалилась на неё, оттаскивая от гостьи.

- Фу, Пупсик, фу! – вопила она и колотила пса по голове. Кобель выпустил алёнину ногу, резким движением стряхнул с себя хозяйку и, гремя цепью, скрылся в будке.

На крики из дома выбежали мужчины. Раскрасневшийся Андрей Иванович кинулся к жене:

- Что? Укусил?! – заревел он белугой на её молчаливый кивок. – У-у-у! Убью, гад! – он схватил лопату и черенком принялся шуровать в недрах будки, откуда в ответ неслось глухое ворчание и испуганный скулёж.

Василий присел возле Алёны, оторопело рассматривая её рану, кровь из которой текла и капала на утопанную собакой землю.

- Алёна, что? Потерпи, сейчас перевежем... Бинты какие-нибудь, Наталья Петровна...

Та встрепенулась, кинулась к крыльцу: «В дом, в дом её! Сейчас я!»

Василий подхватил на руки ослабевшую от боли и испуга Алёну и понёс на веранду. Здесь Андрей Иванович быстро разложил кресло-кровать, на него поместили стонущую женщину. Пострадавшую ногу в шесть рук обмывали, обтирали смоченной в марганцовке салфеткой, прижигали зелёной, бинтовали.

- Нечего думать! – взял Василия за локоть Андрей Иванович. – Надо ехать в медпункт!

- Да-да! – поддержала Наталья Петровна. – Там всё сделают как надо...

Василий снова подхватил притихшую жену на руки и почти бегом направился к себе во двор. Соседка вызвалась проводить. Уже через минуту джип выехал на вечернюю улицу, а вдогонку ему несли приглушенный, будто извиняющийся лай Пупсика.

На Заводскую улицу, где расположился медпункт, они домчали молча. В коридоре серого одноэтажного здания царил полумрак, лишь настольная лампа за столом дежурного освещала усталое лицо немолодой женщины в белом халате, которая, склонившись над столом, писала в толстой амбарной книге. Она подняла голову и встала навстречу Василию, который нёс на руках Алёну.

- Выручай нас, Марковна! – выступила из-за его спины Наталья Петровна. – Наш Пупсик соседку укусил... Алёнушку...

- Идите за мной, - скомандовала Марковна и включила верхний свет. - В процедурную её, - она распахнула одну из десятка выходящих в коридор дверей.

В процедурной всё сияло белизной.

- Чего застыл? – рявкнула Марковна на Василия. – Клади её на кушетку, – тот осторожно опустил ношу на застеленное белой простынёй жёсткое ложе.

- Посмотри, Марковна, что там наделал наш поганец, - исступлённо шептала Наталья Петровна на ухо строгой хозяйке заведения, которая тщательно мыла руки. – Помоги! Сделай, что можно...

- Иди, Наталья, иди, – оборвала её эскулапша. - И парня своего заberi, в коридоре ждите... Не малая, а не понимает, что нельзя лезть к цепному псу!

- Да мы... вместе были... В курятник пошли... Не ожидали... - начала сбивчиво Наталья Петровна. – Цыплят посмотреть... Алёна Пупсика вроде прикормила...

- Говорю, в коридор идите, мешаете! Без вас разберусь, - Марковна вытолкала сопровождающих из кабинета и захлопнула дверь.

Василий с соседкой присели на стулья у стены и принялись ждать. Василий молчал, то и дело тяжело вздыхая. А Наталья Петровна раз за разом спрашивала сама себя: «Как же так? Ну, как так?!» - и сокрушённо качала головой...

В эту ночь Алёна долго не могла заснуть, перебирала в памяти детали ужасного вечера...

Укус отдавал тупой болью. Марковна, непрерывно ворча, срезала бинты, тщательно вымыла ногу хозяйственным мылом, промыла рану.

- Крови много было? – сердито спросила у стонущей Алёны,

- Что? – не поняла та.

- Крови, говорю, много вытекло?

- Да, - кивнула пациентка. – Текла.

- Это хорошо! – похвалила вдруг фельдшерица, колдуя над её ногой.

«Вот живодёрша! Мне больно, а ей крови побольше давай!» - думала Алёна, отвернувшись к белой стене.

А Марковна терпеливо объясняла:

- Если укус кровотоцит, вместе с кровью из раны выйдет и слюна. Собака у Натальи, конечно, привита от бешенства, но кто его знает, исключать вероятность нельзя... Поэтому уколою антибиотик .И от столбняка – тоже, ведь нам сепсис не нужен. Раны хоть небольшие, но рваные, так что шовчик сделаю. Терпи, девонька, раз к такой собачине полезла, не побоялась, - и она дала Алёне выпить две таблетки анальгина.

- Значит, так, - инструктировала она Василия, передавая с рук на руки перебинтованную хромающую жену. – Если будет температура или покраснение, или увеличение лимфоузлов, или отёк ноги, или гной появится – срочно к врачу. Если аппетит пропадёт у неё или бессонница, или депрессия накатит, или повышенная раздражительность – тоже к врачу. Спиртного – ни-ни...

- Вот и бессонница у меня, - с тревогой думала Алёна, лёжа рядом с мирно посапывающим мужем.

А мысль о том, что пыталась подружиться с собакой, вообще раздражала до невозможности:

– Чёртов Пупсик! А я-то дура наивная!

От света уличного фонаря на потолке покачивалась причудливая тень оконного переплёта, в стекло едва слышно однозвучно постукивала ветка рябины. Боль в ноге утихла. Алёна улеглась поудобнее и заснула.

Ей приснилось, будто бродит одна по солнечному хвойному лесу, вслушиваясь в мотив ветра, играющего макушками сосен. До неё доносится тихий шелест и такие же тихие шаги...

Вдруг всё вокруг потемнело, стволы огромных деревьев едва угадывались во мраке. Зато звук монотонных шагов усилился, словно кто-то невидимый прогуливался в ночи. Алёне стало так страшно, что мурашки пошли по коже. Она хотела убежать, но не могла сдвинуться с места, лишь тревожно прислушивалась.

Мелодия звуков изменилась: послышался резкий скрежет железа, чьи-то далёкие крики ужаса и боли. Она уловила в кромешной темноте треск разгорающихся поленьев, потом – нарастающий рёв свирепого пламени. Он постепенно становится всё громче, всё напряжённее, пока не превратился в сплошной вой. И потом – тишина, наполненная пустотой и ужасающим одиночеством.

Она напряжённо вслушивалась в безмолвие, но как не силилась, не могла понять, что за звуки раздавались вначале, о чем они говорили ей...

И – внезапно проснулась. Темнота в комнате стала серой, Алёна хорошо различала знакомые предметы – каждый на своём месте. Муж тихо похрапывал рядом. «Это всего лишь страшный сон», – подумала она. Однако кожа на руках была влажной от пота, да и тревога не отпускала. Показалось, что в комнате душно, трудно дышать, и она решила открыть окно.

Повернулась на бок, сразу почувствовав боль, опасливо ступила на холодный пол, прихрамывая, подошла к подоконнику, осторожно отодвинула одну из штор, приоткрыла оконную створку. И испуганно отшатнулась: с ночной улицы в лицо дохнуло горячим воздухом.

Ей было знакомо это раскалённое дыхание ночи: в памяти мгновенно всплыл знойный отдых в Египте, где побывали с мужем пару лет назад. Со страхом Алёна начала всматриваться в чернеющую под звёздным небом стену леса. Ей почудилось, что в глубине чащи на мгновение мелькнуло и растворилось во тьме призрачное облачко малинового зарева. «Пожар! – поняла сразу, и, затаив дыхание, вглядывалась во мрак. – Лес горит, точно! Что-то надо делать!» – однако за окном ничего больше не было видно.

- Вась... – тихо позвала она, муж коротко всхрапнул, но не пошевелился. – Вася! – окликнула Алёна громче. – Вставай, кажется, лес, горит. Надо что-то делать!

А? – оторвал голову от подушки Василий. – Ты чего не спишь? Болит? – он посмотрел на светящиеся стрелки наручных часов. – Третий час... Может, анальгина примешь?

- Если лес горит, деревня тоже может загореться? – не слушая его сонного бормотания, спросила Алёна, не отрывала глаз от окна.

- Ты о чём? – муж, кажется, пробудился. – Где горит?

- Лес, похоже, горит... – повернулась к нему Алёна. – С улицы жаром пышет...

В этот миг в соседнем дворе завыл Пупсик, ему вторила другая собака, третья.

- Да ты что! – подскочил к жене Василий и настежь распахнул окно. – Бог ты мой! – он склонился над подоконником, вглядываясь вдаль. – Точно, горит где-то далеко! – ткнул пальцем в сторону леса. – Но запаха нет, значит, ветер не в нашу сторону.

Василий окончательно проснулся, включил свет, тщательно закрыл окно и начал одеваться.

- Сделаем так, - натягивая джинсы, начал он инструктировать жену. – Я пойду будить соседей, а ты звони по мобильнику, вызывай пожарных. Потом одевайся, документы не забудь и – на улицу! Да ногу береги. Жди меня во дворе, лучше, прямо в машине. Как прибегу, сразу рванём в город. Вещи мы собрали. Даже если наша усадьба не сгорит, хватит тут отдыхать...

- Андрей Иванович! Андрей Иванович! – Василий старался перекрычить собачий лай и пинал ногой калитку соседей. На веранде вспыхнула лампочка, дверь открылась, и на освещённом крыльце показался взлохмаченный сосед в майке и кальсонах:

- Кто здесь? – щурясь от света и всматриваясь в темноту, спросил он. – Что случилось? – и крикнул рвущейся с цепи собаке. – Пупсик, молчать! Ты, Василий? – узнал, наконец, соседа. – С Алёной плохо?

- Да нет, - с чисто русской «определённостью» громко ответил Василий. - Сейчас я, - он осторожно вошёл в калитку и вдоль забора пробрался к крыльцу. – Доброй ночи, Иваныч, - поприветствовал соседа. – Кажется, пожар в лесу. Вон в той стороне...

- Да нет, - в тон ему ответил сосед. – Там бы зарево было!

С минуту они внимательно всматривались в безмолвную черноту лесной полосы.

- Кажись, правда, есть что-то, - Андрей Иванович нервно поскрёб пальцами по груди. – А я и то думаю: небо звёздное, похолодать должно к утру, а оттуда теплом тянет. Местность в той стороне Гнилым углом называют, - пояснил он Василию. – Там торфяники, когда-то из них торф брали. Потом озёра стали, зарыбились. Народишко из города туда рыбачить ездит. Само собой, без ухи не обходится. Костёр толком не загасили. А сушь-то знатная всё лето и, считай, весь сентябрь. Похоже, торф и загорел... Или подземный пожар, или низовой... Ветер от нас дует, вот гари и не чуем. И не дай Бог, ветер переменится! - встрепнулся Андрей Иванович. - Пожарных надо вызывать!

- Алёна уже вызвала, - доложил Василий.

- Тогда давай соседей будить, - Андрей Иванович нервно пригладил свою шевелюру. – Ты по левой стороне улицы пойдёшь, а я по правой. Только штаны надену, - и он торопливо потопал в дом.

Минут через сорок по улице в сторону леса промчался пожарный автомобиль, обдавая тёмные дома тревожно-красным светом мигалки и мощным рёвом сирены. К этому времени уже десятка полтора машин с дачниками, да и с коренными жителями рванули из посёлка в сторону города.

...Алёна дремала на заднем сиденьи джипа и не заметила, как вернулся Василий. Вздрогнула, когда он забарабанил пальцами по стеклу машины, открыла дверцу:

- Домой едем, Вася?

- Погодим, - Василий ласково погладил жену по щеке, тронул её за подбородок. – Пока ветер в сторону леса дует, мы с мужиками решили пожарным помогать. Ну, а как? Посёлок ведь наш, нам и спасать... Ничего? Подождёшь? Как нога?

- Терпимо... Ноет, правда. Я ещё анальгина приняла, - муж помог Алёне выбраться из машины.

- Пойдём в дом, - он крепко взял её за локоть. - Одну что-нибудь попроще...

Утренние сумерки понемногу вычерчивали линию горизонта над лесом, возвращали привычный вид находящимся во дворе предметам. А с той стороны неба, где день за днём вот уже несколько месяцев подряд поднималось солнце, бесчисленными стадами сказочных чудовищ напоздали низкие серые тучи.

Муж наскоро переоделся и убежал на улицу, где в сторону леса тянулись поселяне с лопатами, пилами, топорами. Алёна, не раздеваясь, улеглась в кровать, баюкала раненую ногу и забылась тревожным сном на этот раз без сновидений.

Проснулась она от того, что перестала чувствовать затёкшую больную ногу. Когда попыталась сесть в постели, показалось, что в ногу разом воткнули сотни острых иголок, пришлось подождать несколько минут, пока не восстановилась нормальная чувствительность. Ковыляя, спустилась на первый этаж, кое-как приготовила чай с бутербродами и позавтракала без аппетита.

Будильник показывал начало одиннадцатого, но в доме было мрачно из-за непривычно пасмурной погоды. Серый день угнетал, не покидала и тревога за мужа.

Василий явился около полудня. Возбуждённый, говорливый, грязный, он источал терпкий запах дыма, лицо блестело от пота и липкой сажи. Прогоревшую во многих местах старую куртку скинул в угол.

- Есть хочу как волк! - приобнял он Алёну. – Мы там с пожаром бьёмся, бьёмся...

- Сначала умойся, - мягко отстранилась жена. – Я картошки нажарила с колбаской...

- Поем и отвезу тебя на перевязку, - говорил Василий, торопливо проглатывая еду. – Потом снова в лес побегу помогать, - делился он планами на ближайшие часы.

- А когда же домой, Вася? – спросила Алёна, подкладывая ему добавки.

- Если всё нормально будет, вечером уедем... Там торфяник горит, представляешь? - по его возбуждённому голосу Алёна чувствовала, что ему хочется рассказать подробности, поэтому молчала, кивала, поддакивала, мысленно складывая из его слов картину разыгравшейся рядом с посёлком беды.

Действительно, подтвердили пожарные, нерадивые туристы вчера не потушили на торфянике костер, и огонь ушёл сначала вглубь почвы, а потом язычки пламени неуверенными рыжими зверьками то там, то тут побежали по хвойному опаду и валежнику. Из-за страшного лиха в лесу тревожно стрекотали сороки. Зверюшки, убегали, скакали, ползли прочь от огня, спасая свои жизни, задыхались в дыму.

Пожар был низовой, он снова исчезал в земле, и казалось, что больше уже ничего не произойдёт, однако огненные ленточки, цепляясь за сухую траву, за высушенный солнцем лесной хлам, двигались дальше. Фронт огня передвигался, будто нехотя, метались раздробленные стволами деревьев обрывки пламени.

Василий даже вилку отложил, живописуя, как один раз столб огня всё-таки взмыл к небу – вспыхнула старая, но ещё зеленая пихта, разбрасывая вокруг гигантский сноп искр. Как люди кинулись гасить её. Если бы промедлили, рядом загорелась бы ель, а за ней – одно дерево за другим...

«Если бы ты не разбудила, - похвалил Василий Алёну, – оно бы разгорелось! И так жарко! Мы наперерез огню копаем канавы, отрезаем ему путь, срываем сухой дерн. Пожарные через рукав водой заливают и ручными насосами. Дымит, конечно, дышать тяжело... Представляешь, я ни разу в жизни не был в горящем лесу. Теперь знаю, огонь рывками наступает и негромко так под землёй взгудывает...», - произнёс Василий незнакомое Алёне слово.

В медпункте ей сделали укол и перевязали ногу. «Рана хорошая, не гноится», - похвалила медсестра, которая сегодня вела себя намного спокойнее, чем вчера вечером. Даже пошутила: «До свадьбы заживёт».

Когда, возвращаясь с перевязки, подъезжали к дому, из-за своей калитки выглянул Андрей Иванович. Увидев соседей, вышел на улицу. Виктор притормозил.

- Молодец! - склонившись к окну машины, похвалил Алёну сосед. – Посёлок, можно сказать, спасла...

- Ага, - заскромничала та. – Нога болела, вот и не спалось... Может, Пупсика надо благодарить, - съехидничала.

- Да-а! – опустил глаза Андрей Иванович. – Убить его, гада, мало... - и перевёл разговор на другое. – Мы огонь гасили, а он всё движется! Вот ведь какая сволочь!

- Сейчас снова пойдём, - встрял Василий. – Надо дело до конца довести.

- Я не пойду, - вздохнул сосед. – Устал, не могу. Там пожарные и без нас уже справятся.

- Нет, я пойду, - твёрдо заявил Василий. – Обещал мужикам, что на перевязку сгоняю и вернусь.

Он загнал машину во двор, чмокнул жену в щёку и исчез. «Осторожней!» - только и успела шепнуть она.

...Ей казалось, что после обеда время остановилось. Алёна не торопясь приготовила ужин, помыла посуду, убралась на кухне. Включила телевизор, перебрала несколько каналов, но не хватило терпения вникнуть ни в одну из передач. Потерянно бродила по двору, то и дело посматривая на улицу. Ближе к вечеру из леса потянулись добровольные огнеборцы – чумазные мужики.

Она спрашивала у них, как там на торфяниках?

- Кажется, победили, - отвечали ей. – Пожарные заканчивают дело...

- А где же Василий? – удивлялась она.

- Вася? Там ещё, - кивали они в сторону леса.

В пустом тихом доме стало так одиноко, что Алена не усидела и отправилась к соседям. Осторожно вдоль забора шла по соседскому двору, где вдоль проволоки метался Пупсик, приветствуя её радостным лаем. С веранды выглянула Наталья Петровна:

- Алёна! – обрадовалась она гостье. - Иди, не бойся, не достанет, - и сердито крикнула собаке:

- Уймись, аспид! – отчего пёс сразу замолчал, лёг на землю и принялся колотить по ней лохматым хвостом, оскалив в добродушной улыбке все свои сорок два собачьих зуба.

Наталья Петровна принялась собирать на стол.

- Андрюша отдохнуть прилёг, - сообщила она. - Сейчас подниму.
- Нет-нет, не надо, - остановила Алёна. – И на стол не собирайте, я есть не хочу... Тревожно что-то, - зябко передёрнула плечами. – Васи всё нет.
- Придёт, - участливо откликнулась хозяйка. – Не думай плохого. Скоро явится наш Василий.

Они немного посудачили о том, о сём, и Алёна поплелась домой.

Лишь когда над посёлком нависли сумерки и с неба начало накрапывать, пришёл Василий, большой, измученный, – глаза на усталом, измазанном копотью лице ввалились. Притихший, пропахнувший дымом, он улыбался Алёне из последних сил.

- Помыться бы, - сказал он, стаскивая с себя мокрую от пота, грязную, дырявую от прожогов одежду.
- А я не догадалась баню затопить! - Алёна всплеснула руками с досады.
- Да и ладно, - успокоил Василий. – Я сегодня и напарился, и нагрелся досыта. Всё равно, айда в баню, сольёшь мне...

В нетопленной бане он намыливал голову, грязные руки и живот, растирал их жёсткой мочалкой, похохатывал, покрикивал, когда Алёна лила на него холодной водой, смывая мыльные потёки.

Сели ужинать. Алёна поставила перед мужем полную тарелку, сама, подперев голову, смотрела, как он неторопливо ест, основательно пережёвывая. А Василий жевал всё медленнее, с трудом открывая слипающиеся глаза. В конце концов, не съев и трети, положил вилку на стол, тяжело вздохнул:

- Домой шёл – слюной исходил, думал, слона съем... Извини, спать хочу, не могу. Пойду, лягу... Утром сразу поедем домой, - и поплёлся наверх.

Алёна убрала со стола, затолкала в топку грязную мужнину одежду, чтобы в следующий приезд сжечь её. Походила по дому, прикидывая, всё ли приготовлено к отъезду, и тоже решила лечь. И только, погасив свет, притихла в нагретой Василием постели, прижавшись к его тёплому боку, сразу заснула...

А через пару часов её разбудил странный звук, который шёл сверху. Не открывая глаз, Алёна пыталась понять происхождение этого громкого то ли шороха сухой травы, то ли шелеста старых газет. Правда, на этот раз она не чувствовала тревоги. Но всё же поднялась и как только подошла к окну, всё стало ясно: подсвеченные фонарём, по стеклу стекали струи проливного дождя. Это его мириады крупных частых капель гулко барабанили по крыше, стучали по отливу подоконника.

- Вот это дождь! – тихо обрадовалась Алёна. – Вась, - потрясла мужа за плечо - Дождь пошёл... Да проснись ты! На улице настоящий ливень!
- А? – с трудом разлепил глаза Василий. – Дождь? Это хорошо... - он повернулся на бок и снова заснул.

Ливень не прекратился и утром.

- Хорошо, что я прицеп брезентом как следует «запечатал», - похвалил сам себя Василий, вернувшись домой с утренней разведки. – Знатно поливает, вчера бы так! Но если ты готова, можем ехать.

Они по обычаю присели на минутку перед дальней дорогой. Алёна суеверно покрестила кухонные углы от недобрых людей, перекрестилась сама: «Господи, благослови!» - и выскочила вслед за мужем на промокший двор.

Рассекая лужи, джип помчался по пустынным улицам посёлка. Перед глазами его пассажиров непрерывно мотались «дворники», смахивая водные потоки с лобового стекла. Дождь не унимался, косыми струями отчаянно бил по крыше и окнам автомобиля, сбивал последние жёлтые листья с деревьев и кустов. Он то на миг утихал, то опять принимался с новой силой изливаться и шуметь. Однако Алёне радостно было взирать на этот вселенский потоп, который, казалось, освежал не только природу, саму душу после долгих, утомивших землю жарких дней, принёс с собой забытый запах свежести и мокрой травы.

Василий крепко держал руль, всматриваясь в дорогу. Алёна вспоминала прошедший отпуск, который многое переменил в её жизни, в их семейной жизни. В это хмурое дождливое утро думалось о светлом, о хорошем. Не было никакой грусти, никаких мрачных мыслей и сожаления о потерянном времени. Казалось, что всё теперь будет хорошо, что впереди у них с Василием только счастье, которое угадывалось сквозь размытую дождевую пелену.

Где-то внутри её, вторя переменчивому ритму дождя, рождалась мелодия, которую она начала машинально выстукивать пальцами по подлокотнику сиденья... «Белый туман и заманчивый запах черники, Шепот листвы, под ногами струится ручей. А меж деревьев заката чуть ясные блики – наше Асерхово точно не спутать ни с чем...» - беззвучно шептала Алёна пришедшие откуда-то из памяти строчки.

г. Владимир

Об авторе

Сергей Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил здесь школу №3, затем – филологический факультет Кемеровского госуниверситета.

Работал в городской газете «Шахтёрская правда» – корреспондентом, завотделом, главным редактором. Был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску и Киселевску. В 1987 году решением бюро обкома КПСС переведен на работу в Кемерово – заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровской области.

В начале 1990-х годов с группой энтузиастов организовал первую негосударственную телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса – АИК», работал в ней главным редактором. После этого занимался рекламой и маркетингом. В 1994 году стал руководителем пресс-службы вновь созданного представительного органа региона – областного Законодательного Собрания.

В 1996-1997 годы в Москве возглавлял пресс-службу российского Министерства по делам СНГ. Затем был назначен начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора.

Сергей Иванович – заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Кузбасса, награжден орденом «Доблесть Кузбасса». Имеет и другие областные награды.

Немало путешествовал. Побывал в ряде стран Юго-Восточной Азии, Европы, во многих городах России. Увлекается фотографией, неоднократно был участником фотовыставок, в том числе – фотовыставок «Новый век. Европа, Россия, Кузбасс» (2005 год), «Какими мы были» (2005 год), «Притягательный регион России» (2006 год), «Из дальних странствий возвратись...» (2006 год), «Акценты» (2012 год), «Город в творческом объективе» (2015 год) и других.

Персональная фотовыставка прошла в Кемеровской областной научной библиотеке имени В.Д. Федорова в 2013 году.

Автор фотоальбомов и книг «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Кузбасс – Китай. Новые грани сотрудничества», «На картошку», «Ёршик с ангиной», «ФотоФакты или Пьер Ришар, Владимир Путин, Лео Бокерия и ужин у президента Украины» и других. Его статьи, рассказы, фотографии публиковали в международной, центральной и местной печати. В газетах - «Кузбасс», «Известия», «Труд», «Российская газета», «Коммерсант», «Ведомости», «Комсомольская правда», журналах - «Огни Кузбасса», «Кузбасс XXI век» и других, в книгах о Кемеровской области.

С 2015 года проживает в городе Владимире, работает заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области.

5 ноября 2018 года исполнилось 45 лет его журналистской деятельности. (Первую заметку опубликовал 5 ноября 1973 года в студенческой газете КемГУ «Молодой учитель»).

Содержание

Ночлежка с гарантией.....	3
Деревенский эскорт.....	37
Находка для шпиона.....	70
Малый каботаж.....	87
Партийный хит сезона.....	131
Городские деревенские.....	155
Об авторе.....	185